



**Российский экономический университет  
имени Г. В. Плеханова**

**Научный журнал**

**ЭКОНОМИКА  
ПРАВО  
ОБЩЕСТВО**

---

**ECONOMICS  
LAW  
SOCIETY**

**Scientific Journal**

**№ 1 (13), 2018**

**Гришин Виктор Иванович** – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

**Курбанов Рашад Афатович** – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

**Валентей Сергей Дмитриевич** – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

**Василевич Григорий Алексеевич** – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

**Вельяминов Георгий Михайлович** – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

**Витязь Петр Александрович** – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

**Вознесенская Нинель Николаевна** – ведущий научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

**Воронова Татьяна Андреевна** – проректор по учебной работе, персоналу и имущественному комплексу Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

**Георг Става** – генеральный секретарь Министерства юстиции Австрии, Президент Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

**Гринберг Руслан Семенович** – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

**Гришина Ольга Алексеевна** – профессор кафедры финансов и цен Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

**Гулиев Ибрагим Саид оглы** – вице-президент НАН Азербайджана, академик НАН Азербайджана, доктор геолого-минералогических наук, профессор

**Джафаров Азер Мамед оглы** – заместитель Министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

**Егоров Алексей Владимирович** – ректор Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

**Ершова Инна Владимировна** – заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

**Жаворонкова Наталья Григорьевна** – заведующая кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

**Занковский Сергей Сергеевич** – заведующий сектором предпринимательского права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

**Зинчук Галина Михайловна** – декан факультета экономики и права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

**Иванов Вилен Николаевич** – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

**Капустин Анатолий Яковлевич** – первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

**Клеандров Михаил Иванович** – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

**Grishin Viktor Ivanovich** – Chairman of the Editorial Board, Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

**Kurbanov Rashad Afatovich** – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

**Valentey Sergey Dmitrievich** – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

**Vasilevich Grigoriy Alekseevich** – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

**Velyaminov Georgiy Mikhailovich** – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

**Vityaz Petr Aleksandrovich** – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

**Voznesenskaya Ninel Nikolaevna** – Leading Researcher of the Sector of the Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

**Voronova Tatiana Andreevna** – Vice-Rector for Academic Affairs, HR-Development and Property Complex of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Doctor of Economics, Professor

**Georg Stawa** – Secretary General of the Austrian Ministry of Justice, President of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

**Grinberg Ruslan Semenovich** – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

**Grishina Olga Alekseevna** – Professor of the Department of Finance and Prices of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

**Guliev Ibragim Said ogly** – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Science (Geology and Mineralogy), Professor

**Jafarov Azer Mammad ogly** – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

**Egorov Aleksey Vladimirovich** – Rector of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov, PhD of Law, Associate Professor

**Ershova Inna Vladimirovna** – Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Moscow State University of Law named after O. E. Kutafin (MSAL), Doctor of Law, Professor

**Zhavoronkova Natalya Grigorievna** – Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Moscow State University of Law named after O. E. Kutafin (MSAL), Doctor of Law, Professor

**Zankovskiy Sergey Sergeevich** – Head of the Department of Entrepreneurial Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

**Zinchuk Galina Mikhailovna** – Dean of the Faculty of Economics and Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

**Ivanov Vilen Nikolayevich** – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

**Kapustin Anatoliy Yakovlevich** – Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

**Kleandrov Mikhail Ivanovich** – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Eminentus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

**Кулапов Михаил Николаевич** – директор образовательно-научного центра «Менеджмент» Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор  
**Кулиев Ариф Зулфигар оглы** – доктор технических наук, профессор  
**Лалетина Алла Сергеевна** – директор по правовому обеспечению и корпоративному управлению «Ростех», доктор юридических наук  
**Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич** – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор  
**Мазур Иван Иванович** – президент научно-производственной корпорации «Интеллектуальные системы», доктор технических наук, профессор  
**Манке Карстен** – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)  
**Марченко Михаил Николаевич** – заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор  
**Минашкин Виталий Григорьевич** – проректор по научной деятельности Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор  
**Михайлов Николай Иванович** – начальник Научно-организационного управления Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор  
**Мустафазе Айтен Инглаб кызы** – директор Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор  
**Плигин Владимир Николаевич** – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук  
**Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы** – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, доктор юридических наук, профессор  
**Фатьянов Алексей Александрович** – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор  
**Шамба Тарас Миронович** – президент Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР», доктор юридических наук, профессор  
**Экимов Анисим Иванович** – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор  
**Яблочкина Ирина Валерьевна** – директор Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор  
**Яковлев Вениамин Федорович** – советник Президента Российской Федерации, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

**Kulapov Mikhail Nikolayevich** – Director of the Educational and Scientific Center of "Management" of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor  
**Kuliev Arif Zulfigar ogly** – Doctor of Technical Sciences, Professor  
**Laletina Alla Sergeevna** – Head of Corporate and Legal Department of the State Corporation "Rostec", Doctor of Law  
**Lisitsyn-Svetlanov Andrey Gennadievich** – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor  
**Mazur Ivan Ivanovich** – President of the Scientific-Industrial Corporation "Intellectual Systems", Doctor of Engineering Sciences, Professor  
**Mahnke Carsten** – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)  
**Marchenko Mikhail Nikolayevich** – Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor  
**Minashkin Vitaly Grigorievich** – Vice-Rector for Research of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor  
**Mikhailov Nikolai Ivanovich** – Head of the Scientific and Organizational Department of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor  
**Mustafazade Ayten Inqlab qizi** – Director of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Deputy of the Milli Meclis of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor  
**Pligin Vladimir Nikolaevich** – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD of Law  
**Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu** – President of the Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region, Doctor of law, Professor  
**Fatyayov Alexey Alexandrovich** – Head of the Department of State and Legal and Criminal Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor  
**Shamba Taras Mironovich** – President of the Bar Association of Moscow "TAMIR", Doctor of Law, Professor  
**Ekimov Anisim Ivanovich** – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor  
**Yablochkina Irina Valerievna** – Director of the Center of Humanitarian Training of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor  
**Yakovlev Veniamin Fedorovich** – Adviser to the President of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:

ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель  
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»  
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

**Адрес редакции:**

117997, Москва, Стремянный пер., 36.  
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: [grapravo.kaf@mail.ru](mailto:grapravo.kaf@mail.ru)  
[www.rea.ru](http://www.rea.ru)

Главный редактор **Р. А. Курбанов**  
Заместитель главного редактора **А. М. Белялова**  
Ответственный секретарь **Ю. Х. Давыдова**  
Редактор **Ю. А. Еремина**

Оформление обложки **К. Г. Жигалов**

Подписано в печать 09.04.2018. Формат 70 x 108 1/16.  
Печ. л. 9,0. Усл.-печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 15,35. Тираж 500 экз. Заказ.  
Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».  
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication, informational technologies and media control:  
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder  
Plekhanov  
Russian University of Economics  
(PRUE)

**Editorial office address:**

36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.  
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: [grapravo.kaf@mail.ru](mailto:grapravo.kaf@mail.ru)  
[www.rea.ru](http://www.rea.ru)

Chief editor **R. A. Kurbanov**  
Deputy chief editor **A. M. Belyalova**  
Executive Secretary **Yu. Kh. Davydova**  
Editor **Yu. A. Eremina**

Cover design **K. G. Zhigalov**

Signed in print 09.04.2018. Format 70 x 108 1/16.  
Printed sheets 9,0. Conv. sheets 12,6. Publ. sheets 15,35. Circulation 500. Order  
Printed in Plekhanov Russian University of Economics.  
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>К юбилею В. Г. Гусакова</i>	8
<i>К юбилею С. М. Алдошина</i>	9
<b>Региональная интеграция</b>	
<b>Курбанов Р. А.</b>	
<i>Правовые позиции ЕСПЧ и российское законодательство</i>	10
<b>Сравнительное правоведение</b>	
<b>Василевич Г. А., Василевич С. Г.</b>	
<i>Злоупотребление правом – правомерное поведение или правонарушение?</i>	17
<b>Цифровая экономика и право</b>	
<b>Клеандров М. И.</b>	
<i>Цифровая экономика и проблемы механизма правосудия</i>	28
<b>Куксин И. Н.</b>	
<i>Цифровое образование – новые реальности</i>	36
<b>Денисов И. С.</b>	
<i>Развитие электронного правосудия в России</i>	42
<b>Гражданское право и процесс</b>	
<b>Рузакова О. А., Рузаков А. Б.</b>	
<i>Машино-место как объект гражданско-правовых отношений: особенности правового регулирования</i>	48
<b>Людвиг С. Д.</b>	
<i>Ошибка, заблуждение и обман как условия недействительности сделки</i>	55
<b>Международное право</b>	
<b>Середа В. А.</b>	
<i>Проблемы дефиниции «иностранные инвестиции» в международном праве</i>	63
<b>Зарубежное законодательство</b>	
<b>Василевич Г. А.</b>	
<i>Совершенствование законодательства Республики Беларусь как средство противодействия коррупционным правонарушениям</i>	69
<b>Зульфугарзаде Т. Э.</b>	
<i>Особенности рассмотрения отдельных категорий дел судами США</i>	76
<b>Финансовое право</b>	
<b>Крохина Ю. А.</b>	
<i>Эффективное расходование бюджетных средств: состояние и перспективы совершенствования правового регулирования</i>	85
<b>Право и экономическая деятельность</b>	
<b>Щербаков В. А.</b>	
<i>О некоторых правовых вопросах удовлетворения государственных нужд на территориях опережающего социально-экономического развития (ТОР) в Российской Федерации</i>	92

<b>Плехановская школа молодых ученых</b>	
<b>Чувахин П. И., Себелева Т. А., Смирнов Д. П.</b>	
<i>К проблеме отсутствия правового регулирования трансграничных банкротств в БРИКС: актуальность, вопросы и решения</i>	101
<b>До И.</b>	
<i>Основные соглашения АСЕАН как основы для инвестиционной деятельности в государствах – членах АСЕАН</i>	106
<b>Новицкая Л. Ю., Малышева Л. В.</b>	
<i>Долги гражданина-банкрота</i>	110
<b>Баланюк Л. Л., Наумова А. А.</b>	
<i>Доверенность как динамично развивающийся институт гражданского права</i>	117
<b>Федорова И. А., Жихарева Ю. П.</b>	
<i>Актуальные проблемы разработки и внедрения налога на роскошь в России</i>	123
<b>Тюрин И. В., Толканова А. А.</b>	
<i>Особенности земельно-правового режима при формировании территорий опережающего развития на Дальнем Востоке</i>	129
<b>Рецензии</b>	
<b>Абдуллаев Ф. С.</b>	
<i>Рецензия на статью А. М. Джафарова «Доктрина разделения властей и проблема ее реализации в странах СНГ»</i>	136
<b>Клеандров М. И.</b>	
<i>Рецензия на статью А. М. Джафарова «Доктрина разделения властей и проблема ее реализации в странах СНГ»</i>	141
<b>Требования к публикациям</b>	143

## CONTENTS

<i>To the Anniversary of V. G. Gusakov</i>	8
<i>To the Anniversary of S. M. Aldoshin</i>	9
<b>Regional Integration</b>	
<b><i>Kurbanov R. A.</i></b>	10
<i>The Legal Positions of the ECtHR and the Russian Legislation</i>	
<b>Comparative Law</b>	
<b><i>Vasilevich G. A., Vasilevich S. G.</i></b>	17
<i>Abuse of the Law – Lawful Behavior or Offense?</i>	
<b>Law and Digital Economy</b>	
<b><i>Kleandrov M. I.</i></b>	28
<i>Digital Economy and Problems of the Mechanism of Justice</i>	
<b><i>Kuksin I. N.</i></b>	36
<i>Digital Education – New Realities</i>	
<b><i>Denisov I. S.</i></b>	42
<i>The Development of e-Justice in Russia</i>	
<b>Civil Law and Process</b>	
<b><i>Ruzakova O. A., Ruzakov A. B.</i></b>	48
<i>«Parking Space» as an Object of Civil-Law Relations: Peculiarities of Legal Regulation</i>	
<b><i>Ludwig S. D.</i></b>	55
<i>Error, Delusion and Deception as a Condition of Invalidity of a Transaction</i>	
<b>International Law</b>	
<b><i>Sereda V. A.</i></b>	63
<i>Problems of the Definition of "Foreign Investment" in International Law</i>	
<b>Foreign Legislation</b>	
<b><i>Vasilevich G. A.</i></b>	69
<i>Improvement of the Legislation of the Republic of Belarus as a Measure of Counteracting Corruption Offenses</i>	
<b><i>Zulfugarzade T. E.</i></b>	76
<i>Features of Consideration of Some Categories of Cases by US Courts</i>	
<b>Financial Law</b>	
<b><i>Krokhina J. A.</i></b>	85
<i>Effective Expenditure of Budgetary Funds: the State and Prospects for Improving of Legal Regulation</i>	
<b>Law and Economic Activity</b>	
<b><i>Scherbakov V. A.</i></b>	92
<i>On Some Legal Issues of State Need's Satisfaction in Territories of Advancing Social and Economic Development in the Russian Federation</i>	

<b>Plekhanov School of Young Scientists</b>	
<b>Chuvakhin P. I., Sebeleva T. A., Smirnov D. P.</b>	
<i>To the Problem of Lack of Legal Regulation of Cross-Border Bankruptcy in BRICS: Relevance, Issues and Solutions</i>	101
<b>Do Y.</b>	
<i>The Basic ASEAN Agreements as the Basis for Investment Activities in the ASEAN Member States</i>	106
<b>Novitskaya L. Yu., Malysheva L. V.</b>	
<i>Debts of a Bankrupt Citizen</i>	110
<b>Balanyuk L. L., Naumova A. A.</b>	
<i>Power of Attorney as a Dynamically Developing Civil Law Institute</i>	117
<b>Fedorova A. I., Zhikhareva Yu. P.</b>	
<i>Actual Problems of Development and Implementation of the Luxury Tax in Russia</i>	123
<b>Tyurin I. V., Tolkanova A. A.</b>	
<i>Features of the Land-Legal Regime in the Formation Territories of Advanced Development in the Far East</i>	129
<b>Reviews</b>	
<b>Abdullaev F. S.</b>	
<i>A Review of the Article by A. M. Jafarov "The Doctrine of Separation of Powers and the Problem of its Implementation in CIS Countries"</i>	136
<b>Kleandrov M. I.</b>	
<i>A Review of the Article by A. M. Jafarov "The Doctrine of Separation of Powers and the Problem of its Implementation in CIS Countries"</i>	141
<b>Requirements to the Publications</b>	143

**12 февраля 2018 года  
исполнилось 65 лет Председателю Президиума НАН Беларуси,  
руководителю Международной ассоциации академий наук,  
академику Владимиру Григорьевичу Гусакову**



**Владимир Григорьевич Гусаков** – белорусский ученый в области аграрной экономики. Академик Национальной академии наук Беларуси (2003), академик Академии аграрных наук Республики Беларусь (1999–2002), иностранный член Национальной академии аграрных наук Украины (2002), Российской академии сельскохозяйственных наук (2006), Академии сельскохозяйственных наук Республики Казахстан (2010), Латвийской академии сельского и лесного хозяйства (2013), доктор экономи-

ческих наук (1994), профессор (1998). Заслуженный деятель науки Республики Беларусь (2004).

Окончил Белорусскую государственную сельскохозяйственную академию (1976). В 1976–1979 г. главный экономист в колхозе «17 партсъезд» Славгородского района Могилевской области, с 1981 г. младший научный сотрудник, с 1985 г. старший научный сотрудник Белорусского НИИ экономики и организации сельского хозяйства. В 1989–1991 г. докторант Всесоюзного (Всероссийского) НИИ экономики сельского хозяйства (Москва). С 1992 г. заведующий сектором Белорусского НИИ экономических проблем АПК, с 1994 г. директор Белорусского НИИ экономики и информации АПК (с 2002 г. Институт аграрной экономики НАН Беларуси, с 2005 г. Центр аграрной экономики Института экономики НАН Беларуси). В 1997–2001 г. вице-президент Академии аграрных наук Республики Беларусь. С 2002 г. вице-президент, с 2004 г. заместитель Председателя Президиума НАН Беларуси. Одновременно с 2002 г. академик-секретарь Отделения аграрных наук НАН Беларуси. С октября 2013 г. Председатель Президиума Национальной академии наук Беларуси, член Правительства Республики Беларусь. В 2017 г. избран руководителем Международной ассоциации академий наук.

Академик В. Г. Гусаков является автором более 700 научных работ, в том числе 22 монографий и книг и более 200 брошюр и рекомендаций по организации управления и управленческого труда в сельском хозяйстве, эффективности использования производственного потенциала сельскохозяйственных предприятий, организации и эффективного функционирования аграрного рыночного хозяйственного механизма.

Награжден Орденом Святого Кирилла Туровского (2011 г.), орденом «За заслуги» III степени (2013 г., Украина). Почетный гражданин Чечерского района Гомельской области (2011 г.).



**2 марта 2018 года  
исполнилось 65 лет директору  
Института проблем химической физики РАН  
академику Сергею Михайловичу Алдошину**



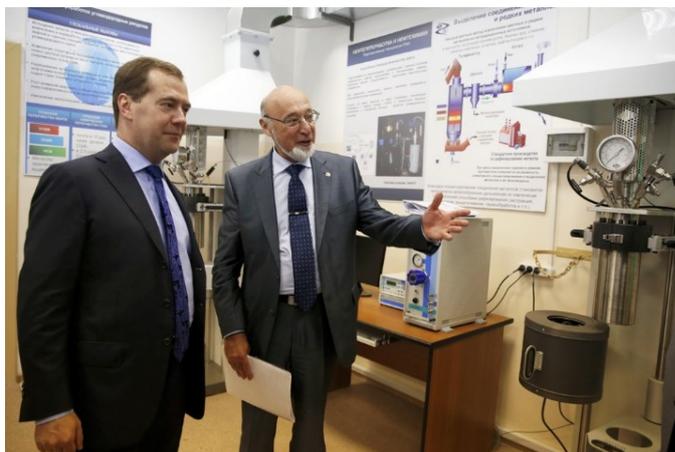
**Сергей Михайлович Алдошин** – российский ученый в области строения вещества, реакционной способности, создания и исследования новых материалов, в том числе наноматериалов со специальными свойствами, гибридных материалов, сочетающих в одной кристаллической решетке различные свойства (фотохромные, спектральные, магнитные, проводящие), композиционных материалов конструкционного назначения, «умных» материалов для записи информации и молекулярной электроники. Академик Российской академии наук (2003), директор Института проблем химической физики РАН, заведующий лабораторией структурной химии ИПХФ РАН, член Бюро Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, председатель Координационного совета по инновационной деятельности и интеллектуальной собственности РАН, председатель Научного совета

РАН по материалам и наноматериалам, председатель Научного совета по химической физике.

Академик С. М. Алдошин начал свою научную деятельность в 1975 г. после окончания химического факультета Ростовского государственного университета. В 1977 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, а в 1986 г. стал доктором химических наук. С 1989 г. С. М. Алдошин был заместителем директора Института проблем химической физики РАН, а с 1997 г. стал его директором. В 2000 г. был избран членом-корреспондентом, с 2003 г. стал действительным членом РАН. В 2004–2009 г. был Председателем Научного центра РАН в городе Черноголовка. В 2008–2017 гг. С. М. Алдошин являлся вице-президентом РАН.

Распоряжением Президента РФ Д. А. Медведева 31 декабря 2009 г. С. М. Алдошин был включен в состав рабочей группы по разработке проекта создания территориально обособленного комплекса для развития исследований и разработок и коммерциализации их результатов в инновационном центре «Сколково».

За многолетний вклад в научную и государственную деятельность С. М. Алдошин награжден медалью «За заслуги перед отечеством» II степени. Является Почетным доктором Ростовского государственного университета и Председателем экспертного совета Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.



## Правовые позиции ЕСПЧ и российское законодательство

**Р. А. Курбанов**

доктор юридических наук, профессор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: mos-ssp@mail.ru

## The Legal Positions of the ECtHR and the Russian Legislation

**R. A. Kurbanov**

Doctor of Law, Professor, Director of the Research Institute of Legal Studies and Regional Integration,  
Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: mos-ssp@mail.ru

### Аннотация

Статья посвящена достаточно остро стоящему в настоящее время вопросу, касающемуся практически всех государств – членом Совета Европы, – реализации решений Европейского суда по правам человека. Анализируя практику ЕСПЧ по делам против Российской Федерации о нарушении статьи 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ, автор приходит к выводу, что российский законодатель в большинстве случаев воплощает при изменении законодательства правовые позиции ЕСПЧ, которые, по мнению автора, не утратят своей актуальности и востребованности применительно к современному, а также к будущим этапам развития российского правопорядка.

**Ключевые слова:** Совет Европы, Европейский суд по правам человека, Европейская конвенция, законодательство, Российская Федерация, судебная практика, имплементация, право собственности.

### Abstract

The article is devoted to a rather acute issue currently facing practically all the Member States of the Council of Europe – the implementation of the decisions of the European Court of Human Rights. Analyzing the practice of the ECtHR in cases against the Russian Federation on the violation of article 1 of Protocol N 1 to the ECHR, the author comes to the conclusion that the Russian legislator, in most cases, embodies in the change of the legal positions of the ECtHR, which, in the opinion of the author, do not lose their relevance and topicality in relation to the current as well as future stages of development of the Russian legal order.

**Keywords:** Council of Europe, European Court of Human Rights, European Convention, legislation, Russian Federation, judicial practice, implementation, property right.

Значение практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) для Российской Федерации сложно переоценить. Вступление России в Совет Европы позволило многим россиянам защитить свои, в том числе имущественные, права. Необходимо отметить, что расходы на присужденные ЕСПЧ компенсации закладываются в бюджет Российской Федерации.

Так, Федеральный закон от 14 декабря 2015 г. № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год» предусматривал бюджетные

ассигнования в объеме 450 млн рублей, предусмотренных по подразделу «Другие общегосударственные вопросы» раздела «Общегосударственные вопросы» классификации расходов бюджетов, на выплату денежных компенсаций истцам в соответствии с решениями ЕСПЧ. Федеральный закон от 19 декабря 2016 г. № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» предусматривал уже 1 млрд рублей в федеральном бюджете. Федеральный закон от 5 декабря 2017 г.

№ 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» предусматривает бюджетных ассигнований в размере 600 млн рублей (на 2018 г.).

В то же время принятие таких актов, как Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном суде Российской Федерации"», которым введена новая глава XIII.1 «Рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека», не означает отхода Российской Федерации от практики ЕСПЧ как одного из ориентиров в доктрине права.

Более того, прямые ссылки на практику ЕСПЧ можно обнаружить в решениях судов различных инстанций, что подтверждает вывод о значимости данного инструмента для российского правоприменения (например, Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 января 2018 г. № 18АП-15877/2017 по делу № А07-7364/2011, Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 7 августа 2017 г. по делу № А74-1378/2017 и др.).

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», применение судами Конвенции должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ. Постановления ЕСПЧ в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов.

Кроме того, российская практика ЕСПЧ активно используется при разработке учебных курсов в рамках программы HELP Совета Европы (Human Rights Education for Legal Professionals – Образование в области прав человека для юристов), в том числе по вопросам собственности.

Так, 7 марта 2017 г. в Сараеве для группы судей из Боснии и Герцеговины, Черногории и Сербии был анонсирован курс дистанционного обучения по праву собственности. Это ме-

роприятие было организовано в сотрудничестве с Центром подготовки судей и прокуроров Федерации Боснии и Герцеговины и Центром подготовки судей и прокуроров Республики Сербской. К разработке курса были привлечены ведущие ученые из разных стран Европы, в том числе из России, Великобритании и других стран, что позволило выявить наиболее общие правовые тенденции.

Курс был разработан в рамках Европейской программы образования в области прав человека для юристов с целью оказания помощи в рамках проекта «Укрепление потенциала судебных органов в области применения европейских стандартов в области прав человека на национальном уровне в Боснии и Герцеговине». В нем подробно рассматриваются стандарты, установленные ЕСПЧ. В его прецедентном праве по статье 1 Протокола 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод уточняются понятия «владение» и «потерпевшее лицо» и затрагиваются тесты, применяемые ЕСПЧ при оценке того, имело ли место нарушение Конвенции. Большое число дел, упомянутых в ходе этого курса, касается стран бывшей Югославии и поэтому представляет особый интерес для юристов из этого региона.

Вернемся к России.

Снижение бюджетных расходов на исполнение решений ЕСПЧ не должно вводить в заблуждение. В данном случае необходимо отдать должное и законодателю, который учитывает при внесении изменений в законодательство правовые подходы и позиции ЕСПЧ. В противном случае это позволяло бы российским властям наступать на одни и те же грабли, да еще бы стоило бюджетных средств.

Рассматривая нормы российского гражданского права о собственности, необходимо сделать важный и справедливый вывод: само по себе российское законодательство содержит нормы, позволяющие гражданам защитить свои права. Например, любое изъятие имущества сопровождается возможностью лица обратиться в суд.

Очевидной проблемой при реализации Россией правовых позиций ЕСПЧ, обеспечении гармонии духа и буквы закона является неверное истолкование данных правовых позиций на местах.

Обратимся к самой свежей практике ЕСПЧ в отношении России. Например, Постановление ЕСПЧ от 29 января 2015 г. по делу «Столярова (Stolyarova) против Российской Федерации» (жалоба № 15711/13)<sup>1</sup> и правовые позиции, указанные в нем, часто используются по аналогичным делам. Суть позиции заключается в следующем: «Что касается законности лишения заявительницы права собственности на квартиру, Европейский суд не может исключить, что заявительница права и при применении норм законодательства Российской Федерации действительно могли быть допущены определенные упущения. Отмечая, однако, что его возможности по проверке соблюдения внутрисударственных правовых норм ограничены... Европейский суд указывает, что право собственности заявительницы было аннулировано ввиду мошенничества в процессе обмена жилыми помещениями и последующей приватизации квартиры третьей стороной. В связи с этим Европейский суд отмечает, что государство имеет исключительное право определять условия и порядок отчуждения своего имущества в пользу лиц, которые, как оно считает, удовлетворяют установленным им требованиям, и следить за соблюдением этих условий. Кроме того, государство имеет исключительное право узаконивать переход права собственности на квартиру посредством регистрации, направленной именно на обеспечение дополнительной безопасности субъекта этого права. Учитывая такое количество контролирующих органов, которые подтвердили законность приобретения [гражданином] С. права собственности на квартиру, заявительница или любое другое купившее квартиру третье лицо не должны были предвидеть опасности лишения права собственности из-за ошибок, которые нужно было устранить в процессе специально для этого предназначенных процедур. Следовательно, упущение властей не может служить оправданием последующего наказания заявительницы».

Указанное дело стало практикообразующим по целому ряду аналогичных дел, связанных с лишением граждан занимаемой ими

жилой площади: пункт 25 Постановления ЕСПЧ от 2 мая 2017 г. Дело «Клименко (Klimentko) против Российской Федерации» (жалоба № 18561/10): «25. Европейский суд ранее неоднократно рассматривал дела, в которых власти Российской Федерации или муниципальные власти, являясь первоначальными собственниками жилья, успешно истребовали его от владельцев *bona fide*, когда выяснялось, что предыдущие сделки в отношении этой собственности были совершены мошенническим путем (Постановление Европейского суда по делу «Гладышева против Российской Федерации», §§ 77–83; Постановление ЕСПЧ по делу «Столярова против Российской Федерации» (Stolyarova v. Russia) от 29 января 2015 г., жалоба № 15711/13, §§ 47–51; Постановление ЕСПЧ по делу «Андрей Медведев против Российской Федерации» (Andrey Medvedev v. Russia) от 13 сентября 2016 г., жалоба № 75737/13, §§ 42–47, Постановление ЕСПЧ по делу «Кириллова против Российской Федерации» (Kirillova v. Russia), жалоба № 50775/13, §§ 33–40, а также Постановление ЕСПЧ по делу «Анна Попова против Российской Федерации» (Anna Popova v. Russia) от 4 октября 2016 г., жалоба № 59391/12. Рассматривая конкретные условия и характер процедуры, в ходе которой государство передавало свое имущество частным лицам, ЕСПЧ отмечал, что она находилась в исключительном ведении государства, и заключал, что недостатки такой процедуры, приводящие к потере государством его недвижимости, не должны устраняться за счет владельцев жилища *bona fide*. ЕСПЧ далее делал вывод, что подобная реституция собственности в пользу государства или муниципального образования при отсутствии выплаченной компенсации владельцу *bona fide* налагает чрезмерное индивидуальное бремя на последнего, и при этом не соблюдается справедливый баланс между нуждами, представляющими общественный интерес, с одной стороны, и правом заявителей на мирное осуществление прав на их имущество, с другой».

Тем не менее мы как ученые можем сомневаться в применении практики ЕСПЧ. Так, несмотря на вроде бы устоявшиеся позиции по таким делам, в них есть место и особым мнениям судей. Так, в Постановлении ЕСПЧ

<sup>1</sup> Полные тексты постановлений ЕСПЧ доступны в системе HUDOC на официальном сайте суда. – URL: [www.hudoc.echr.coe.int](http://www.hudoc.echr.coe.int)

от 17 ноября 2016 г. по делу «Аленцева (Alentseva) против Российской Федерации» (жалоба № 31788/06) председательствующий судья А. Шайо указал свое особое мнение: «В данном деле новая информация о мошенничестве была получена только после покупки квартиры заявительницей. Что касается поиска баланса между различными интересами в деле, примечательно, что Европейский суд вынес постановление о полном восстановлении права собственности заявительницы, хотя лицо, имеющее право на социальное жилье, проживает в квартире с 2010 г. Европейский суд не указывает, какие органы должны быть привлечены к ответственности, но ссылается только на «множество органов власти, выдавших свидетельство о праве собственности на квартиру». По сути, органы, выдававшие документы, департамент и городской комитет, действовали в официальном качестве. В определенный момент нотариус также принимал участие. Настоящее постановление (хотя и не «родственное» с предыдущим постановлением) ссылается в соответствующем разделе «Соответствующее законодательство Российской Федерации и правоприменительная практика» на Основы законодательства о нотариате 1993 г., которые указывают на то, что нотариус осуществляет нотариальные действия от имени Российской Федерации. Европейский суд считает достаточным, что нотариус и государственные органы были задействованы в различных решениях, которые привели к тому, что похищенная государственная собственность была продана третьему лицу, добросовестной приобретательнице. Мы не знаем, была ли совершена какая-либо профессиональная ошибка нотариусом, частным специалистом, беспокоит, что это может привести к расширению нотариальной ответственности по всей Европе, а также к расширению ответственности государства согласно международному праву за деяния частных специалистов».

Таким образом, мы приходим к действительно важному выводу о роли практики ЕСПЧ в контексте влияния на законодательство. Нам предстоит ответить на вопрос: всегда ли обосновано распространение ЕСПЧ своей же практики на схожие дела? И какова должна быть реакция государства, которое, как и гражданин, может увидеть в действиях

властного органа (а для государства это ЕСПЧ) нарушение его прав? Во всех ли случаях постановление ЕСПЧ требует внесения изменения в законодательство? Тем не менее выявленные тенденции позволяют защитить основные права граждан, что и является главной целью государства.

Еще одной важной позицией ЕСПЧ в отношении защиты прав граждан в области собственности является ответственность государства по долгам муниципального предприятия (Постановление ЕСПЧ от 17 января 2017 г. «Ким и Рындина (Kim and Ryndina) против Российской Федерации» (жалобы № 22094/05 и 20813/08). В указанном деле (пункт 17) власти Российской Федерации утверждали, что рассматриваемое муниципальное предприятие является коммерческим предприятием, которое действует независимо от органов власти. Власти Российской Федерации, соответственно, утверждали, что государство не может нести ответственность по долгам муниципального унитарного предприятия. По мнению же граждан, «муниципальное предприятие фактически является государственной компанией, контроль за деятельностью которой осуществляют местные органы власти, и государство несет ответственность по долгам муниципального предприятия».

По мнению же ЕСПЧ: «Европейский суд уже приходил к заключению, что действующее законодательство Российской Федерации не предоставляет унитарным предприятиям ту степень институциональной и оперативной независимости, которая бы освобождала государство от конвенционной ответственности по долгам таких предприятий (Постановление Европейского суда по делу «Лисейцева и Маслов против Российской Федерации», § 193–204). В целях решения вопроса об ответственности государства по долгам унитарных предприятий Европейский суд должен установить, осуществлялись ли в настоящем деле, и если да, то каким образом, предусмотренные внутригосударственным законодательством расширенные полномочия по контролю со стороны органов власти. 23. Европейский суд отмечает, что муниципальное предприятие было создано для оказания услуг по отоплению и ремонту муниципального жилья. 24. Кроме того, степень реального

контроля государства за муниципальным предприятием была продемонстрирована тем фактом, что местные органы власти по своему усмотрению распоряжались его имуществом. По информации, представленной заявителями и не оспоренной властями Российской Федерации, 27 апреля 2002 г. местные органы власти изъяли большую часть имущества из хозяйственного ведения муниципального предприятия для того, чтобы позднее передать его вновь созданному предприятию. Европейский суд рассматривал аналогичную ситуацию в деле «Лисейцева и Маслов против Российской Федерации» и признал, что имущество данного предприятия и его деятельность были, как правило, в решающей степени подконтрольны государству, следовательно, государство несло ответственность по долгам предприятия. 25. С учетом вышеизложенного Европейский суд полагает, что муниципальное предприятие не обладало достаточной институциональной и оперативной независимостью от муниципальных органов власти, и отклоняет возражения властей Российской Федерации *ratione personae*. Соответственно, муниципальные власти, а следовательно, власти государства-ответчика, несли конвенционную ответственность перед заявителем по долгам муниципального предприятия в соответствии с окончательным постановлением суда, вынесенным в его пользу».

Данный пример также подтверждает несовершенство подхода правоприменителя к использованию гибкости законодательства.

Тем не менее нельзя не отметить, что практика ЕСПЧ побуждает законодателя принимать необходимые меры (чем иногда можно объяснить снижение затрат на исполнение решений ЕСПЧ в федеральном бюджете).

В спорах о возмещении имущественного ущерба «Фомин и другие против России» (2013), «Юрий Лобанов против России» (2012) ЕСПЧ отмечал, что, несмотря на формальное соблюдение законности со стороны государственной власти, справедливый баланс между интересами частного лица и государства не был достигнут.

Результатом стало то, что нормы ГК РФ о возмещении ущерба дополнились за счет нормы статьи 16.1. ГК РФ о компенсации ущерба, причиненного в том числе законными

действиями государства (причем термин «государство» употребляется именно в приведенной выше трактовке ЕСПЧ). Согласно данной статье, возмещение ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации. Был изменен текст нормы Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»: возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета. Это положение было детально регламентировано Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2014 г. № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий».

ЕСПЧ неоднократно признавал принцип правовой определенности нарушенным в результате пересмотра российскими судами дел в порядке надзора, предусмотренного гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации (Постановления ЕСПЧ по делу «Рябых против России» (пункты 51–56), «Волкова против России» (*Volkova v. Russia*, жалоба № 48758/99) от 5 апреля 2005 г. (пункты 34–36), «Росельтранс против России» (*Roseltrans v. Russia*, жалоба № 60974/00) от 21 июля 2005 г. (пункты 27–28)).

По мнению ЕСПЧ, принятие благоприятного для заявителя решения не является достаточным основанием для лишения его статуса жертвы до тех пор, пока национальные органы государственной власти не признают данный факт и не предоставят возмещение за допущенное нарушение прав, определенных Конвенцией. Повторный пересмотр дела в порядке надзора сам по себе недостаточен для устранения отрицательных последствий отмененного судебного акта, а понятие «возмещение» требует компенсации в материальной форме (Постановление ЕСПЧ от 29 января 2009 г. по делу «Червоненко против Российской Федерации» (*Chervonenko v. Russia*), пункт 37, жалоба № 54882/00; и в

противоположность этому вышеупомянутое Решение ЕСПЧ по делу «Катаева и Катаев против Российской Федерации»).

Так, по делу «Саламатина против Российской Федерации» заявительница жаловалась на нарушение судами России положений пункта 1 статьи 6 Конвенции в части права граждан на рассмотрение их дел в судах в разумный срок, указывая, что судебное заседание по ее делу о возмещении вреда, причиненного здоровью, длилось почти 4 года и 10 месяцев. По делу «Волович против Российской Федерации» заявитель жаловался на длительность судебного разбирательства, указывая, что 15 мая 1997 г. он подал исковое заявление в суд, а окончательно его спор разрешился лишь 10 октября 2003 г. (т. е. через 5,5 лет); по делу «Кудинова против Российской Федерации» заявительница жаловалась на длительность сроков рассмотрения дела, отмечая, что разбирательство длилось примерно 7 лет и 2 месяца; по делу «Романенко и Романенко против Российской Федерации» заявители жаловались на длительность рассмотрения дела, указывая, что срок судебного разбирательства составил 10 лет и 9 месяцев; по делу «Глазков против Российской Федерации» заявитель жаловался на длительность судебного разбирательства, указывая, что дело рассматривалось судами двух инстанций в течение 7 лет и 1 месяца; по делу «Коломиец против Российской Федерации» заявитель жаловался на длительность судебного разбирательства, указывая, что исковое заявление, поданное им 23 октября 1998 г., не рассмотрено до его обращения в ЕСПЧ, а судебное разбирательство по его делу длится более 8 лет и 8 месяцев; по делу «Никитин против Российской Федерации» заявитель жаловался на длительность судебного разбирательства, указывая, что дело рассматривалось судами двух инстанций 7 лет и 6 месяцев, и др. [1. – С. 1; 8].

В гражданском процессуальном законодательстве в связи с изменениями следует отметить появление статьи 6.1 «Разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения судебного постановления» и главы 22.1 «Производство по рассмотрению заявлений о

присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок» ГПК РФ.

По результатам рассмотрения ЕСПЧ дела «Бурдов против России» (№ 2) [3] было принято пилотное Постановление, в котором ЕСПЧ признал, что Российская Федерация обязана принять меры общего характера, с тем чтобы в национальной правовой практике положить конец нарушению разумных сроков судопроизводства.

Результатом стало принятие 30 апреля 2010 г. Федерального закона № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Следует особо подчеркнуть, что, согласно пункту 2 статьи 2 данного закона, размер компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок определяется судом, арбитражным судом исходя из требований заявителя, обстоятельств дела, по которому было допущено нарушение, продолжительности нарушения и значимости его последствий для заявителя, а также с учетом принципов разумности, справедливости и практики ЕСПЧ.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- анализ законодательства о бюджете подтверждает планируемое снижение затрат на исполнение решений ЕСПЧ;
- законодатель в большинстве случаев воплощает правовые позиции ЕСПЧ при изменении законодательства;
- многие нарушения статьи 1 Протокола 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод лежат не только в области законодательства, но и в неверном правоприменении;
- решения ЕСПЧ, а также высказанные в них правовые позиции как плоды инстанции, исторически обладавшей непререкаемым авторитетом, по нашему мнению, не утратят актуальности и востребованности применительно к современному, а также к будущим этапам развития российского правопорядка.

**Список литературы**

1. *Пашин С.* Компенсация за волокиту: перспективы применения // ЭЖ-Юрист. – 2010. – № 20. – С. 1, 8.
2. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 января 2018 г. № 18АП-15877/2017 по делу № А07-7364/2011. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS018&n=121133#094946922383106>
3. Постановление Европейского суда по правам человека от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против Российской Федерации» (№ 2) // Российская хроника Европейского суда. – 2009. – № 4.
4. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 7 августа 2017 г. по делу № А74-1378/2017. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198405960700337798939347802&cacheid=17E226A11CA84D56F446DDA5D9C5201A&mode=splus&base=RAPS003&n=52644&rnd=DC774B23C53E9DAE8533552E05526885#008276150602860843>
5. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. – 2010. – № 94.

## **Злоупотребление правом – правомерное поведение или правонарушение?**

**Г. А. Василевич**

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент  
Национальной академии наук Беларуси,  
заведующий кафедрой конституционного права  
Белорусского государственного университета.  
Адрес: Белорусский государственный университет,  
Республика Беларусь, 220030, Минск, ул. Ленинградская, д. 8.  
E-mail: Gregory\_1@tut.by

**С. Г. Василевич**

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права  
Белорусского государственного университета.  
Адрес: Белорусский государственный университет,  
Республика Беларусь, 220030, Минск, ул. Ленинградская, д. 8.  
E-mail: Gregory\_1@tut.by

## **Abuse of the Law – Lawful Behavior or Offense?**

**G. A. Vasilevich**

Doctor of Law, Professor, Corresponding Member  
of the National Academy of Sciences of Belarus,  
Head of the Department of Constitutional Law  
of the Belarusian State University.  
Address: Belarusian State University, 8 Leningradskaya Str.,  
Minsk, 220030, Republic of Belarus.  
E-mail: Gregory\_1@tut.by

**S. G. Vasilevich**

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law  
of the Belarusian State University.  
Address: Belarusian State University, 8 Leningradskaya Str.,  
Minsk, 220030, Republic of Belarus.  
E-mail: Gregory\_1@tut.by

### **Аннотация**

В статье анализируются высказанные в литературе позиции ученых по вопросу о том, что собой представляет злоупотребление правом, можно ли его рассматривать в качестве правонарушения, всегда ли злоупотребление правом влечет юридическую ответственность. Является ли это явление антиподом правомерного поведения, какие меры должны быть приняты для сокращения злоупотребления правом. Обращается внимание на различные виды злоупотреблений правом, в том числе со стороны нормотворческих и правоприменительных органов. В работе делается вывод о том, что при определении того, имеет ли место злоупотребление правом или нет, необходимо исходить из анализа пределов осуществления прав. Злоупотребление правом в основном является правонарушением, в связи с совершением которого могут быть применены меры карательного и/или восстановительного характера, а в отдельных случаях может быть отказано в предоставлении определенных гарантий. Также отмечается, что злоупотребление правом представляет собой деяние субъекта в связи с реализацией его субъективного права, но выходящего за его пределы.

**Ключевые слова:** злоупотребление правом, правомерное поведение, правонарушение, виды злоупотреблений правом, ответственность за злоупотребление правом.

### **Abstract**

The article analyzes the positions of scientists on the question of what does "abuse of law" really mean? Can it be regarded as an offense and does abuse of law always leads to legal liability? Is abuse of law the opposite of lawful behavior, what measures should be taken to reduce it? The author draws attention to various types of abuse of law, including rule-making and law enforcement processes. The work

concludes that when we talk about abuse of law, we must proceed from an analysis of the exercise of rights limits. Abuse of the law is an offense that involves punitive (or) restorative measures, and in some cases the subject may lose certain guarantees. It is also noted that the abuse of law is an act of the subject in connection with the exercise of his subjective right, but beyond its limits.

**Keywords:** abuse of law, lawful behavior, offense, types of abuse of law, responsibility for abuse of law.

Одной из интересных и важных для теории и практики является проблема оценки правомерности поведения, определения той грани, за которой правомерное поведение превращается в злоупотребление своим правом. Под правомерным поведением в юридической литературе понимают «социально значимое, полезное поведение индивидуальных или коллективных субъектов, уполномоченных или обязанных лиц, подконтрольное их сознанию и воле, соответствующее нормам права» [1. – С. 388]. Вместе с тем, на наш взгляд, приемлема и лаконичная формулировка, определяющая его как поведение, которое соответствует предписаниям права [2. – С. 402; 3. – С. 364]. В таком определении отражается совпадение правовой регламентации и реального поведения. Правомерным является поведение, которое находится в границах правового регулирования. Хотя возникает вопрос о границах правового регулирования. В правовой сфере большинство деяний составляют правомерные поступки. Благодаря этому существует нормальное функционирование общества и государства, обеспечиваются права и свободы граждан. Именно благодаря правомерным деяниям реализуются правовые предписания, достигаются те цели, которые ставил нормотворческий орган.

В силу его общественной полезности правомерное поведение поощряется государством. Правомерное поведение, как и правонарушение, имеет свой состав: субъект, субъективную сторону, объект, объективную сторону. В зависимости от преобладающих мотивов выделяют социально активное правомерное поведение, конформистское, обычное. Абсолютное большинство граждан являются законопослушными. Так, количество преступлений в Российской Федерации и Республике Беларусь в последние годы имеет тенденцию к снижению. В то же время нельзя не отметить стабильно высокое число административных правонарушений: напри-

мер, в Республике Беларусь ежегодно их фиксируется около 5 млн, при этом около 20% правонарушений связано с нарушением правил дорожного движения. Многочисленны также дисциплинарные проступки. Квалификация указанных видов противоправного поведения, меры противодействия им закреплены в законодательстве.

Одним из наиболее спорных явлений в праве является проблема злоупотребления правом. Существуют различные подходы и взгляды ученых к определению понятия «злоупотребление правом». Видимо, отчасти это обусловлено и его внутренней противоречивостью: с одной стороны, идет речь о праве, т. е. о границах дозволенного, а с другой, о деянии, которое не имеет позитивной оценки.

Ни в юридической науке, ни в законодательстве, ни на практике не выработано единого определения данного понятия. Оно наиболее разработано в гражданском праве, по крайней мере ему уделяют больше внимания специалисты данной отрасли права. Согласно статье 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь, не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление своим доминирующим положением на рынке. В случае несоблюдения предусмотренных выше требований суд, хозяйственный суд или третейский суд могут отказать лицу в защите принадлежащего ему права. Особо обратим внимание на то, что при этом лицо, злоупотребляющее правом, обязано восстановить положение лица, потерпевшего от злоупотребления, возместить причиненный ущерб. То есть можно вести речь о компенсационных мерах, применяемых к лицу, злоупотребляющему правом.

В определенной степени вопрос о злоупотреблении правом затрагивается в уголовном

праве при анализе некоторых преступлений. В последнее время оценки действий работников и нанимателей с позиции возможного злоупотребления ими своими правами появились в трудовом праве (например, об утрате гарантий беременной женщиной или выборным лицом, если они не сообщили нанимателю о своем положении, о наличии у них гарантий при решении нанимателем вопроса о прекращении с ними трудовых отношений, когда он не знал об этом. Такие действия расцениваются Верховным судом Российской Федерации как злоупотребление работником своим правом, и ему отказывается в защите его прав при решении спора о восстановлении на работе).

Понятие «злоупотребление правом» используется в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь: предусматривается противодействие злоупотреблению правами в процессе доказывания (статья 288); в Уголовном кодексе Республики Беларусь, когда речь идет об ответственности за злоупотребление правами опекуна или попечителя (статья 176), злоупотребление властью или служебными полномочиями (статья 424); в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь – о недопустимости злоупотребления правом на проведение предвыборной агитации, агитации по референдуму (статья 47). Аналогичных норм много и в российском законодательстве. Так, в статье 13.15 КоАП РФ установлена ответственность за злоупотребление свободой массовой информации в виде воздействия на подсознание людей посредством использования технических средств.

Однако данная проблема имеет более широкий характер, чем чисто отраслевой. Она не является и академической, с ней связано решение важного вопроса для практики: вопроса о правовых последствиях, которые наступают по отношению к лицу, злоупотребляющему правом. Поэтому с теоретической и практической точки зрения важно дать не только правильное определение понятия «злоупотребление правом», раскрыть его содержание, но и отграничить его от сходных категорий, определить правовые последствия злоупотребления правом. На основе этого можно установить, мы имеем дело с правомерным или неправомерным поведением. От

этого зависит положение соответствующего субъекта.

В юридической литературе, в частности в российской (в Беларуси специальных исследований на этот счет значительно меньше), даются прямо противоположные определения понятия «злоупотребления правом». Причем часто они содержатся в диссертационных исследованиях. Приведем некоторые из них. Так, Н. А. Дурново указывает, что, «не являясь ни правонарушением, ни правомерным поведением, злоупотребление правом представляет собой юридически допустимые действия субъекта по осуществлению своего права в границах принадлежащего ему субъективного права, нарушающие пределы осуществления субъективного права или не нарушающие данные пределы, но являющиеся социально вредными и общественно порицаемыми, и причиняющие вред правам, свободам и интересам других участников общественных отношений. При этом исследуемое явление может носить как противоправный, так и правомерный характер» [4. – С. 9]. Е. М. Офман считает, что злоупотребление правом находится всегда в правовом поле [5. – С. 9].

Высказана и совершенно противоположная точка зрения: «Несмотря на то, что при злоупотреблении правом не происходит формального нарушения положений конкретных нормативных правовых актов, тем не менее всякое злоупотребление правом – это всегда противоправное действие, бездействие либо решение, поскольку в результате осуществления ситуации со «злоупотреблением правом» всегда нарушается принцип недопустимости злоупотребления правом, устанавливающий, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [6. – С. 9]. Хотя здесь ошибочно и разводятся такие понятия, как деяние (действие и бездействие) и решение, полагаем, что в принципе эта оценка близка к истине.

М. И. Бару различал злоупотребление правом и противоправное действие, которое даже формально не основано на праве и выступает в чистом виде. Злоупотребление правом внешне опирается на субъективное право и формально не противоречит праву объективному, таким образом, субъект якобы дей-

стует в рамках предоставленного ему законом права, приводя в действие механизм, призванный обеспечить осуществление субъективного права в соответствии с его назначением, что невозможно при совершении противоправного действия [7. – С. 117].

А. А. Малиновский определяет злоупотребление правом как такую форму «реализации права в противоречии с его назначением, посредством которой субъект причиняет вред другим участникам общественных отношений» [8. – С. 27]. В результате он выделяет два признака злоупотребления правом: 1) причинение вреда в результате осуществления субъективного права; 2) осуществление субъективного права в противоречии с его назначением. А. А. Малиновский в качестве первого признака называет «причинение зла», т. е. наступление негативных последствий в результате прямого или косвенного осуществления субъективного права. Он же предлагает различать вред, причиненный личности (моральный, психический, имущественный, физический), а также нравственный вред, причиненный обществу, политический и экономический вред, причиненный государству [8. – С. 14].

Вывод о наличии или отсутствии злоупотребления правом с позиции оценки целевой установки субъекта принимается практически всеми исследователями.

Учеными высказывается точка зрения о том, что требование о реализации гражданских прав в соответствии с социальным назначением подкрепляется запретом осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребления правом в иных формах [9. – С. 20–21].

Зарубежная европейская практика по-разному на законодательном уровне трактует злоупотребление правом. В швейцарском гражданском уложении зафиксирована недопустимость всякого осуществления права, противного началам доброй совести. В германском гражданском уложении злоупотреблением права, или шиканой, считается такое осуществление права, которое имеет единственную цель – причинение вреда другому.

Безусловно, подход, предусмотренный швейцарским законодательством, более широкий и рассчитан на активную роль суда при

выяснении, было ли злоупотребление правом или нет. В то же время в Германии, на гражданское уложение которой мы ссылались выше, предложенная немецким ученым В. Зиббертом концепция о недопустимом осуществлении права, в частности о базовом характере принципа добросовестности, была воспринята судебной практикой и в настоящее время рассматривается как общий предел осуществления субъективных прав. Как отмечается при этом, важным последствием внедрения данной концепции явилось устранение необходимости в доказывании умысла на причинение вреда, в силу того что в качестве злоупотребления правом может рассматриваться не только шикана, но и другие виды недобросовестного поведения, связанные с осуществлением субъективных прав [10. – С. 72].

С позиции субъекта, злоупотребляющего правом, выделяют прежде всего: 1) злоупотребление гражданами своими субъективными правами и 2) злоупотребление властью со стороны должностных лиц (государственных органов).

В. И. Крусс называет так называемые личностные злоупотребления – ненадлежащее пользование правами и свободами человека либо ненадлежащее выполнение конституционных обязанностей и публично-властное злоупотребление правом – ненадлежащее осуществление публично властных полномочий [11. – С. 84].

К кругу возможных субъектов злоупотребления правом можно отнести политические партии, общественные объединения, средства массовой информации, органы территориального общественного самоуправления, т. е., по существу, потенциальных субъектов всех правоотношений. Исключение, на наш взгляд, составляет народ, суверенная воля которого всегда первична, является определяющей для действий других субъектов отношений, в том числе и властных.

Для публично властного злоупотребления правом характерны следующие признаки:

1) субъектами являются органы государства, должностные лица (считаем, что сюда следует относить органы, которым государством делегированы властные полномочия, например, органы территориального общественного самоуправления);

2) неконституционная сущность таких деяний воплощается в фактическом публично-властном противодействии пользованию правами и свободами;

3) фактически неконституционное противодействие правопользованию сочетается с формальной реализацией правомочий [11. – С. 132].

По видам злоупотребления правом подразделяют на злоупотребления нормотворческого характера и злоупотребления правоприменительного характера.

#### **Нормотворческие злоупотребления.**

Яркий пример такого злоупотребления – непринятие в течение четырех лет Верховным советом Республики Беларусь начиная с 1990 г. Закона о Комитете Конституционного надзора и его несформирование; противодействие подготовке Концепции совершенствования мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Необоснованная корректировка актов действующего законодательства, его нестабильность также свидетельствуют в определенной степени «злоупотребления» (возьмем это слово в кавычки) правом нормотворческого органа. Подобные действия подрывают доверие граждан к государству. Учеными неоднократно высказывалась мысль о том, что законодательство должно быть стабильным.

**Правоприменительные злоупотребления**, в том числе злоупотребления судебной властью. Примером такого рода может быть отсутствие контроля за обеспечением единства правоприменительной практики; неприменение статьи 70 УК, устанавливающей правила применения более мягкого наказания за данное преступление; несоизмерная ответственность при совершении некоторых преступлений и др.

Злоупотребление правом возможно посредством бездействия. Можно различать бездействие частного или публичного характера. Так, бездействие органа государственной власти, например, непринятие нормативного акта в установленные сроки, является таким же нарушением принципа правового государства, требований Конституции, как и превышение полномочий. Это свидетельство ненадлежащей реализации правовых норм, злоупотребления своим правом.

Существуют разноречивые выводы относительно того, является ли злоупотребление правом правонарушением. Например, в одном из источников указывается, что оно таковым не является [12. – С. 7]. В свою очередь А. А. Малиновский отмечает: «Если причинение вреда общественным отношениям противоправно и наказуемо, то перед нами противоправное злоупотребление правом. Если нет – правомерное» [8. – С. 29]. Таким образом, он увязывает свою оценку злоупотребления правом с наличием не только противоправности, но и наказуемости. Отметим, что при отсутствии такого признака, как противоправность, нет оснований говорить о правонарушении. Что же касается наказуемости, то за нарушение права она наступает не всегда. Злоупотребление правом, являясь неправомерным поведением, может не влечь наказание, т. е. такой признак, как наказуемость, во всех случаях ему не присущ, могут быть случаи отказа в предоставлении льгот и гарантий.

Противоположной позиции придерживается А. Е. Наумов, который считает, что «злоупотребление субъективным правом является правомерным актом человеческого поведения». Такой вывод он обосновывает тем, что лицо, совершающее данное деяние, не выходит в своем поведении за пределы субъективных прав. Он определяет злоупотребление правом как «правомерный акт человеческого поведения (деяния), состоящий в реализации норм объективного права в противоречии с их назначением и в целях удовлетворения личных интересов субъектов права, в результате чего причиняется вред другим лицам, обществу или государству» [13. – С. 7–8].

Е. А. Офман, как уже отмечалось, считает, что злоупотребление правом – это такое деяние, которое совершается в правовом поле, что оно отличается от правонарушения отсутствием противоправности [5. – С. 9].

Вряд ли с выводами указанных выше авторов (А. Е. Наумова и Е. А. Офмана) можно согласиться: специфика этого феномена (злоупотребление правом), на наш взгляд, состоит в том, что при злоупотреблении правом всегда присутствует противоправность. В отдельных случаях в связи со злоупотреблением правом не налагаются меры взыскания, например, административного характера,

но могут быть применены иные меры воздействия, отказа, как уже нами отмечалось в начале публикации, в реализации гарантий или предоставлении льгот.

В литературе в некоторых случаях предлагается рассматривать злоупотребление правом как самостоятельный вид правомерного поведения, и лишь в силу высокой степени общественной опасности злоупотребления правом законодатель определяет его не только в качестве злоупотребления правом, но и в качестве правонарушения, устанавливая для таких случаев запрет и санкцию.

Вызывает удивление непоследовательность позиции некоторых авторов, анализирующих признаки злоупотребления правом. Так, Е. А. Офман, считающая, что у этого деяния отсутствует противоправность, в то же время отмечает, что «особенность злоупотребления правом заключается в том, что это деяние – иногда еще и ненаказуемое» [5. – С. 10].

В. П. Грибанов определяет злоупотребление правом как «особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного общего типа поведения» [14. – С. 68].

Весьма точно показал природу и истоки злоупотребления правом А. В. Волков, который справедливо отмечает, что там, где начинается злоупотребление правом, оно (право) заканчивается [15. – С. 44]. Аналогичной позиции придерживается и В. И. Крусс, который приводит следующие аргументы: «Необходимой внешней предпосылкой и признаком злоупотребления правом выступает наличие у лица соответствующего права или публичного правомочия. Однако злоупотребляют не этим субъективным правом (правомочием), а той практической (в силу ее незапрещенного характера) возможностью, которая внешним образом соответствует содержанию субъективного права (правомочия) и заявляется субъектом правового злоупотребления как реализация этого права (правомочия)» [11. – С. 43]. Когда мы говорим о злоупотреблении правом, тем самым ведем речь о недопустимом осуществлении права.

По существу, ситуация со злоупотреблением правом напоминает айсберг: весьма часто злоупотребление правом скрыто (находится «под поверхностью воды»), и его трудно распознать; нередко оно проявляется со всей очевидностью, в какие бы одежды оно не рядилось).

С субъективной стороны злоупотребление правом характеризуется умышленной или косвенной виной. Так, в Нью-Йорке большая группа молодежи договорилась по телефону встретиться у ковра, который продавался в торговом центре, и какое-то время его рассматривала. Здесь имеем дело с правом каждого на свободу передвижения, нахождения в общественном месте, которое трансформируется в публичное (массовое) мероприятие, за нарушение порядка проведения которого в силу разрешительного (а не уведомительного) характера порядка может наступить административная ответственность. Другое дело, что, осуществляемые часто для развлечения, они проводятся в течение ограниченного периода времени; власть не всегда успевает отреагировать, так как после краткой акции все возвращается к ранее существовавшему порядку.

Злоупотребить правом можно и в иной форме. Например, многодетные семьи имеют право на получение земельного участка вне очереди по льготной кадастровой оценке. Еще несколько лет назад в силу несовершенства белорусского законодательства было много случаев, когда такая семья получала участок, потом продавала его по рыночной стоимости, а затем претендовала на получение нового участка. Сложно возражать против требования государства о недопустимости сдачи в аренду построенных (купленных) по льготным кредитам квартир. В данном случае со стороны государства были предоставлены льготы для того, чтобы наименее социально защищенные слои населения решили свою жилищную проблему. Однако вместо этого, построив квартиру, они не пользуются ею, а извлекают из нее доход, продолжая жить в тех условиях, которые обусловили выдачу такого кредита, пользуясь льготным кредитом. Необходимо при определении меры воздействия на недобросовестных владельцев таких квартир находить варианты решения, которые были бы оптимальными. В законода-

тельстве, определяющем право на получение такого кредита, следует более детально определять последствия его использования, возможность сдачи такой квартиры в аренду по уважительным причинам (например, получение в наследство другой квартиры и отсутствие надобности проживания на данный момент в построенной, выезд кого-либо из членов семьи на постоянное место жительства из данной местности и т. п.).

В сфере реализации гражданами права на обращение в государственные органы и к должностным лицам можно также отметить многочисленные злоупотребления субъективными правами. В целом по республике гражданами в различные инстанции направляется, по скромным подсчетам, более миллиона обращений. Несмотря на некоторые остающиеся нерешенными проблемы, надо отметить существенное в последние годы усиление внимания к жалобам граждан. Есть примеры, когда после длительной волокиты права граждан получают в административном порядке защиту. Имеются и другие случаи, когда одно и то же лицо направляет по одному и тому же вопросу десятки, а то и сотни обращений, которые уже были предметом пристального разбирательства. Предусмотренная Законом «Об обращениях граждан и юридических лиц» возможность оставления таких обращений без рассмотрения и прекращения переписки не останавливает таких лиц. Кроме того, достаточно поставить в обращении какой-то дополнительный (новый) вопрос, как уже необходимо заниматься его рассмотрением. Здесь налицо злоупотребление гражданином своим правом на обращение. Вина лица в данном случае проявляется в том, что оно противопоставляет собственные эгоистические, необоснованные притязания общественным интересам, претендуя на получение не предусмотренных законом благ, мешая нормальному функционированию государственного аппарата. Противодействовать злоупотреблению таким правом можно посредством установления сбора за подачу повторного обращения, который должен быть возвращен гражданину, если его жалоба будет удовлетворена. То есть в таких случаях не должна идти речь о закреплении в законе взысканий, но определенные меры воздей-

ствия, носящие стимулирующий правомерное поведение характер, можно предусмотреть.

Полагаем, что разноречивые подходы к определению места такого явления, как злоупотребление правом среди других, близких к нему явлений (таких, как правомерное поведение, неправомерное поведение, правонарушение), обусловлены неправильным выбором критерия, который позволил бы делать соответствующую оценку. Выбор объективного критерия позволит распознать этот особый тип поведения.

В этом отношении методологически правильно действуют те ученые, которые исходят из конституционных положений, где определяются взаимоотношения личности, общества и государства, баланс между этими субъектами, пределы возможного ограничения прав и свобод. Когда существует злоупотребление правом, тогда обязательно есть нарушение конституционного баланса интересов, конституционных ценностей. Конституция Беларуси основана на ценностном подходе: здесь сочетаются свобода и ответственность, экономика государства и интересы отдельного субъекта хозяйствования.

По сути, есть все основания полагать, что принцип недопустимости злоупотребления правом является конституционным принципом, общим принципом права. У нас, в отличие от российской конституции, нет прямого закрепления, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других граждан.

Однако такой вывод можно сделать из содержания текста нашего Основного Закона. Следует помнить о неотчуждаемых, в том числе экономических правах, а также о конституционных целях белорусского государства как правового социального демократического. Поэтому правами можно пользоваться в соответствии с их конституционным назначением. Ранее нами уже отмечалось, что оценка факта, было ли злоупотребление правом или нет, зависит не только от причинения вреда, но и от того, ради каких целей право реализуется.

При этом обратим внимание на целевые установки, содержащиеся не только в основном тексте Конституции, но и в преамбуле, что часто в научных публикациях упускается из виду. Преамбула определяет вектор кон-

ституционного развития, интерпретации и применения конституционных принципов и норм, она имеет своего рода установочный характер. Иногда приходится слышать даже от некоторых конституционалистов, что преамбула – это, условно говоря, не более чем «украшение» текста Основного Закона. Однако следует понимать, что нераздельная природа ее положений предопределяет нормативность всего ее текста. Преамбула определяет непреходящие ценности, которые должны обеспечивать все субъекты правовых отношений, в том числе и конституционно-правовых отношений. Она содействует восприятию всего конституционного текста. В ней зафиксированы такие важнейшие постулаты, как стремление утвердить права и свободы каждого гражданина, гражданское согласие, незыблемые устои народовластия и правового государства, т. е. те ценности, которые определяют стандарты взаимоотношений между гражданами, обществом и государством. Таким образом, Конституция акцентирует внимание на конституционных целях белорусского государства как правового социального демократического, включая неотчуждаемые, в том числе экономические права. Поэтому правами можно пользоваться в соответствии с их конституционным назначением. Злоупотребление ими будет антиконституционным поведением.

Злоупотребление правом нельзя рассматривать как правомерное поведение. Злоупотребление правом – это разновидность неправомерного поведения. Некоторые ученые даже говорят в этой связи о его «составе» по аналогии с составом правонарушения.

Это неправомерное поведение, особенностью которого является то, что за него может быть установлена ответственность (либо она может отсутствовать в традиционном ее понимании). Однако в связи со злоупотреблением субъективным правом, рассматривать которое в качестве правонарушения нет оснований, лицо может лишиться установленных законом гарантий (в связи с увольнением – земельного участка).

Некоторые авторы утверждают, что «злоупотребление правом вообще запретить нельзя». Если «себе представить, что мы запрещаем какие-либо деяния, которые ранее квалифицировались как злоупотребление

правом, то они сразу же перестают быть злоупотреблением правом и становятся правонарушениями», «поэтому фраза «запрещается злоупотребление правом» является бессмысленной» [5. – С. 9–10; 11. – С. 65]. Полагаем такую позицию ошибочной и не только потому, что такого рода запреты злоупотребления правом есть в гражданском законодательстве. Ошибка проистекает из того, что эти авторы отрицают противоправный характер злоупотребления правом, т. е. использование права во зло, вопреки праву, против права. Анализ законодательства, международных документов свидетельствует об установлении запретов. Например, статьи 17 и 35 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод устанавливают запрет на злоупотребление правом, следствием чего может быть отказ со стороны Европейского суда по правам человека в защите [16. – С. 761–772].

С исследуемым нами явлением тесно связана проблема возможного ограничения прав и свобод. Правила и пределы их ограничения изложены в статье 23 Основного Закона Беларуси. Как справедливо отмечается, ограничение порядка осуществления соответствующего права вытекает из правила о недопустимости злоупотребления правом, оно является частью не только позитивного права, но вытекает из объективных условий жизнедеятельности [17. – С. 259].

Однако анализ ряда норм нашего Основного Закона в их взаимосвязи позволяет сделать аналогичный вывод, включая недопустимость злоупотребления своими правами и должностных лиц, государственных органов. Обратим внимание, что различного рода запреты имеются в законодательстве, и они направлены на добросовестное исполнение субъектами правоотношений своих обязанностей. При этом за нарушение запрета не всегда предусмотрена карательная санкция. Исходя из требования статьи 23 Конституции Республики Беларусь, пределы реализации субъективного права определяются интересами других лиц, их правами и свободами и общества в целом.

Анализ практики свидетельствует, что не всякое злоупотребление правом можно рассматривать как исходное начало правонарушения, за которое может наступить ответственность. Все зависит, на наш взгляд, от

вида правовой нормы, которой устанавливаются те или иные отношения. Когда нарушаются нормы-запреты, то, конечно же, нет оснований утверждать, что злоупотребление правом привело к нарушению закона. Здесь изначально не было оснований для совершения деяния в какой-либо внешне приемлемой форме, за которой было скрыто злоупотребление правом. Хотя в широком аспекте можно утверждать, что у каждого есть право выбора образа жизни и каждый волен определять свое поведение. Однако, признавая такое право, государство и общество, используя различные виды социальных регуляторов, «направляет» гражданина, должностное лицо, государственный орган в русло законопослушных действий.

Злоупотребление правом возможно посредством бездействия. Можно различать бездействие частного или публичного характера.

Можно согласиться с мнением В. И. Круса, который считает, что, в отличие от правонарушения, злоупотребление правом «не связано с нарушением установленных законом норм, в которых конкретизированы составы противоправных деяний» [11. – С. 65]. Полагаем, что вывод о злоупотреблении правом можно сделать, основываясь на принципах права. При этом мы исключаем право властвующего субъекта, привлекать граждан к уголовной, административной, дисциплинарной или материальной ответственности посредством наложения предусмотренных нормами указанных отраслей взысканий (мер), но не исключаем, как уже отмечалось, отказа в предоставлении определенных гарантий (преимуществ).

Обычно злоупотребление правом рассматривается в контексте усмотрения субъектов на совершение тех или иных действий. При этом представляется спорной позиция некоторых ученых на этот счет. Так, А. А. Малиновский пишет: «Именно в возможности уполномоченного субъекта поступать по своему усмотрению предоставленная объективным правом свобода и находит свое практическое выражение; чем шире предоставленное субъекту усмотрение, тем многообразнее могут быть различные злоупотребления правом; лишившись возможности поступать по своему усмотрению, управомоченный субъект и утратил бы саму свободу, и,

как следствие, не смог бы злоупотреблять ею. Вот почему такие явления правовой действительности, как усмотрение в праве и злоупотребление правом, взаимообусловлены» [18. – С. 20]. Весьма категоричные выводы. Конечно, следует избегать расплывчатых формулировок в актах законодательства, но диспозитивности в праве избежать нельзя. Вряд ли следует увязывать «многообразие» злоупотреблений правом с широтой свободы усмотрения по отношению к гражданам, ведь и при отсутствии широкой свободы выбора может быть многообразие злоупотреблений. Более опасна свобода усмотрения для регулирования отношений между государственными органами и гражданами. Даже когда, на первый взгляд, имеются четко обозначенные варианты действий, может быть сформирована неприемлемая практика. Так, в Уголовном кодексе можно увидеть, когда за одно и то же деяние предусматривается множество вариантов наказания; разница между минимальной и максимальной санкцией, например в виде лишения свободы, может составлять 9–17 лет (статья 139 УК). Законодателю следует избегать такой правовой регламентации. Обеспечить соблюдение принципа равенства всех перед законом и судом можно, если будет единство судебной практики.

Известный российский ученый, судья Конституционного суда России Г. А. Гаджиев увязывает два важнейших принципа – добросовестность и недопустимость злоупотребления субъективными правами [19. – С. 54, 59]. Логика в этом присутствует, так как наличие злоупотребления правом можно определить через такие категории, как «добросовестность», «использование прав, свобод и обязанностей соответственно их назначению».

Как замечает Г. А. Гаджиев, «принцип добросовестности содержит ряд правил, адресуемых как органам государства, и прежде всего законодательным органам, так и частным лицам. Чтобы не подвергать экономическую свободу чрезмерным, недопустимым с точки зрения Конституции ограничениям, государство в процессе правового регулирования экономических отношений должно действовать в пределах конституционных координат, основанных на принципе экономической свободы и экономическом конституционном публичном порядке. Это значит, в част-

ности, что в процессе правового регулирования законодатель должен исходить из презумпции добросовестности предпринимателя, налогоплательщика» [19. – С. 54]. Принцип добросовестности предполагает обеспечение гармонии, баланса частных и общественных интересов. Добросовестность в качестве объективного мерила предполагает «идеальные желаемые правоотношения, в рамках которых их участники наподобие «добрых хозяев» придерживаются такого поведения, которое не расходится с социальным идеалом» [19. – С. 57–58]. В этой связи возникает проблема защиты прав добросовестного приобретателя каких-то благ, например, имущества. Уместно будет напомнить практику Конституционного суда Беларуси, который в своей деятельности неоднократно становился на сторону добросовестных приобретателей имущества.

От злоупотребления правом следует ограничивать правомерные риски. Ю. А. Тихомиров и С. М. Шахрай определяют риск как «сознательное волевое поведение лица, направленное на достижение правомерного положительного результата в ситуации с неоднозначными перспективами развития, что допускает вероятное наступление неблагоприятных последствий и причинение вреда» [20. – С. 9]. В этой связи обратим внимание на то, что субъект риска действует во имя правомерного положительного результата. В этом его отличие от злоупотребления правом, для которого характерны иные установки (причинение вреда другому субъекту, использование права вопреки его назначению).

Поэтому меры воздействия могут зависеть от субъективного отношения лица к совершенному деянию. Злоупотребление правом неправомерно не с момента фактического наступления вреда, а с момента его совершения. Риск изначально допускается законодательством. В Уголовном кодексе (статья 39) исключена ответственность за обоснованный риск, т. е. даже тогда, когда причинен вред охраняемым Уголовным кодексом интересам для достижения общественно полезной цели. Аналогичный подход предусмотрен в КоАП (статья 5.4). К сожалению, на практике часто при решении вопроса о привлечении руководителя или иного должностного лица к юридической ответственности упускают из вида их право на обоснованный

риск; нередки случаи привлечения их к ответственности, например, за злоупотребление властью или служебными полномочиями.

Обычно злоупотребление правом и оценка этого факта рассматриваются в контексте усмотрения субъектов на совершение тех или иных действий и права на вынесение соответствующего решения. Такие явления правовой действительности, как усмотрение в праве и злоупотребление правом, взаимообусловлены. В этой связи повышается роль суда в уяснении смысла нормативного правового акта, подлежащего применению в деле. Именно суд обязан обеспечивать баланс частных и публичных интересов. Это предполагает развитие судебного усмотрения при безусловном соблюдении принципа единства судебной практики. Достижению такого единства может способствовать признание в качестве источника права судебного прецедента.

Разделяем точку зрения А. Барака о том, что судебское усмотрение не абсолютно. Судья ограничен в своем усмотрении. По его мнению, только в трудных делах оно приемлемо. Но при этом судья выбирает не между законным и незаконным, а между законным и законным [21. – С. 27–39]. К «трудным» делам мы как раз и относим те, в которых возникает проблема оценки факта злоупотребления правом. Не всегда злоупотребление очевидно. В отличие от обоснованного риска, не давшего положительного результата, злоупотребление, на наш взгляд, должно расцениваться как основание для решения вопроса о пределах ответственности, пределах применения мер реагирования.

Особая роль на влияние нормотворческой и правоприменительной деятельности принадлежит конституционным судам [22; 24]. Они своими решениями исключают применение неконституционных актов иных органов государственной власти, содействуют исключению из повседневной реальности злоупотребления правом, от кого бы оно ни исходило.

При определении того, имело ли место злоупотребление правом или нет, необходимо исходить из анализа пределов осуществления прав. Злоупотребление правом обычно является правонарушением, в связи с совершением которого могут быть применены меры карательного и/или восстановительного характера, а в отдельных случаях может быть

отказано в предоставлении определенных гарантий (преимуществ). Для правонарушения характерно наличие общественной опасности (разделяем точку зрения тех авторов, которые считают, что все правонарушения различимы по степени такой опасности), противоправность, виновность. Это же характер-

но и для злоупотребления правом. Оно также может иметь соответствующий состав.

В завершение заметим, что злоупотребление правом представляет собой деяние субъекта в связи с реализацией его субъективного права, но выходящего за его пределы.

#### Список литературы

1. *Аболонин В. О.* Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. – М. : Волтерс Клувер. – 2009.
2. *Барак А.* Судейское усмотрение. – М. : Норма. 1999.
3. *Баренбойм П. Д., Гаджиев Г. А., Лафитский В. И., Мау В. А.* Конституционная экономика : учебник для юридических и экономических вузов. – М. : ЗАО Юстицинформ, 2006.
4. *Бару М. И.* О статье 1 Гражданского кодекса // Советское государство и право. – 1958. – № 12. – С. 117–120.
5. *Василевич Г. А.* Конституционное правосудие. – Минск : Право и экономика, 2012.
6. *Волков А. В.* Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». – Волгоград : Станица, 2007.
7. *Гаджиев Г. А.* Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 54–62.
8. *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М. : Российское право, 1992.
9. *Дурново Н. А.* Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006.
10. *Зайцева С. Г.* Злоупотребление правом как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный) : в 3 кн. – Кн.1 / отв. ред. В. Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 2005.
12. *Крусс В. И.* Злоупотребление правом : учебное пособие. – М. : Норма, 2010.
13. *Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права : учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Спарк, 2004.
14. *Малиновский А. А.* Злоупотребление правом. – М. : Кардиналь, 2008.
15. *Малиновский А. А.* Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008.
16. *Марченко М. Н.* Судебное правотворчество и судейское право. – М. : ТК Велби : Проспект, 2008.
17. *Наумов А. Е.* Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. : 2010.
18. *Одегнал Е. А.* Злоупотребление правом как явление правовой действительности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009.
19. *Офман Е. Л.* Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006.
20. Права человека : сборник международно-правовых документов / сост. В. В. Щербаков. – Минск : Белфранс, 1999.
21. Теория государства и права : учебник / под ред. А. С. Мордовца, В. Н. Синюкова. – М. : МВД России, 2005.
22. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. М. А. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2000.
23. *Тихомиров Ю. А., Шахрай С. М.* Риск и право. – М. : Московский университет, 2012.

## Цифровая экономика и проблемы механизма правосудия

**М. И. Клеандров**

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН,  
главный научный сотрудник Института государства и права РАН.  
Адрес: Институт государства и права РАН, 119019,  
Москва, ул. Знаменка, д. 10.  
E-mail: mklean@ksrf.ru

## Digital Economy and Problems of the Mechanism of Justice

**M. I. Kleandrov**

Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the RAS,  
Chief Researcher of the Institute of State and Law of the RAS.  
Address: The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka Str.,  
Moscow, 119019, Russian Federation.  
E-mail: mklean@ksrf.ru

### Аннотация

В статье рассмотрены проблемные вопросы внедрения достижений научно-технического прогресса в организационно-правовой механизм правосудия, в том числе в юрисдикцию экономического правосудия. Показана ситуация с законодательно-нормативным регулированием этого процесса: реальное внедрение цифровых технологий в арбитражное судопроизводство, положительные стороны и наметившийся эффект в этом деле. Одновременно обозначены недостатки от такого внедрения, например, удаленный от суда допрос подсудимого в режиме видео-конференц-связи не соответствует принципу непосредственности в уголовном процессе. В статье представлены и недостатки состояния нормативно-правового регулирования отношений в сфере экономики, препятствующие цифровизации экономического правосудия. Обосновано предположение о необходимости узкой специализации механизма правосудия, соответствующей появлению новых видов и категорий правонарушений с использованием цифровых технологий в экономике.

Методология исследования базируется на диалектическом методе познания общественных явлений. К основным методам относятся метод системного анализа, функциональный метод, метод синтеза, метод аналогий. К специальным – формально-юридический, теоретического моделирования, системный, сравнительно-правовой.

Научная новизна исследования обусловлена стереоскопическим подходом автора к положительным и отрицательным аспектам цифровизации механизма правосудия, прежде всего его арбитражно-процессуальной составляющей. Колоссальный объем содержательной информации некоторых судебных дел последнего времени, превосходящий возможности мозга судьи-человека его осмыслить, обуславливает необходимость широкого внедрения электронных технологий в судопроизводство, но на этом пути есть препятствия, и не только технического свойства, но и правового, а также морального характера.

**Ключевые слова:** суд, правосудие, арбитражное судопроизводство, цифровизация механизма правосудия, новые судебные технологии, проблематика судьи-робота.

### Abstract

The article deals with the problematic issues of introducing the achievements of scientific and technical progress in the organizational and legal mechanism of justice, including in the jurisdiction of economic justice. The situation with legislative and regulatory regulation of this process is shown: the real introduction of digital technologies into arbitration proceedings, the positive aspects and the emerging effect in this matter. At the same time, there are shortcomings from such implementation, for example, the questioning of a defendant in a videoconferencing mode remote from a court does not correspond to the principle of immediacy in a criminal trial. The article also presents the shortcomings of the state of normative and legal regulation of relations in the sphere of the economy, which hinder the digitization of economic justice. The assumptions about the need for a "narrow" specialization of the justice mechanism, corresponding to the appearance of new types and categories of offenses using digital technologies in the economy, are justified.

The methodology of this survey is based on the dialectical method of cognition of social phenomena. The main methods include a method of system analysis, a functional method, synthesis and analogy. The special methods include a formal legal method, a method of theoretical modeling, a system method, a comparative legal method.

The scientific novelty of the study is due to the stereoscopic approach of the author to the positive and negative aspects of the digitalization of the mechanism of justice, primarily its arbitration-procedural component. The colossal volume of information of some recent cases, which exceeds the judge's brain ability to comprehend it, necessitates the wide introduction of electronic technologies in the legal proceedings. But there are not only technical, but also legal and moral obstacles on this way.

**Keywords:** court, justice, arbitration proceedings, digitalization of the justice mechanism, new judicial technologies, problems of the robot judge.

Нормально развивающаяся рыночная экономика не может существовать без соответствующего организационно-правового механизма защиты прав и законных интересов участников экономических отношений. Ядром же этого механизма является механизм правосудия.

Тот сегмент организационно-правового механизма правосудия, который действует в сфере экономики и который, будучи специализированным на защите прав и законных интересов субъектов экономических (прежде всего предпринимательских) отношений, является экономическим правосудием, так же, как и сама экономика, весьма основательно подвержен воздействию достижений научно-технического прогресса, в том числе цифровизацией.

Здесь действуют общие – федерального уровня – регулирующие акты, например: Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р<sup>1</sup> (основательно дополненная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313)<sup>2</sup>; Программа «Цифровая экономика» (Правительство Российской Федерации в настоящее время работает над первыми двадцатью<sup>3</sup> из пятидесяти трех<sup>4</sup> нормативных актов, которые предстоит принять в ближайшие три года, направленных на реализацию

этой Программы) и др. Соответственно, ведутся и научно-правовые исследования в данной сфере [1] (с предложениями принятия Концепции развития законодательства об Интернете, а также о выделении законодательства, предметом правового регулирования которого являются интернет-отношения, в самостоятельную отраслевую группу (интернет-законодательство).

Практически внедрена и довольно успешно действует система «ГАС – правосудие» (государственная автоматизированная система...).

«Комплексная информационная система судов общей юрисдикции», недавно принятая, нацелена на обеспечение – прежде всего московских судов – информационного взаимодействия с Департаментом жилищно-коммунального хозяйства г. Москвы и управляющими компаниями города в части автоматизации процессов взыскания задолженностей по оплате жилищно-коммунальных услуг. То же относительно назначения судебных экспертиз, внедрения сервисно-гибридной почты (что существенно сокращает сроки получения участниками дел уведомлений и других документов от судов), расширения информационного взаимодействия с несколькими следственными управлениями и отдельным административным округом столицы в части электронного обмена документами и следственными томами дел с судами; в том числе запланировано межуровневое взаимодействие в части передачи электронных дел между районными судами и более чем 400 участками мировых судей, электронное взаимодействие и обмен материалами дел с Управлением ФСИН, ФНС, Федеральным казначейством, Федеральной службой судеб-

<sup>1</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 46. – Ст. 6026.

<sup>2</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (ч. II). – Ст. 2159.

<sup>3</sup> См.: Российская газета. – 2017. – 20 декабря.

<sup>4</sup> См.: Российская газета. – 2017. – 19 декабря.

ных приставов по г. Москве и др. Уже запущены системы аудио- и видеозаписи судебных заседаний, видео-конференц-связи с СИЗО столицы. Предполагается введение автоматического учета проведенных судебных экспертиз и контроля сроков по ним с привязкой к конкретному электронному делу; создание личного кабинета работника суда; возможность дистанционного обучения новых сотрудников; повышение эффективности подготовки отчетности судов посредством усовершенствования полнотекстового поиска по отчетам.

В результате уже есть или ожидается эффект в виде повышения прозрачности судебной системы и доверия к ней со стороны граждан; существенная экономия времени, сил и нервов всех участников судебных процессов; существенное сокращение сроков рассмотрения дел; сокращение бюрократических трудностей и проявлений хамского отношения отдельных работников судов к гражданам и т. д.

Есть здесь и соответствующее нормативно-правовое регулирование на федеральном уровне, например, Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»<sup>1</sup>. Имеются и соответствующие научные исследования [2; 4; 6]. Правда, подобные исследования – инициативы самих авторов, а здесь должен проявиться общегосударственный интерес. Поэтому заказчиком этих НИР должен быть, безусловно, государственно-властный орган, не понаслышке знающий, что такое реальное правосудие, могущий четко сформулировать соответствующее задание и обеспечить по его выполнению государственную приемку результатов НИР. Такого органа у нас пока нет, но это – отдельная проблема.

Реальная жизнь, в том числе там, где совершаются правонарушения, требует адекватной реакции. Ускорение научно-технического прогресса – не исключение.

Очевидно, что каждый новый вид (категория) преступлений, где преступниками используются отдельные достижения научно-технического прогресса, в первую очередь в

сфере цифровых технологий, требует их специализированного расследования и не менее специализированного судопроизводства. К числу новых видов (категорий) преступлений, появившихся совсем недавно, следует отнести преступления в сфере геномной инженерии; связанные с противоправной трансплантацией органов человека; с клонированием отдельных органов человека, а вскоре, не исключено, и самого человека; в сфере биомедицинской этики и т. д.

«Обусловленные цифровизацией» преступления – это хищения в криптоиндустрии; создание интернет-пирамид; кибертерроризм; взлом сайтов госорганов; организация групп детских суицидов; взлом баз личных данных с целью шантажа публикацией компромата; электронный игровой бизнес; демонстрация через интернет сцен жестокого обращения с животными т. д.

Для полноценного судебного следствия и вынесения максимально адекватного, полностью соответствующего материалам и обстоятельствам дела, справедливого судебного акта необходимо соответствующее уголовно-процессуальное законодательное реагирование и устойчивая, обобщенная и проанализированная судебная практика и, как минимум, ориентирующие разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации.

Недавно был опубликован законопроект о регулировании цифровых финансовых активов, подготовленный Министерством финансов Российской Федерации и Центробанком. Его обсуждение, по сути, только началось. Но очевидно, что мошеннических схем злоупотреблений с криптовалютой преступниками будет разработано и реализовано не мало, чему будет способствовать недостаточная разработанность соответствующего понятийного аппарата в этом законопроекте: например, не предложено законопроектом комплексного понятия «виртуальная валюта»; отсутствует классификация видов криптовалют; не должным образом решается проблема отслеживания добытчиков криптовалюты и т. д., а ведь майнинг истолковывается как предпринимательская деятельность, и при этом недостает сведений о регистрации хозяйственных субъектов, осуществляющих майнинг, определение порядка их налогообложения..., да и, судя по модели, заложенной

<sup>1</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

в законопроект, оборотоспособность цифровых финансовых активов ограничена.

Все это свидетельство того, что механизм правосудия, как уголовного (по делам о преступлениях в сегменте цифровых финансовых активов), так и экономического (при разрешении арбитражных споров о защите прав и законных интересов субъектов этой сферы предпринимательской деятельности), будет заведомо далеко не совершенным. А ведь он должен не только решать проблемы сегодняшнего дня, он обязательно должен предвидеть и будущие проблемы, что обязывает на уровне законопроекта их предвидеть и составлять модели их решения.

Кроме того, и это исключительно важно, современный российский судья осуществляет правосудие в условиях **обязанности** применения соответствующих нормативных предписаний на крайне несовершенном и противоречивом правовом поле, что особенно наглядно проявляется в сфере экономики.

Так, в докладе «Контрольно-надзорная деятельность в Российской Федерации», подготовленном Министерством экономического развития Российской Федерации совместно с Высшей школой экономики и Российским союзом промышленников и предпринимателей, указано, что в стране действует 102 разрешительных режима, которые можно отнести к лицензированию, хотя формально лицензии должны получать лишь 66. Перечни других типов и вовсе не закреплены. Всего выявлен 541 вид разрешительной деятельности, что в два раза больше, чем видов госконтроля; 28 режимов действуют фактически незаконно, для 54 отсутствует надлежащее регулирование, а порядок 240 установлен только ведомственными документами<sup>1</sup>.

В 2017 г. с плановыми проверками контрольно-надзорных органов столкнулись 87% предпринимателей, с внеплановыми – 47%. При этом плановых проверок стало меньше на 45% – 450 тыс. вместо более чем 1 млн<sup>2</sup>.

В российских регионах и муниципалитетах принято и действует, как показала проверка Генеральной прокуратуры, проведенная в первой половине 2017 г., 94,2 тысячи законов и постановлений, противоречащих федераль-

ным нормам<sup>3</sup>. Правительство и госорганы принимают, как считают в Правительстве Российской Федерации, более 6 тыс. нормативных правовых актов в год, заметная часть из которых корректирует существующие правила и вводит новые требования к предпринимателям. А избыточных требований к предпринимателям, по мнению «Опоры России», насчитывается около 2 млн<sup>4</sup>. Обращения же в суды, в том числе Конституционный суд Российской Федерации, с ходатайствами об отмене подобных актов крайне мало результатов – современная судебная система в целом, а современное судопроизводство (особенно – арбитражное) в частности к подобной массовости обращений не приспособлены в принципе, да и не должны приспособливаться. Таких актов попросту не должно существовать в принципе.

Если к этому добавить, что проведенной Институтом проблем государственного языка Санкт-Петербургского госуниверситета экспертизой 36 тыс. нормативных правовых актов, изданных органами власти и управления Северо-Западного федерального округа в 2014 г., на предмет соблюдения в них норм государственного русского языка выявлены многочисленные случаи неопределенности, двусмысленности формулировок и что в результате смысл этих актов «как-то» понимают лишь от 3,5 до 20% граждан<sup>5</sup>, то картина с качеством правового поля для нужд экономического правосудия складывается удручающая.

Впрочем, в этой сфере ведомственного и отраслевого нормотворчества вообще немало удивительного. По данным Счетной палаты Российской Федерации (по результатам проверок обоснованности и эффективности закупок работ (услуг) за 2015–2016 гг. и первое полугодие 2017 г.) были выявлены многочисленные случаи передачи на аутсорсинг работ и услуг, выполнение и оказание которых отнесено к полномочиям органов государственной власти (на федеральном уровне – 1 037, на региональном и муниципальном уровнях – 505, всего на сумму 8,6 млрд рублей). В частности, Счетной палатой Российской Федерации констатировалось: «Участие иностранных

<sup>1</sup> См.: Коммерсант. – 2017. – 17 июля.

<sup>2</sup> См.: Коммерсант. – 2018. – 7 февраля.

<sup>3</sup> См.: Известия. – 2017. – 11 октября.

<sup>4</sup> См.: Коммерсант. – 2017. – 23 марта.

<sup>5</sup> См.: Известия. – 2016. – 27 июня.

организаций в нормативно-правовом регулировании и разработке стратегических документов в ТЭК не может рассматриваться как соответствующее национальным интересам Российской Федерации»<sup>1</sup>. В заключение Счетной палатой Российской Федерации отмечено: «Неурегулированность данной проблемы создает риски двойного расходования бюджетных средств, влияния частных государственных организаций на государственную политику, информационной преференции отдельным организациям, коррупционные риски и возможность утечки информации»<sup>2</sup>. Однако суды и судьи сегодня всем этим массивом норм при отправлении экономического правосудия обязаны руководствоваться. Поэтому резко, во весь рост, встает проблема целеполагания этого сегмента нормативно-правового регулирования.

В целом к положительным сторонам цифровизации в правосудии, в том числе в сегменте экономического правосудия, можно отнести внедрение новых технологий, связанных с переходом на электронный документооборот, повышением информационной открытости суда, расширением информационного доступа к большинству процессов в режиме реального времени, к возможностям через Сеть отслеживать динамику судебного разбирательства, анализировать действия судей и других участников процессов, что повышает объективность принятия судебных актов.

Вместе с тем такая довольно новая цифровая судебная технология, как видеоконференц-связь, позволяет решить множество проблем, возникающих вследствие удаленности друг от друга абонентов этой связи, прежде всего суда от тех или иных участников судебного процесса.

Но в уголовном процессе такой способ связи вступает в определенное противоречие со статьей 240 УПК РФ. Эта статья провозглашает (в ч. 1): «В судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев, предусмотренных разделом X УПК РФ (где речь идет об особом порядке судебного разбирательства).

Принцип непосредственности в судебном процессе – важный принцип оценки доказательств. Он по факту действует тысячелетия и, по сути, означает прежде всего в координатах судья – подсудимый как «глаза в глаза», что недостижимо в формате видеоконференц-связи. Ведь при непосредственном общении – в ходе допроса подсудимого на стадии судебного следствия и вообще на всем протяжении судебного процесса – судья получает информацию доказательственного характера от подсудимого не только в чисто информационно-содержательном формате. Судья так или иначе видит, воспринимает, обобщает, анализирует, сопоставляет информацию о личности подсудимого в ментальной сфере с учетом его мимики, жестикюляции, артикуляции, моторики движений, вазомоторных реакций и т. д.; судья чувствует всеми своими органами чувств нюансы поведения (а не только речь) подсудимого. Огромному числу лиц, участвующих в судопроизводственном процессе по этому делу, да и с точки зрения минимизации расходов по этому процессу было бы выгодно проведение допроса подсудимого с использованием видеоконференц-связи (а еще проще посредством телефонного разговора или даже с использованием смс-сообщений), но цели правосудия – установлению фактических обстоятельств по делу – оно способствовало бы в значительно меньшей мере, чем при непосредственном, вживую, участии подсудимого в процессе.

Возникают и другие проблемы в практике применения видеоконференц-связи в судебных процессах. Так, статья 50 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» ставит освобождение обвиняемых из-под стражи в зависимость от времени получения соответствующего судебного решения. А доставление оригинала судебного акта посредством спецсвязи или почтой в таких случаях занимает от нескольких дней до 14 суток.

21 июня 2017 г. судебной коллегией по уголовным делам ХМАО – Югры (г. Ханты-Мансийск) было вынесено апелляционное определение об отмене приговора подсудимым И., С. и А., вынесенного Урайским городским судом, в совершении преступлений,

<sup>1</sup> См.: Независимая газета. – 2018. – 30 января.

<sup>2</sup> Там же.

предусмотренных статьей 228.1 УК РФ. При этом в отношении И. была отменена мера пресечения в виде заключения под стражу и применена ранее избранная мера пресечения – залог. Это апелляционное определение вступило в законную силу незамедлительно – 21 июня 2017 г. Однако И. был освобожден из-под стражи лишь 26 июня 2017 г., после получения в СИЗО № 1 УФСИН России по Тюменской области (г. Тюмень) судебного решения апелляционного определения из суда (г. Ханты-Мансийск), направленного посредством спецсвязи<sup>1</sup>.

Конечно, статью 50 упомянутого Федерального закона № 103 можно и нужно подправить, и это рано или поздно произойдет. Нет сомнений и в том, что распространение цифровизации в механизме правосудия, а еще значимее в экономике, будет выявлять все новые несовершенства в правоприменительной практике, обусловленные отставанием соответствующего правового регулирования в широкой гамме общественных отношений. Здесь явно необходима новая методология внедрения достижений научно-технического прогресса в нашу реальную жизнь.

Дальнейшее внедрение цифровых технологий в механизм правосудия может принести немало положительного, например, в определенной мере решить, правда, лишь отчасти, существующую сегодня запредельную, превышающую все возможные нормативы судебную нагрузку на основную массу российских судей [3; 5], что, безусловно, справедливости судебным актам не способствует. В какой-то мере будет иметь место экономия финансовых, материально-ресурсных и прочих средств, как и экономия времени в отдельных стадиях и процедурах судопроизводственного процесса.

Но и наоборот, цифровизация в сфере правосудия может иметь и реально уже имеет и обратную сторону. На состоявшемся в конце января 2018 г. форуме, посвященном 90-летию Верховного суда Российской Федерации, было рассказано о недавнем случае в Московском городском арбитражном суде, где мошенники, воспользовавшись доступом к информационным базам аппарата суда, пытались обратить взыскание на денежные

средства страховых компаний и банка, но, благодаря бдительности сотрудников суда и оперативной работе полицейских, деятельность злоумышленников была вовремя пресечена.

Этот пример свидетельствует как минимум о следующем: внедрение цифровых технологий в экономику должно сопровождаться внедрением гарантийных способов предотвращения всяких возможностей совершения правонарушений в этой сфере. Проявления героизма, даже элементарной бдительности сотрудниками суда и полицейскими – не решение подобной задачи, не панацея в таких делах.

В юрисдикции экономического правосудия намечаются серьезные проблемы, прежде всего в сфере дел о банкротстве. Как сказано в Исследовании Национального центра банкротств для «Известий», объем долга заемщиков, получивших возможность объявить себя несостоятельными, на начало 2018 г. достиг 32 млрд рублей, увеличившись вдвое с января 2017 г., а к 2020 г. «армия» потенциальных банкротов способна вырасти в 5 раз (сейчас число россиян, подавших заявление на списание долгов, за два года превысило 87 тыс. человек)<sup>2</sup>.

Но не увеличение количества дел о банкротстве, которые будут предметом рассмотрения в арбитражных судах, и не рост совокупного массива денежной массы по этим делам представляют уже сейчас опасную сложность для механизма экономического правосудия, а резкое увеличение – внезапное и недавно начавшееся – объема судебного материала, который необходимо здесь проработать судьям. Суть в том, что уже сейчас в арбитражных судах немалое число дел о банкротстве крупных предпринимательских образований состоит из сотен томов. По крупным «банкротящимся» компаниям – до 300–350 томов, в каждом из которых, в соответствии с инструкцией по делопроизводству, насчитывается 150 страниц. Но сложности в структуре по банкротству АО «Славянка», например, потребовали от суда рассмотреть каждую из двух тысяч сделок на предмет их соответствия закону, а также их исполнение на предмет соответствия условиям сделок; по

<sup>1</sup> См.: Новая адвокатская газета. – 2018. – 15 января.

<sup>2</sup> См.: Известия. – 2018. – 30 января.

делу о банкротстве одной из крупных страховых компаний было заявлено 4 300 требований кредиторов об их включении в реестр кредиторов, а ведь каждое из требований суд должен взвесить на предмет его обоснованности, доказанности соответствия закону... И на ознакомление (даже не на анализ содержащихся в таком деле документов) у арбитражного судьи нет не только дней, но подчас даже часов. Конечно, по «банкротным» делам судья в большинстве случаев выносит не финальные, а промежуточные судебные акты, для чего не нужен анализ материалов всего дела, но и для вынесения финального акта у него времени для анализа всех материалов дела попросту нет. Однако ведь арбитражное дело участниками в значительной доле комплектуется вовсе не для того, чтобы документы там, в делах, просто были. Целевая принадлежность этих документов – быть средством аналитической работы мозга судьи-человека. Кстати, перевод с бумажных носителей в «цифру» материалов многотомных арбитражных дел ситуацию никоим образом не изменяет: в вопросе целевой принадлежности информации для мозга судьи мало значима разница, где эта информация содержится – на бумажных или электронных носителях.

С механизмом уголовного правосудия ситуация не лучше, а кое в чем еще хуже. Рассказывая, что однажды ему – известному адвокату А. Кучерене – пришлось столкнуться с обвинительным заключением, объем которого составлял 19 965 страниц текста, он сделал резонный вывод: «...Понятно, что ни один судья не способен в обозримые сроки этот текст прочесть и тем более тщательно проанализировать его, с тем чтобы вынести законное и обоснованное решение»<sup>1</sup>. Стоит добавить, что тем более ни один судья-человек не в состоянии просто прочитать в приемлемый срок все материалы этого многотомного уголовного дела, в котором двадцатитысячестраничное обвинительное заключение явно составляет лишь незначительную долю.

Стоит сказать, что со всеми материалами (со всеми томами) подобных уголовных дел должны быть также ознакомлены через своих

адвокатов все обвиняемые... И факт, что такие объемные уголовные дела не о карманной краже, они в основном о преступлениях экономической направленности. Там много подсудимых, множество эпизодов преступлений и, по сути дела, все в совокупности многотомное уголовное дело – это доказательства совершения преступлений, т. е. там сказано, что было. И дело судьи – дать доказанному юридическую оценку, всю эту информацию переварив и взвесив все доказательства.

Такое положение дел не только у нас. Недавнее решение Лондонского суда по судебному процессу Абрамович-Березовский, например, занимающее «всего» 750 страниц компьютерного текста (решение, а не дело), для осмысливания и анализа требует столько времени и усилий, что трудно вообразить, а ведь его надо бы было сопоставить при необходимости обжалования с материалами всего дела. Похоже, что в таких ситуациях судью выручает его интуиция, целиком, скорее всего, зависящая от его опыта и профессионализма. Но можно ли такой приговор, выносимый судьей, который ознакомился лишь с частью материалов уголовного дела, считать справедливым?

Очевидно, что без дальнейшего внедрения цифровых технологий в механизм правосудия, прежде всего в судебный процесс, даже не в интенсификационном режиме, не обойтись. Но насколько далеко это внедрение может зайти? Не встанет ли уже в обозримом будущем, вопрос о целесообразности замены судьи-человека судьей-роботом? В художественной литературе и в художественных фильмах (в жанре научной фантастики) есть немало произведений на сей счет. Мир, в котором правосудие осуществляют судьи-роботы, созданный этими произведениями, не внушает ни радости, ни доверия. И если наметившаяся тенденция цифровизации механизма правосудия все-таки приведет в отдаленном будущем к реальному созданию подобного мира, захочется ли нам в нем жить?

<sup>1</sup> См.: Известия. – 2017. – 26 сентября.

### Список литературы

1. *Астапенко П. Н.* Государство и Интернет: проблемы правового регулирования интернет-отношений // Закон и право. – 2017. – № 10. – С. 15–22.
2. *Лаптев В. А., Соловьяненко Н. И.* Электронное правосудие и электронный документооборот как условие модернизации регулярной среды для бизнеса // Российский судья. – 2017. – № 2. – С. 16–21.
3. *Мамыкин А. С.* Правовые средства оптимизации судебной нагрузки судей // Российское правосудие. – 2016. – № 2 (118). – С. 77–85.
4. *Селина Е. В.* Электронное и дистанционное правосудие: вызовы времени и перспективы // Администратор суда. – 2016. – № 3. – С. 12–15.
5. *Терехина В. А.* Решение проблем судебной нагрузки как одна из задач судебной реформы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 5 (118). – С. 56–61.
6. *Шарипов А. К.* Электронное правосудие в Республике Казахстан как фактор укрепления доверия населения к судебной власти // Судья. – 2017. – № 10. – С. 23–27.

**Цифровое образование – новые реальности****И. Н. Куксин**

доктор юридических наук, профессор,  
профессор кафедры теории и истории государства и права МГПУ.  
Адрес: ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,  
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, к. 1.  
E-mail: proffkuk-1944@yandex.ua

**Digital Education – New Realities****I. N. Kuksin**

Doctor of Law, Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department  
of the Moscow City University.  
Address: Moscow City University, 4 2-nd Agricultural Passage, build. 1,  
Moscow, 129226, Russian Federation.  
E-mail: proffkuk-1944@yandex.ua

**Аннотация**

Цифровая экономика затронула как производственные, так и социальные сферы, включая и образование. В статье анализируется ее значение для развития общества, в том числе и те задачи, которые ставятся руководством страны перед учебно-образовательными учреждениями России. Автором дается толкование тех новых понятий, которые уже вошли в лексикон нормативных актов, регламентирующих вопросы цифровой экономики и широко используются в педагогической практике. Также отмечается, что в России уже действует официальная платформа отечественных онлайн-курсов, созданная по инициативе Минобрнауки России и ведущих вузов страны, которые включают университетские курсы по самым разным направлениям и специализациям. Делается вывод о том, что переход к цифровому образованию в XXI в. – это внедрение новых информационных и образовательных технологий, применение прогрессивных форм организации образовательного процесса и активных методов обучения, а также учебно-методических материалов, соответствующих современному мировому уровню.

**Ключевые слова:** цифровая экономика, электронное образование, электронная педагогика, робот-юрист, цифровая платформа, персонализированная образовательная траектория, элементы образовательной траектории, открытые образовательные ресурсы.

**Abstract**

The digital economy has affected both production and social spheres, including education. The article analyzes its importance for the development of society, including those tasks set by the country's leadership before the educational institutions of Russia. The author gives an interpretation of those new concepts that have already entered into the lexicon of normative acts that regulate the issues of the digital economy and are widely used in pedagogical practice. It is also noted that Russia already has an official platform of domestic online courses, created on the initiative of the Ministry of Education and Science of Russia and the leading universities of the country, which include university courses in a wide variety of areas and specializations. It is concluded that the transition to digital education in the 21st century is the introduction of new information and educational technologies, the use of progressive forms of the organization of the educational process and active methods of teaching, as well as educational and methodological materials corresponding to the modern world level.

**Keywords:** digital economy; e-education; electronic pedagogy; robot lawyer, digital platform, personalized educational trajectory; elements of the educational trajectory; open educational resources.

5 июня 2017 г. на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал, что цифровая экономика

не отрасль, а уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, бизнеса, социальной сферы всего общества. Это такой же важный проект, как некогда

электрификация Советского Союза, это еще и вопрос национальной безопасности и независимости России.

Сегодня проблемы цифровой экономики и электронного обучения обсуждаются на различных конференциях и в самых разных научных кругах, и это вполне закономерно, так как связано, с одной стороны, с объективными трудностями ее внедрения, а с другой – с тем, что никто не знает, каковы ее последствия. Подтверждением сказанного является пример выступления Председателя правления Сбербанка России Германа Грефа 21 июня 2017 г. в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта, где он сформулировал свое видение основных положений цифровой экономики, после чего в социальных сетях произошел взрыв. Что же неординарного было сказано Г. Грефом, о чем заговорили в социальных сетях? Выступая перед студентами, он посоветовал будущим юристам забыть профессию, поскольку в наступившую цифровую эру их обязанности значительно лучше может выполнить компьютер. «В прошлом году 450 юристов, которые у нас готовили иски, были сокращены. У нас нейронная сетка готовит иски лучше. Мы сегодня перестаем брать юристов, которые не знают, как работать с нейронной сетью<sup>1</sup>. И если вы заботитесь о своем будущем, пожалуйста, пройдите соответствующий курс обучения» [5], – сказал Г. Греф. Помимо приведенного положения, в его выступлении был ряд и других неоднозначных для восприятия высказываний. Например, они касались развития облачных технологий, а именно, что каждый из нас как реальный человек будет интересовать мир все меньше и меньше, а больше интересовать будет цифровая копия, которая хранится на облаках, и все мы будем абсолютно прозрачны для цифрового мира. В цифровой экономике человек не сможет делать бизнес, если не обладает цифровой платформой. И ключевая компетенция, как утверждает Г. Греф, уже не в той сфере, где работает человек, а в совершенствовании цифровой платформы. Все процессы будут сидеть в

цифре. Соответственно, человеку нужно иметь возможность изменять все параметры своего бизнеса, изменяя цифровую платформу.

Все, что говорил Герман Греф год назад, это реальности сегодняшнего дня. Российская газета за 9 февраля 2018 г. сообщила, что 8 февраля был первый рабочий день у российского робота-юриста Федора Нейронова, который специализируется на защите прав потребителя. Разработчики добились того, что робот-юрист понимает разговорный русский язык, и в порядке эксперимента журналисты задали запрос: «Как вернуть сломанный телефон»? Робот менее чем через секунду предоставил развернутый ответ с перечислением прав человека в его ситуации, а также статей закона. Для сравнения, если классический юрист может ответить максимум на 15–20 вопросов в день, то робот-юрист – на тысячи обращений, причем максимально подробно. Ясно, что робот никогда не заменит человека. Но это сигнал для юристов и повод задуматься, как сделать, чтобы подобные технологии были помощником в его работе.

И еще одно весьма заметное событие произошло в работе контрольно-надзорных органов. Так, министр Открытого правительства Михаил Абызов, выступая на Всероссийском собрании представителей единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации, сообщил, что число внеплановых проверок на объектах малого и среднего бизнеса снизилось на 40%. Но остается вопрос, что делать с потенциально опасными предприятиями. По его словам, на такие предприятия придет не инспектор МЧС, а цифра. На потенциально опасном предприятии будет установлена сеть систем контроля, с которых будут сниматься данные, и инспектору не надо будет приезжать лично с проверкой. Более того, контроль за такими предприятиями станет не выборочным, а постоянным. «Выездные проверки будут практически полностью заменены дистанционным контролем, – заявил глава Открытого правительства, – который осуществляется на основании индикаторов рисков, с использованием датчиков телеметрии, технологий искусственного интеллекта, аналитики больших данных» [3]. В 2018 г. планируется переобучить более 20 тыс. инспекторов всех контрольно-надзорных органов.

<sup>1</sup> Нейронные сети – это математические модели, работающие по принципу сетей нервных клеток животного организма.

Говоря о последствиях цифровой экономики, нельзя не отметить тот факт, что, по данным Всемирного экономического форума, 64% детей, которые пошли в школу в этом году (2017), будут работать по специальностям, о которых сегодня мы еще даже не знаем [7].

Можно утверждать, что начиная с 2015 г. информационная эра сменилась эрой цифровой, когда появилась технология больших данных *big data*<sup>1</sup>. И действительно, в XX в. человечество жило в мире бумажном, а XXI в. – это век господства цифровых технологий. Мы переживаем информационную революцию, которая сопоставима с теми событиями, которые пережил мир 500 лет назад. В 1450 г. немецкий ремесленник Иоганн Гутенберг изменил ход мировой истории, что по праву отнесено к величайшим достижениям человечества. Он изобрел печатный станок. Это были маленькие ручные машинки, на которых в день можно было напечатать до 16 страниц текста.

По утверждению многих исследователей, цифровая экономика – это четвертая промышленная революция. Как известно, ее еще называют Великой индустриальной революцией. Это переход от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике; переход от преимущественно аграрной экономики к индустриальному производству. С внедрением цифровой экономики постепенно происходит полная смена парадигмы (греч. *paradeigma* – «пример, образец») нашей жизни. В реальности она затрагивает практически все сферы нашего бытия – как мы работаем, самовыражаемся, получаем информацию и развиваемся. Это абсолютно другие способы удовлетворения своих запросов, это совершенно другие способы коммуникации, получения и передачи знаний. Это новая жизнь и это то, к чему мы должны быть готовы.

Сегодня студенческая аудитория наполнена поколением родившихся в эпоху Интернета, которое обучается через смартфоны, планшеты, мобильную связь и социальные сети. Последние своей паутиной полностью

покрыли мир. Они не имеют возрастных или профессиональных ограничений. Люди всех слоев, возрастов и специальностей (банкиры, учителя, профессора, руководители фирм, студенты и т. д.) ежедневно ведут как деловую, так и личную переписку. Педагоги, работая в образовательных социальных сетях, уже выступают как модераторы<sup>1</sup>, наставники. Это стало возможным только при реализации цифровых технологий и называется *персонализацией*, т. е. личностным образованием, которое предполагает поддержку интереса конкретной личности, ее устремлений и запросов. Отсюда вытекает одна из новых, приоритетных задач для российских вузов – обучение электронной педагогике<sup>2</sup>.

Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев, выступая в январе 2018 г. на Гайдаровском форуме, заявил: «Уже сейчас понятно, что образование будущего будет системой, которая опирается на *персонализированную образовательную траекторию* (выделено – И. К.) с открытыми образовательными ресурсами и новыми подходами к результатам обучения. Да и учить, наверное, нужно будет другому. И уже сегодня мы должны ставить задачу по изменению отношения к системе здравоохранения и образования, по повышению квалификации, по увеличению доходов тех, кто работает в этих сферах, потому как врачи, преподаватели – это ключевые группы, которые определяют будущее любой страны» [4. – С. 3]. В этой связи возникает вопрос: *кого мы учим, чему учим и как мы учим?*

Отвечая на первый вопрос, профессорско-преподавательский состав вузов должен прекрасно отдавать себе отчет, что в стены высшего учебного заведения приходят молодые юноши и девушки, которые отличаются

<sup>1</sup> «Большие данные» означает анализ очень больших объемов данных и управление ими. Это информация, которая не поддается обработке классическими способами по причине больших объемов.

<sup>1</sup> Модератор (от лат. *moderor* – «усмиряю, сдерживаю») – пользователь на общественных сетевых ресурсах (чатах, форумах, конференциях и играх), имеющий более узкие права, чем администратор, но более широкие права, чем обычные пользователи, игроки.

<sup>2</sup> Электронная педагогика – это новое современное направление педагогической науки, предмет которой – педагогическая система открытого образования; система педагогических методов, различных методик, форм обучения и воспитания в информационно-образовательных высокотехнологических средах.

своей ментальностью<sup>3</sup>, устремлением и даже поведением. Это поколение уже подготовлено к восприятию информации через цифровые технологии. Здесь автор видит главную задачу – в ближайшей перспективе реализовать в учебном процессе положения принятого Правительством Российской Федерации Распоряжения от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Цифровая экономика Российской Федерации» [6]. В Программе отмечено, что, несмотря на то, что в системе образования расширяется применение цифровых технологий, имеет место разрыв между потребностями численности подготовки кадров для цифровой экономики и наличием соответствующих образовательных программ. Недостаточно применяются цифровые инструменты в процедурах итоговой аттестации. В целом весь этот процесс еще не включен целостно в цифровую информационную среду. В связи с этим можно полагать, что сегодня вузам надо создавать систему мотивации по освоению необходимых компетенций, которые позволят обеспечить цифровую экономику компетентными кадрами и участием студентов, магистрантов, аспирантов в исследовании проблем, связанных с реализацией цифровой экономики в России. Естественно, в кратчайшие сроки должны быть пересмотрены образовательные программы. Успешное выполнение этой задачи, которая по времени рассчитана до 2024 г., позволит России переместиться с 41-го места на более высокую ступень по готовности к цифровой экономике среди лидирующих стран. По заявлению первого заместителя руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации Максима Акимова, в целях реализации программы «Цифровая экономика» в весеннюю сессию в Государственную думу будет внесено более 20 законопроектов, посвященных регулированию цифровой экономики.

В связи с этим все более острой становится проблема кадровой обеспеченности. «Нехватку квалифицированных кадров назвали самой острой проблемой 67% представителей иностранного бизнеса», – говорится в

исследовании Российского союза промышленников и предпринимателей [7]. С 2014 г. этот показатель вырос в 2,5 раза. «Нам нужны современные специалисты, которые хорошо ориентируются в цифровой среде, которые понимают, как применять новейшие технологии и в своей работе, и просто в жизни», – заявил Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев на заседании комиссии, посвященном кадрам и образованию [1]. Исходя из этих потребностей должна совершенствоваться и система образования. «От университетов, – пояснил Д. А. Медведев, – требуется выпускать больше специалистов, обладающих базовыми компетенциями цифровой экономики» [1]. Сейчас в России выпускается 40 тыс. ИТ-специалистов, а требуется 400 тысяч.

По заявлению бизнес-сообщества, сегодня требуются специалисты, квалифицированные одновременно в нескольких направлениях, например, финансах, кредитах, юриспруденции, высоких технологиях. Это и есть ответ российского образования на вопрос *чему мы учим и как мы учим* наших студентов.

В открытой печати раздается много критики в адрес высших учебных заведений, где утверждается, что имеет место несоответствие между учебной программой университета и рынком труда. Встречаются высказывания и о том, что преподаватели учат тому, что знают сами, а у большинства из них нет современных знаний в области цифровой экономики. Ради объективности отчасти надо согласиться с этой критикой. Ведь не случайно в выступлении Д. А. Медведева на Гайдаровском форуме прозвучала фраза: *«Учить, наверное, нужно будет другому»*.

Учитывая то, каких специалистов готовит вуз, можно полагать, что требуется разработка новых базовых компетенций для всех выпускников, а также дополнительного образования, если оно ведется в вузе. Следующий этап будет заключаться в разработке (обновлении) образовательных программ всех уровней в целях закрепления общепользовательских и профессиональных цифровых инструментов.

Важным элементом в реализации Концепции цифрового образования должна быть разработанная система электронного обучения и выявления, поддержка и сопровождение

<sup>3</sup> Менталитет – совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу, народности.

ние высокомотивированных студентов, магистров, аспирантов, обучающихся на основе профиля компетенций и *персональных образовательных траекторий*. «*Образовательная*» означает способствующая формированию знаний, умений, пониманию окружающего мира и себя в этом мире, а «*траектория*» – это след от движения, накопления различного учебного, социального и образовательного опыта.

Современный мир все больше становится цифровым, и именно это позволяет обучающемуся выстраивать индивидуальную образовательную траекторию. При таком подходе ответственность за образование человек берет на себя, он сам выделяет компетенции, которые ему пригодятся в настоящем или будущем. А помощь ему оказывают открытые цифровые (образовательные) ресурсы. В этом процессе кардинально меняется роль педагога. Он обеспечивает персонализацию в обучении на анализе больших данных. Такой подход к обучению позволит педагогу, используя цифровые инструменты, подстраивать персональную образовательную траекторию каждого обучающегося. Сам же преподаватель видоизменяет свою роль. Из передатчика знаний он становится наставником, партнером, тьютером. Его задача – создавать открытые образовательные ресурсы как источники академических знаний, что связано уже с цифровыми платформами (онлайн-платформы), которые могут быть как глобальными, так и локальными.

В России уже действует официальная платформа отечественных онлайн-курсов, созданная по инициативе Минобрнауки России и ведущих вузов страны, которые включают университетские курсы по самым разным направлениям и специализациям. Естественно, онлайн-курсы должны готовиться в соответствии с нашим образовательным стандартом. Электронное обучение – это не только развитие цифровой экономики, но и привлечение талантов, «мозгов». На сегодняшний момент пока выигрывают иностранные образовательные платформы (агрегаторы), предлагая бесплатное обучение и, по сути, отбирая нашу талантливую молодежь. Например, на платформе Coursera 25 млн слушателей, из них 1 млн – русские. А четыре

года назад (2014) их было всего 200 тысяч. Изложенное направление в образовании дает ответ на завершающий вопрос: *как учить современных студентов?*

Что касается выработки типов образовательных траекторий по конкретным учебным дисциплинам, это уже дело каждого преподавателя, его искусство, умение и профессионализм. Представляется, что основными элементами создания образовательной траектории являются: ориентиры – формулировка целей и предполагаемый конечный результат студента и педагога; программа – инновационная (творческая), которая имеет несколько отличительных черт, а именно в нее должны входить цели, задачи, формы и методы обучения, личностное содержание образования, система контроля и оценки результатов; образовательная среда – упорядоченное образовательное пространство, в котором осуществляется развивающее обучение. Перечисленные элементы не являются исчерпывающими. Они зависят от содержания той или иной учебной дисциплины. Параллельно должна быть усилена работа по внедрению и совершенствованию дистанционных образовательных технологий.

По мере накопления вузом опыта по внедрению персональных траекторий обучения, которые позволят обучаемым выбирать индивидуальные способы формирования базовых компетенций, кафедры должны перейти к независимой аттестации обучаемых в отношении уровня форсированности базовых компетенций цифровой экономики как одного из результатов своей деятельности. Результаты должны фиксироваться в траектории развития обучаемых.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что переход к цифровому образованию в XXI в. – это веление времени, внедрение новых информационных и образовательных технологий, применение прогрессивных форм организации образовательного процесса и активных методов обучения, а также учебно-методических материалов, соответствующих современному мировому уровню. И тот, кто стоит на передних рубежах этого направления, является не только свидетелем эпохи стремительного движения из мира бумажного в мир цифровой, но и активным его участником.

**Список литературы**

1. *Белов С.* По нашей программе // Российская газета. – 2018. – 12 февраля.
2. *Борисов Т.* Вас проверит цифра // Российская газета. – 2018. – 9 февраля.
3. *Борисова И.* Доцента тянут в сеть // Российская газета. – 2018. – 13 февраля.
4. *Гайва Е.* «Цифра» выходит из тумана // Российская газета. – 2018. – 17 января.
5. *Греф Г.* Вы не сможете делать бизнес, не обладая цифровой платформой. – URL: <https://www.kantiana.ru/news/142/211897/> (дата обращения: 02.02.2018).
6. *Кузьмин В.* Интеллект в цене // Российская газета. – 2018. – 17 января.
7. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – URL: [www.prgvo.gov.ru](http://www.prgvo.gov.ru) (дата обращения: 24.01.2018).

## Развитие электронного правосудия в России

**И. С. Денисов**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова,  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: is.denisov@mail.ru

## The Development of e-Justice in Russia

**I. S. Denisov**

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines  
of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: is.denisov@mail.ru

### Аннотация

В статье проводится анализ содержания понятия «электронное правосудие» в Российской Федерации и Республике Казахстан. Автор анализирует схожие правовые элементы электронного правосудия в обеих странах. Выявляются признаки и отличительные особенности данного правового явления. В статье автор приходит к выводу о том, что следует понимать под электронным правосудием, а также говорит о его соотношении с термином «информатизация судов». Электронное правосудие рассматривается автором с точки зрения повышения эффективности и транспарентности отправления. Автором исследуются нормы как действующего процессуального законодательства, так и подзаконных актов – приказов Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации и Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном суде Республики Казахстан. Автор заключает, что электронное правосудие не может идти в отрыве от состояния и хода внедрения взаимодействия в электронном виде в обществе и в государстве целом, так как электронное правосудие является составной частью более глобального феномена – электронного государства.

**Ключевые слова:** электронное правосудие, информатизация судов, гражданский процесс, арбитражный процесс.

### Abstract

The article analyzes the content of the concept of "electronic justice" in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The author analyzes similar legal elements of electronic justice in both countries. Signs and distinctive features of this legal phenomenon are revealed. In article the author comes to a conclusion that it is necessary to understand electronic justice, its relation with the term "Informatization of vessels". The author considers e-justice from the point of view of increasing the efficiency and transparency of administration. The author investigates both the norms of the current procedural legislation and by – laws-orders of the judicial Department under the Supreme court of the Russian Federation, and the Department for ensuring the activities of courts under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. The author comes to the conclusion that e-justice cannot go in isolation from the state and progress of the introduction of interaction in electronic form in society and in the state as a whole, because e-justice is an integral part of a more global phenomenon e-state.

**Keywords:** electronic justice, informatization of courts, civil process, arbitration process.

Информационно-телекоммуникационные технологии стали обыденной частью повседневной жизни современного человека практически любой страны, тем самым ознаменовав переход к информационному обществу и

электронному государству. Все большее значение государством и обществом уделяется растущему сектору цифровой экономики.

Электронное правосудие призвано упростить процесс судопроизводства, а также

сделать его более оперативным, доступным и прозрачным.

На сегодняшний день очевидны все плюсы электронного правосудия. Например, в Казахстане можно отметить удобство электронного правосудия для участников процесса, многим из которых приходится не по одному разу преодолевать большие расстояния, чтобы подать те или иные документы через канцелярию суда либо направлять документы почтой, что увеличивает сроки рассмотрения дел в судах. Соответственно, это способствует экономии на почтовых расходах, снижению роли человеческого фактора в судебном процессе, повышению эффективности правосудия, приобщению к высоким стандартам, принятым в цивилизованном мире. Действующий ГПК РК статьей 127 «Судебные извещения и вызовы» предоставляет возможность извещения участников процесса посредством информационно-телекоммуникационных систем. Информация о времени, месте и дате очередного слушания ныне поступает сторонам непосредственно на мобильный телефон в виде коротких текстовых (SMS) сообщений. Это позволяет сократить не только расходы сторон, но и сроки рассмотрения дел. Таким образом, номера сотовых телефонов абонентов – участников процесса, сам текст отправленного сообщения, а также извещение о доставке приобщаются к материалам дела. Вместе с тем в России также предпринималась попытка использования информационных сервисов для извещения клиентов, например, в виде так называемой госпочты, однако данный сервис не был реализован в рамках электронного правосудия.

Задача построения эффективной и транспарентной системы правосудия ставится в ряде основополагающих документов, в том числе в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)». В Республике Казахстан одним из главных документов в области создания электронного правосудия является «Концепция информатизации судебной системы Республики Казахстан до 2020 года». Приоритетным направлением развития социально ориентированного государства данная программа

выделяет дальнейшее совершенствование электронного государства, а также электронного правосудия как судебной ветви власти.

К сегодняшнему дню удалось решить наиболее очевидные задачи, прежде всего по обеспечению судебных органов техническими средствами, каналами связи, созданию локальных вычислительных сетей, ведомственной информационной системы документооборота и судопроизводства – Единой автоматизированной информационно-аналитической системы судебных органов Республики Казахстан (аналога российской ГАС «Правосудие»). Сформировано единое информационное пространство судебных органов. В рамках создания этой системы выполнены мероприятия по интеграции информационной системы судебных органов в режиме запросов с государственными базами данных «Физические лица», «Юридические лица», «Адресный регистр», «Автоматизированная система государственного земельного кадастра», «Регистр недвижимости», «Реестр налогоплательщиков и объектов налогообложения», а также информационной системой Государственного центра по выплате пенсий.

В настоящее время сформирована нормативно-правовая база, состоящая из законов Республики Казахстан «Об информатизации», «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», «Государственной программы формирования и развития «электронного правительства», Указа Президента Республики Казахстан от 6 апреля 2007 № 310 «О дальнейших мерах по реализации Стратегии развития Казахстана до 2030 года», Концепции правовой политики на 2010–2020 годы» [2].

Процессуальное законодательство России и Казахстана находится в стадии реформирования: в январе 2016 г. введен в действие Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (ГПК РК), в России были существенно обновлены соответствующие главы Арбитражного процессуального кодекса России (АПК РФ) и Гражданского процессуального кодекса России (ГПК РФ).

Пионером в области электронного правосудия и испытательным полигоном для апробирования новых технологий электронного судопроизводства в России являлся ныне

упраздненный Высший арбитражный суд Российской Федерации (ВАС РФ).

Долгое время понятие «электронное правосудие» было применимо лишь к системе арбитражных судов, что было обусловлено сторонами, участвующими в арбитражных спорах, которыми являлись юридические лица. Для физических лиц, которые чаще выступали в качестве участников процесса в судах общей юрисдикции, не предполагалось наличие необходимости электронного взаимодействия как с судом, так и с органами государственной власти. В качестве причины можно назвать консервативность судебной системы и представление о том, что среднестатистический гражданин, обращающийся в суд общей юрисдикции за защитой своих нарушенных прав и свобод, не обладает навыками взаимодействия в электронной форме с судом и государственными органами, а также большую территориальную удаленность некоторых судов. В связи с объединением Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ появился единый центр судебной власти и возникла возможность для унификации правовых норм, регламентирующих электронное правосудие в гражданском судопроизводстве. Вместе с тем существовал проект не только объединения высших судов, но и создания Единого гражданского процессуального кодекса, в котором, как планировалось, должны были быть объединены нормы АПК РФ и ГПК РФ, что также способствовало бы выработке единого подхода в области электронного правосудия для системы судов общей юрисдикции и арбитражных судов [1].

Задержки в отправлении правосудия по гражданским делам и вынесении судебных решений влекут за собой целый ряд негативных последствий. Неспособность государства в представлении граждан и бизнес-сообщества вершить правосудие быстро и эффективно может вызвать недоверие к государственным институтам, а также подорвать авторитет страны на международной арене.

Для того чтобы можно было с уверенностью говорить о наличии элементов электронного правосудия в том или ином государстве, необходимо законодательно закрепить возможность обращения в суд в электронной

форме, получать повестки, судебные решения в электронном виде, осуществлять юридически значимое взаимодействие судов разных уровней внутри судебной системы и с другими государственными органами (например, Федеральной службой судебных приставов России в случае принудительного исполнения судебного решения) в электронном виде, а также вести дела в электронном виде и использовать систему видео-конференц-связи.

С 1 января 2017 г. граждане России впервые получили возможность с помощью ГАС «Правосудие» подавать в электронном виде в суды общей юрисдикции юридически значимые документы и получать их от них также в электронном виде. В процессуальном законодательстве Казахстана такая норма существовала изначально с принятием нового ГПК РК (статья 148 «Форма и содержание искового заявления»: «Исковое заявление подается в суд первой инстанции в письменной форме либо в форме электронного документа») [9].

В России для подачи документов в суд необходимо быть зарегистрированным в личном кабинете пользователя на портале ГАС «Правосудие» ([www.sudrf.ru](http://www.sudrf.ru)). Кабинет создается автоматически при подтверждении личных данных физического лица на сайте суда в соответствующем разделе «Подача процессуальных документов в электронном виде». Доступ к личному кабинету происходит либо при помощи усиленной квалифицированной электронной подписи пользователя, либо посредством подтвержденной учетной записи физического лица в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА). Документы, подаваемые в суд через сеть Интернет, могут быть поданы как в форме электронного документа, сопровождаемого электронной подписью (т. е. документ изначально в электронном виде без необходимости печати на бумажном носителе), так и в виде отсканированного документа, т. е. содержащего графическое изображение текста документа и подписи заявителя (в данном случае документ был создан в текстовом редакторе, распечатан на бумажном носителе, подписан истцом или его представителем и отсканирован в один из форматов, рекомендованных Судеб-

ным департаментом при Верховном суде РФ) [4; 6; 7].

В Республике Казахстан существует аналогичный портал [sud.gov.kz](http://sud.gov.kz), который является точкой доступа к системе электронного правосудия в республике.

В настоящее время делать вывод о широкой востребованности электронного правосудия среди граждан еще преждевременно, однако популярность сервиса постоянно увеличивается. Так, в I квартале 2017 г. в России в суды общей юрисдикции было подано 43,7 тыс. обращений в электронном виде, во II – уже 56,8 тыс., а в III квартале это число выросло по сравнению с I кварталом чуть ли не вдвое – до 74,8 тыс. обращений [9].

Для большинства граждан уже привычным способом электронного взаимодействия с органами государственной власти является Единый портал государственных услуг ([www.gosuslugi.ru](http://www.gosuslugi.ru)). На сегодняшний день более 53 млн пользователей зарегистрированы в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА). В данном случае логичным было использовать такой большой массив верифицированных аккаунтов граждан России и наладить электронное взаимодействие между ГАС «Правосудие» и сайтом [www.gosuslugi.ru](http://www.gosuslugi.ru), сделав его главным электронным «окном» для обращения за государственными услугами как к органам исполнительной власти, так и к судебным органам. С 1 января 2017 г. все граждане, имеющие подтвержденный логин и пароль в ЕСИА, получили возможность подавать документы в суд в электронной форме [9].

В целях создания организационных и технологических условий для внедрения электронного правосудия в деятельность судов Судебным департаментом была разработана Концепция развития информатизации судов до 2020 года (утверждена Постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439), предусматривающая мероприятия по доработке в рамках развития ГАС «Правосудие» специализированного программного обеспечения, позволяющего применять юридические значимые электронные документы в деятельности судов и осуществлять межведомственное электронное взаимодействие (так называемое

G2G-взаимодействие в электронном виде, когда процессуальные документы не распечатываются на бумажном носителе для отправки, например, в Федеральную службу судебных приставов, что значительно ускоряет процесс не только правосудия по гражданским делам, но и исполнения судебных решений).

Вместе с тем создание электронного правосудия не может идти в отрыве от состояния и хода внедрения взаимодействия в электронном виде в обществе и в государстве целом, так как электронное правосудие является составной частью более глобального феномена – электронного государства. В наиболее передовых странах, использующих электронный документооборот и юридически значимое взаимодействие с гражданами и бизнесом, прежде всего по территориальному масштабу, документооборот переводится в электронный вид не только в судебной системе.

Тем не менее можно сказать, что открывшиеся 1 января 2017 г. возможности по подаче исков в электронном виде вывели Россию на уровень ведущих мировых стран в этом вопросе.

Профессор Ричард Сасскинд (Richard Susskind), советник по информационным технологиям Верховного судьи Великобритании, утверждает, что существуют следующие веские причины, почему судебная система должна использовать преимущества, предоставляемые электронным правосудием: «Существующая судебная система (использующая бумагу как носитель информации – прим. авт.) является дорогостоящей и длительной для граждан, которые обращаются к ней за разрешением своих споров; современному обществу такое долгое и дорогое правосудие представляется анахронизмом и неуместным в интернет-обществе, а граждане все больше ожидают, что государственная услуга по разрешению судебных споров будут предоставляться в цифровом (онлайн) виде» [10]. Действительно, современные пользователи электронных сервисов привыкли получать информацию здесь и сейчас, при этом находясь в движении. В данном случае также следует позаботиться об адаптации существующих сервисов к портативным электронным устройствам – планшетами и даже смартфо-

нам (в виде приложений, загружаемых из соответствующих магазинов приложений или со специальных адаптированных версий сайтов под небольшой экран мобильного устройства). Дальнейшим этапом в данном случае является так называемое «мобильное-правосудие» (mobile-justice как часть mobile-government).

Объединение Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ оказало значительное влияние на дальнейшее развитие электронного правосудия в России. При этом, несмотря на опасения юридического сообщества, что наработки арбитражных судов в области электронного правосудия не будут востребованы, уже через три года после образования объединенного Верховного суда в действующий ГПК РФ были внесены существенные изменения, позволившие подавать иски в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде. В Республике Казахстан важным этапом развития электронного правосудия стало принятие нового Гражданско-процессуального кодекса 31 октября 2015 г. В России, как уже упоминалось ранее, также была возможность принятия нового Единого гражданского процессуального кодекса, однако она не была реализована [1].

Кроме изменений, внесенных в действующее процессуальное законодательство, понадобилось принятие подзаконных нормативно-правовых актов, регламентирующих правила подачи документов в электронном виде в суды общей юрисдикции и в арбитражные суды. Такими подзаконными нормативно-правовыми актами выступили приказы Судебного департамента при Верховном суде РФ, в которых содержались технические аспекты использования сервисов электронного правосудия в федеральных судах общей юрисдикции и в арбитражных судах [4; 8]. Аналогичные подзаконные нормативно-правовые акты были приняты в Республике Казахстан.

Изменения в процессуальном законодательстве привели к необходимости корректировки мероприятий по информатизации судов в части формирования единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей с учетом интеграции автома-

тизированных систем арбитражных судов в ГАС «Правосудие». Также следует отметить появившуюся возможность электронной подачи документов мировому судье. Таким образом, мировая юстиция стала последним звеном судебной системы, которому была предоставлена возможность электронного взаимодействия с гражданами и органами государственной власти [7]. В Республике Казахстан также была принята «Инструкция о порядке подачи в суд электронных документов посредством электронного информационного сервиса «Судебный кабинет»» (Распоряжение Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном суде Республики Казахстан от 28 ноября 2014 г. № 533) [8]. По мнению автора, применение подзаконных нормативно-правовых актов (а не регламентация их в процессуальном законодательстве), регламентирующих технические особенности подачи документов в электронном виде, вполне целесообразно. Вместе с тем при использовании сервиса электронного правосудия требования, предъявляемые к загружаемым файлам, должны отслеживаться и самой системой, т. е. в случае попытки пользователя загрузить файл большего размера (свыше 30 Мб) с меньшим разрешением (меньше 300 dpi) сервис должен сразу предупредить пользователя и предложить загрузить версию файла, которая соответствует техническим требованиям, а не создает потом излишнюю нагрузку на сотрудников суда для конвертации из одного формата файла в другой.

Ровно через год после принятия приказов Судебного департамента было принято Постановление Пленума Верховного суда РФ, содержащее разъяснения ряда терминов и порядка использования сервисов электронного правосудия [4]. В указанном постановлении Верховный суд РФ разъясняет право суда «предложить лицам, участвующим в деле, представить с возможностью копирования текста искового заявления встречное исковое заявление, отзыв на иск, проект мирового соглашения (проект соглашения о примирении), ранее поданные на бумажном носителе» (пункт 20 ППВС от 26 декабря 2017 г. № 57). Требование к загружаемому pdf-файлу связано с упрощением деятельности судей и

ускорением изготовления процессуальных документов, так как существует возможность скопировать нужный фрагмент текста и вставить в процессуальный документ, что безусловно, ускоряет и упрощает процесс создания документа судом.

В целом, говоря и о внедрении, и о применении системы электронного правосудия,

можно отметить, что в России и Казахстане правовое регулирование примерно на одинаковом уровне развития. Однако вместе с тем необходимы дальнейшие сравнительно-правовые исследования в целях дальнейшего совершенствования указанных систем электронного правосудия.

### Список литературы

1. Денисов И. С. Электронное правосудие в свете концепции единого гражданского процессуального кодекса // Информационное право: актуальные проблемы теории и практики : сборник докладов научно-практической конференции. – М. : МГЮА имени О. Е. Кутафина, 2015. – С. 223–225.
2. Концепция дальнейшей информатизации судебной системы Республики Казахстан. Утверждена Распоряжением Председателя Верховного суда Республики Казахстан от 4 июня 2012 г. № 194. – URL: [http://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=31246283](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31246283) (дата обращения: 10.01.2018).
3. Концепция информатизации судебной системы РК до 2020 года. Утверждена Распоряжением и. о. Председателя Верховного суда Республики Казахстан от 28 июля 2014 г. № 165.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». – URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_286321/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/) (дата обращения: 10.01.2018 г.)
5. Приказ Судебного департамента при Верховном суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». – URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_209690/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/) (дата обращения: 10.01.2018).
6. Приказ Судебного департамента при Верховном суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». – URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_209951/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209951/) (дата обращения: 10.01.2018 г.)
7. Приказ Судебного департамента при Верховном суде РФ от 11 сентября 2017 г. № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».
8. Распоряжение Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном суде Республики Казахстан от 28 ноября 2014 г. № 533 «Инструкция о порядке подачи в суд электронных документов посредством электронного информационного сервиса "Судебный кабинет"». – URL: <http://sud.gov.kz/rus/content/instrukciya-o-poryadke-podachi-v-sud-elektronnyh-dokumentov-posredstvom-elektronnogo> (дата обращения: 10.01.2018).
9. Юхневич Л. А. Электронное правосудие – будущее российской судебной системы. – URL: [www.consultant.ru/law/interview/yuhnevich/](http://www.consultant.ru/law/interview/yuhnevich/) (дата обращения: 10.01.2018).
1. Online Justice: why Courts Should Explore Emerging Digital Possibilities. – URL: [www.theguardian.com/public-leaders-network/2017/jan/16/online-justice-courts-explore-digital-possibilities](http://www.theguardian.com/public-leaders-network/2017/jan/16/online-justice-courts-explore-digital-possibilities) (дата обращения: 10.01.2018).

**Машино-место как объект гражданско-правовых отношений:  
особенности правового регулирования****О. А. Рузакова**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: olalstep@mail.ru

**А. Б. Рузаков**

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса МФПУ «Синергия».  
Адрес: МФПУ «Синергия», 129090, Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1.  
E-mail: ruzakov.ab@rea.ru

**Parking Space as an Object of Civil-Law Relations:  
Peculiarities of Legal Regulation****O. A. Ruzakova**

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: olalstep@mail.ru

**A. B. Ruzakov**

Senior Lecturer of the Chair of Civil Law and the MFIU "Synergy".  
Address: MFIU Synergy, 9/14 Meshchanskaya Str., build. 1,  
Moscow, 129090, Russian Federation.  
E-mail: ruzakov.ab@rea.ru

**Аннотация**

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ в числе объектов недвижимости с 1 января 2017 г. было указано машино-место, а также был определен его правовой режим. В данной статье дается обзор разных правовых позиций относительно правового режима машино-мест как объектов недвижимости, как части нежилого помещения, на которое распространяется право общей долевой собственности, с учетом новелл российского и зарубежного законодательства. В статье также рассматриваются отдельные проблемы, возникшие в правовом регулировании и правоприменительной практике и предпринята попытка предложить пути их решения. Отмечается опыт зарубежного законодательства, который может быть использован в части определения правового режима машино-мест как особых объектов недвижимого имущества, так как не все юрисдикции относят его к таковым и не выделяют его в качестве объекта права. Особое внимание уделено чрезвычайно актуальной проблеме налога на имущество, взимаемого в отношении машино-мест, в связи с изменениями в налогообложении недвижимого имущества, а также определению машино-места в гражданском и налоговом законодательстве.

**Ключевые слова:** объекты гражданских прав, машино-место, правовая природа, многоквартирный дом, общее имущество в многоквартирном доме, недвижимость, нежилое помещение, сооружение, жилищное право, соседи, государственная регистрация права, право общей долевой собственности.

**Abstract**

Federal Law N 315-FZ dated 03.07.2016 "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" included a parking space and the legal regime as of January 1, 2017. This article gives an overview of the various legal positions regarding the legal regime of Parking Space as real estate objects, as part of non-residential premises, which is subject to the right of common share ownership, taking into account the novels of Russian legislation, foreign legislation, legal regulation and law enforcement practices, solutions. The author notes that the experience of foreign legislation can be used to define the legal regime of parking space as a special objects of real estate, because not all jurisdictions refer to it as such and do not distinguish it as an object

of law. Particular attention is paid to the problem of tax on parking spaces in connection with changes in the taxation of real estate, as well as the definition of a car place in civil and tax legislation.

**Keywords:** objects of civil rights, parking space, legal nature, apartment building, common property in an apartment building, real estate, non-residential premises, construction, housing law, co-owners, state registration of law, common share ownership right.

За последние годы проблема определения правовой природы машино-места как объекта гражданских прав приобрела особое звучание. Долгое время в законодательстве отсутствовало понятие машино-места, или парковочного места, как объекта гражданских прав, что порождало различные трактовки в правоприменении. В связи с этим одни определяли машино-место как объект недвижимого имущества, а другие – как имущественное право в рамках режима права общей долевой собственности, которое распространяется на предусмотренный в статье 130 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) объект недвижимого имущества – нежилого помещения, состоящего из совокупности машино-мест.

В науке ранее можно было встретить разные определения и классификации машино-мест. Так, машино-места обоснованно классифицируют как прежде всего наземные. К таковым относятся размещаемые на автостоянках либо на обособленных земельных участках. Это могут быть открытые стоянки, а также стоянки, которые расположены в подэстакадном и ином пространстве, а также над линиями метрополитена и т. п. К другим видам относят такие машино-места, которые размещаются в здании или сооружении и зачастую представляют собой подземные, многоуровневые, смешанные и т. д. стоянки. Они могут быть в виде гаражных комплексов, т. е. специально предназначенных мест для хранения автомобилей, или же представлять собой часть здания [6].

Парковочное место может иметь совершенно любое название, особенно при заключении договоров со строительными организациями: машино-место, парковочное место, гаражное помещение, нежилое помещение, объект вспомогательного назначения [9].

В большинстве случаев споры касались тех машино-мест, которые размещены в многоквартирных домах (МГКД), иногда – в подземных этажах помещений. Так, в случае наличия государственного кадастрового учета (ГКУ), опира-

ясь на данные технических (кадастровых) паспортов, суды Москвы и некоторых других регионов признавали машино-места недвижимым имуществом<sup>1</sup> и др.). Машино-место было признано объектом недвижимого имущества и актами Верховного суда РФ<sup>2</sup>).

В других судебных актах машино-место рассматривалось в качестве объекта гражданско-правовых договоров (аренды недвижимости, ипотеки), и в его отношении применялась такая мера защиты, как арест<sup>3</sup>.

Не мало примеров и противоположного подхода, когда суды признавали машино-место не самостоятельным объектом, а лишь основанием, порождающим режим общей долевой собственности в отношении помещения, в котором расположены машино-места. При этом участники общей долевой собственности должны достигнуть соглашения по поводу определения порядка пользования этим имуществом, а при отсутствии соглашения порядок пользования должен быть установлен решением суда<sup>4</sup>. В пункте 38 Обзора

<sup>1</sup> См.: Постановление ФАС Московского округа от 30 июня 2008 г. № КГ-А40/4518-08-1,2 по делу № А40-49509/07-63-401, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 ноября 2009 г. № 09АП-21382/2009-ГК, Апелляционное определение Московского городского суда от 26 февраля 2016 г. по делу № 33-3587/2016, Апелляционное определение Московского городского суда от 28 января 2013 г. по делу № 11-3130, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 сентября 2014 г. № Ф05-8719/2014 по делу № А41-65159/13.

<sup>2</sup> См.: Определения актами Верховного суда РФ от 27 мая 2015 г. № 305-КГ15-4559 по делу № А40-22224/14, от 13 октября 2015 г. № 5-КГ15-147.

<sup>3</sup> См.: Определение Верховного суда РФ от 26 февраля 2016 г. № 305-ЭС16-926 по делу № А40-141733/14, Постановление ФАС Московского округа от 12 февраля 2014 г. № Ф05-17779/2013 по делу № А40-4248/13-37-17 и др.

<sup>4</sup> См.: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 29 января 2008 г. № А33-10690/2007-03АП-93/2008 по делу № А33-10690/2007, Постановление Высшего арбитражного суда РФ по делу № А40-29754/2012 от 24 сентября 2013 г., Постановление ФАС Московского округа от 20 сентября 2004 г. № КА-А41/8159-04, Постановление ФАС Московского округа от 17 июня 2010 г. № КГ-А41/4490-10 по делу № А41-21793/09.

практики от 4 декабря 2013 г.<sup>1</sup> Президиум Верховного суда РФ определил правовой режим подземной автостоянки в качестве такого технического помещения, которое может быть отнесено к имуществу МГКД, квалифицируемому как общедомовое. Кроме того, Президиумом было отмечено, что рассматриваемый договор инвестирования строительства применительно к особенностям передачи в собственность нежилых помещений следует квалифицировать как ничтожный. Такой подход как раз и был оправдан тем, что помещения автостоянки следует относить в соответствии с действующим законодательством к такому имуществу, которое определяется в качестве общедомового<sup>2</sup>.

Министерство экономического развития Российской Федерации в письме от 26 мая 2015 г. № ОГ-Д23-7475 «О рассмотрении обращения» придерживалось иной позиции и указывало на тот факт, что если машино-место не отвечает таким требованиям, которые установлены федеральными законами применительно к помещениям, а также могут не включать в себя таких характеристик, благодаря которым можно было отнести такой объект к недвижимости, то при наличии таких условий после постановки на ГКУ соответствующих объектов, в которых находится машино-место, государственная регистрация (ГР) общей долевой собственности может быть произведена в отношении названных зданий или помещений при определении долей пропорционально размерам машино-мест, находящихся в указанных зданиях или помещениях<sup>3</sup>.

В законодательных актах субъектов Российской Федерации машино-места, места для парковок также зачастую рассматривались как объекты недвижимости. Постановлением Правительства Москвы от 17 марта 2009 г.

№ 206-ПП<sup>4</sup> машино-место было признано определенной частью участка, который соответственно предназначен для расположения одного автомобиля, относящегося к категории легковых, без прицепа. При этом следует учитывать, что гражданское законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации, что определено статьей 3 ГК РФ.

Больше всего проблем возникало при ГР прав на машино-места как объекты недвижимого имущества. Для ГР необходимо наличие объекта недвижимого имущества с индивидуализирующими признаками [7]; связи с землей; определенного права на этот объект (либо права индивидуальной собственности, либо права общей долевой собственности на помещение, в состав которого входят машино-места). Как правило, ГР происходила на основании решений суда, которые признавали машино-места таковыми.

В науке и законопроектной работе<sup>5</sup> предлагалось определить машино-места как отдельный объект недвижимого имущества с учетом зарубежного опыта. Так, проектом Федерального закона № 1043216-6 «О праве собственности на гаражи и гаражных объединениях», внесенном депутатом Государственной думы П. В. Крашенинниковым<sup>6</sup>, машино-место определялось как место хранения транспортного средства – индивидуально-определенная площадка, конструктивно расположенная в помещении, здании (в пределах эксплуатируемой кровли здания) либо на земельном участке.

В целом предлагалось несколько вариантов решения проблемы определения гражданско-правовой природы и режима машино-

<sup>1</sup> Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденный Президиумом Верховного суда РФ 4 декабря 2013 г.

<sup>2</sup> См.: Бюллетень Верховного суда РФ. – 2014. – № 3.

<sup>3</sup> См.: Письмо Минэкономразвития России от 26 мая 2015 г. № ОГ-Д23-7475 «О рассмотрении обращения» // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. – 2015. – № 9. – Сентябрь (ч. II).

<sup>4</sup> См.: Постановление Правительства Москвы от 17 марта 2009 г. № 206-ПП «О проведении эксперимента по эксплуатации электромобилей и въезду транспортных средств на особо охраняемую природную территорию регионального значения «Памятник природы "Серебряный Бор" и ее охранную зону» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2009. – № 19.

<sup>5</sup> См.: Проект Федерального закона № 558636-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о признании машино-места объектом недвижимого имущества); проект Федерального закона № 796066-6 «О парковании и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

<sup>6</sup> См.: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=144653#06757828455957491>

мест: 1) определение машино-места как объекта недвижимого имущества путем внесения изменений в законодательство, прежде всего в законодательство о недвижимости, в том числе о ГР; 2) установление специального режима общей долевой собственности упомянутых собственников машино-мест. Данный режим распространяется на соответствующий объект, например, помещение, в котором находятся машино-места; 3) если машино-место расположено в подземных помещениях домов, то предлагается относить машино-места вместе с помещением к общему имуществу собственников помещений [8]. Некоторые авторы обосновывают отсутствие острой необходимости отнесения жилых и нежилых помещений, а соответственно, и машино-мест к недвижимым вещам, «однако устранение с 1 января 2017 г. правовой неопределенности в части правового положения нежилых помещений положительно скажется на гражданском обороте в целом» [4]. Некоторые более жестко настаивали на том, что нельзя не изолированные от других помещений объекты учитывать в качестве самостоятельных объектов в государственном кадастре недвижимости. Некая разметка соответствующих парковочных мест не является изолированностью, а лишь закрепляет некоторые границы места для автомобиля [1].

Другие предлагали для формирования правовой определенности из оборота обозначения недвижимых вещей исключить термин «парковочное место», а также признавали, что имплементация налоговым законодательством термина «машино-место» повлечет необходимость кадастровой оценки; к тому же постановка на ГКУ будет способствовать вводу в оборот машино-места в качестве соответствующего объекта недвижимости [3]. Практики в большинстве своем рассматривали закрепление в законодательстве машино-места как самостоятельного объекта гражданско-правового оборота безусловным положительным моментом для бизнеса с учетом упрощения оформления сделок с машино-местами. Предложение машино-мест в качестве самостоятельной в правовом режиме вещи будет способствовать усилению доверия покупателей, а также пониманию процедуры раздела машино-мест между соинвесторами [5].

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ<sup>1</sup> перечень объектов недвижимого имущества, представленный в статье 130 ГК РФ, дополнен жилыми и нежилыми помещениями. Кроме того, в этом перечне появились машино-места. Квалифицирующим признаком отнесения объектов к таковым стало условие о описании границы таких помещений в порядке, установленном законодательством о ГКУ.

Статья 1 Градостроительного кодекса РФ<sup>2</sup> с 1 января 2017 г. дополнена определением машино-места. В числе квалифицирующих признаков:

- предназначение – только для размещения транспортного средства;
- объект – индивидуально-определенная часть здания или сооружения;
- эта часть не ограничена либо частично ограничена строительной или иной ограждающей конструкцией;
- границы конструкции описаны в порядке, установленном законодательством о ГКУ.

Однако помимо связи с землей машино-место как объект недвижимости должно обладать признаком, предусмотренным пунктом 3 статьи 1 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ<sup>3</sup>. Такой объект, как машино-место, должен иметь соответствующие характеристики, которые могли бы позволить отнести названное имущество к индивидуально определенной вещи.

В том случае, когда машино-место может быть расположено на автостоянке либо может быть расположено также и внутри нежилого помещения дома, но при этом обозначается лишь какой-либо разметкой на асфальте или на полу, а также не сопровождается ограничением строительными конструкциями, тогда оправдана позиция отнесения машино-места к иным объектам гражданских прав. Такой объект не может рассматриваться в

<sup>1</sup> См.: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 29 (часть I). – Ст. 4344.

<sup>2</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 16.

<sup>3</sup> См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4017.

качестве недвижимости, поскольку не обладает уникальными характеристиками и, соответственно, не может быть выделен среди других объектов недвижимого имущества. Согласно пункту 5.2.6 Свода правил № 154.13130.2013<sup>1</sup>, в подземных автостоянках не разрешено разделение машино-мест какими-либо перегородками на отдельные боксы. В то же время в соответствующих помещениях для хранения легковых автомобилей для выделения мест, закрепляемых за владельцами автомобилей, допускается применение лишь сетчатого ограждения, состоящего из негорючих материалов<sup>2</sup>. В связи с этим такое право на машино-место может быть определено как право общей долевой собственности, в том числе как объект общего имущества в МККД. Согласно подпункту «а» пункта 2 Правил содержания общего имущества в МККД, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, встроенные гаражи для автотранспорта, построенные за счет средств собственников, относятся к помещениям общего пользования и входят в состав общего имущества МККД. Однако к общему имуществу в МККД нельзя отнести встроенные гаражи и площадки для автотранспорта, построенные не за счет средств собственников всех помещений, а за счет собственников отдельных помещений в МККД [8].

Квалифицирующие признаки, необходимые для ГКУ и ГР права на машино-места, были закреплены в статье 24 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ<sup>3</sup>: местоположение машино-места было предложено определить путем графического отображения

на плане этажа в виде геометрической фигуры, соответствующей границам машино-места.

Определение границ машино-мест имеет важное значение. Для этого необходима проектная документация с целью обозначения или закрепления за лицом, осуществляющим строительство или эксплуатацию объекта, либо соответственно владельцем права на машино-место. Такое закрепление возможно путем нанесения на поверхность разметки. Границы машино-места на этаже (при отсутствии этажности – в здании или сооружении) также имеют определенные особенности установления. Так, необходимым является определение расстояния от не менее двух точек, находящихся в прямой видимости и закрепленных долговременными специальными метками на внутренней поверхности строительных конструкций этажа, до характерных точек границ машино-места, а также расстояний между характерными точками границ машино-места. Определенные требования предъявляются и к площади машино-мест. Площадь должна соответствовать минимально и (или) максимально допустимым размерам, установленным органом нормативно-правового регулирования. Размеры площади определены в Приказе Минэкономразвития России от 7 декабря 2016 г. № 792<sup>4</sup> и составляют от 5,3 x 2,5 м до 6,2 x 3,6 м (от 13,25 до 22,32 квадратных метров).

Кроме того, по желанию правообладателя могут быть дополнительно определены координаты специальных меток для целей индивидуализации машино-места, а характерные точки границ дополнительно закрепляются специальными метками.

Важным является то, что все объекты, получившие ранее отражение в Едином реестре прав на недвижимость и имеющие характеристики машино-места, данные во вступившем в силу с 1 января 2017 г. законодательстве, признаются таковыми без внесения каких-либо изменений в реестр ГКУ.

В то же время собственники таких машино-мест вправе подать заявление в регистрирующий орган для изменения сведений об их

<sup>1</sup> См.: Свод правил № 154.13130.2013 «Встроенные подземные автостоянки. Требования пожарной безопасности», утвержденный Приказом Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 21 февраля 2013 г. № 117.

<sup>2</sup> См.: Приказ МЧС России от 21 февраля 2013 г. № 117 «Об утверждении свода правил "Встроенные подземные автостоянки. Требования пожарной безопасности"» // Нормирование, стандартизация и сертификация в строительстве. – 2013. – № 3.

<sup>3</sup> См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4344.

<sup>4</sup> См.: Приказ Минэкономразвития России от 7 декабря 2016 г. № 792 «Об установлении минимально и максимально допустимых размеров машино-места». – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.12.2016).

объектах, которые указаны в качестве помещений как машино-места.

Правообладатель машино-места вправе подать в орган Росреестра заявление. В заявлении он отражает требование об учете изменений сведений ЕГРН применительно к приведению объекта в соответствие с требованиями законодательства. При этом, если до 1 января 2017 г. в ЕГРН были зарегистрированы доли в праве общей собственности на объекты, где были размещены транспортные средства, то участники общей долевой собственности обладают правом осуществить выдел принадлежащей им доли. Такой выдел осуществляется путем определения границ машино-места. Кроме того, владельцы вправе зарегистрировать право собственности на машино-место. При этом согласие иных участников долевой собственности не требуется, если участник общей долевой собственности представит в орган, осуществляющий ГРН, соглашение всех собственников или решение общего собрания.

Индивидуализации машино-места в качестве объекта имеет значение как для гражданского, так и для налогового права, хотя, в соответствии со статьей 2 ГК РФ, нормы гражданского законодательства не могут быть применены к налоговым правоотношениям. При этом иное может быть определено законодательством.

Однако в Налоговом кодексе РФ (НК РФ) еще до введения в ГК РФ определения машино-места данный объект рассматривался в качестве самостоятельного объекта налогообложения. В части 1 статьи 401 НК РФ в качестве таких объектов указывались наряду с жилым домом, другими объектами жилого и нежилого характера гараж и машино-место<sup>1</sup>.

Несмотря на изменения в законодательстве, а также разъяснения, данные Письмом ФНС России от 7 декабря 2016 г. № БС-4-21/23301@ «О налогообложении машино-мест», Информацией ФНС России от 8 декабря 2016 г. «О налогообложении принадлежащих физическим лицам машино-мест», многие собственники страдают от расчета налога, исходя из всей площади жилых

помещений, в состав которых входят машино-места, причем даже в тех случаях, когда эти объекты были признаны самостоятельными объектами недвижимости еще до вступления в силу изменений, внесенных Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ. Обращения через личные кабинеты налогоплательщика не дают быстрого эффекта, даже в тех случаях, когда информация Росреестра соответствует действующему законодательству, а, учитывая значительное повышение налога, в том числе на нежилые помещения, иногда они просто губительны, особенно для тех налогоплательщиков, которые планируют выезжать за пределы Российской Федерации, имея таким образом ничем не обусловленную налоговую задолженность.

Зарубежное законодательство также знает примеры индивидуализации парковочных мест и признания их объектами недвижимости. Как отмечалось в заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по ПФЗ № 558636-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «наделение парковочных мест свойствами объекта недвижимости происходит при условии наличия у них долговременной маркировки, под которой понимаются бетонные ограждения небольшой высоты, демаркационные столбики и прочие видимые устройства (§ 2 Закона о жилищной собственности Австрии, § 3 Закона о жилищной собственности Германии)» [11]. Однако при этом в заключении отмечается, что разметка краской не может быть признана надлежащим средством для обособления вследствие постоянной необходимости ее обновления [10]. В случае если парковочное место не обособлено в гражданском обороте, оно может стать объектом лишь права отдельного пользования, на основании которого уполномоченный собственник получает право единоличного пользования частью общей собственности [2].

Опыт зарубежного законодательства может быть использован в части определения правового режима машино-мест как особых объектов недвижимого имущества, к тому же далеко не все юрисдикции относят его к такому и вообще выделяют его в качестве объекта права.

<sup>1</sup> См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. II) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

Ю. В. Старцева находит в зарубежном законодательстве и доводы к определению машино-мест как объектов общей долевой собственности с определением порядка пользования ими. Приводя пример немецкого законодательства, автор обращает внимание на то, что как таковое право единоличного пользования объектом, который представляет собой часть общей собственности, приобретает на основании соглашения с участием определенного собственника. При этом обязательственный характер такого рода согла-

шения дает право собственнику пользоваться вплоть до перехода права собственности на квартиру к другому лицу. Такое лицо рассматривается как управомоченный пользователь парковочного места. В случае регистрации соглашения в поземельной книге ему придается вещный характер, и при этом право самостоятельного пользования парковочным местом становится элементом содержания права жилищной собственности и реализуется, в том числе, против последующих приобретателей [2; 10].

### Список литературы

1. *Иванова Ж. Б., Закарьяев Ш. З.* К вопросу о признании парковочных мест объектом недвижимости // Правовые вопросы недвижимости. – 2016. – № 2. – С. 3–5.
2. *Киракосян С. А.* Правовой режим парковочного места: опыт российского регулирования, судебная практика и перспективы развития // Правовые вопросы недвижимости. – 2016. – № 2. – С. 5–8.
3. *Майборода В. А.* Парковочное место в гражданском обороте в качестве объекта недвижимости // Правовые вопросы недвижимости. – 2016. – № 2. – С. 17–20.
4. *Перфильева В.* Споры вокруг статуса места под парковку // Жилищное право. – 2016. – № 11. – С. 53–56.
5. *Полтораки А.* Как у нас с машино-местами? // Жилищное право. – 2016. – № 12. – С. 83–92.
6. *Потяркин Д. Е.* Машино-место – особый вид имущества // Право и экономика. – 2007. – № 1. – С. 20–23.
7. *Рузакова О. А.* Проблемы государственной регистрации в гражданском праве // Законодательство. – 2002. – № 2. – С. 23–28.
8. *Рузакова О. А., Рузаков А. Б.* Проблемы определения правовой природы машино-места в гражданском и жилищном праве // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 4. – С. 38–42.
9. *Синцов Г. В.* Правовая оценка возможности признания парковочных мест недвижимым объектом // Правовые вопросы недвижимости. – 2016. – № 1. – С. 14–16.
10. *Старцева Ю. В.* Правовой статус машино-мест в Германии и Австрии. – URL: [http://www.m-logos.ru/img/U\\_Starceva\\_mashinomesto\\_Germ\\_Avstr\\_KS\\_21092015.pdf](http://www.m-logos.ru/img/U_Starceva_mashinomesto_Germ_Avstr_KS_21092015.pdf)
11. Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 558636-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (одобрено Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 17 октября 2014 г. № 134/оп-2/2014).

### **Ошибка, заблуждение и обман как условия недействительности сделки**

**С. Д. Людвиг**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: ludwig08@rambler.ru

### **Error, Delusion and Deception as a Condition of Invalidity of a Transaction**

**S. D. Ludwig**

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor  
of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: ludwig08@rambler.ru

#### **Аннотация**

Статья посвящена проблеме соотношения заблуждения, ошибки и обмана как условий недействительности сделок. Приводится обзор теоретических подходов к определению отличий между заблуждением, ошибкой и обманом. Определены характерные черты существенности заблуждения как условия для признания сделки недействительной. Проводится анализ последних изменений гражданского законодательства в части возможности оспаривать сделки, совершенные под влиянием существенного заблуждения. Заблуждения, которые признавались существенными в прежней редакции ГК РФ, в настоящее время дополнены такими заблуждениями, как заблуждение в лице и заблуждение в решающем обстоятельстве, которое упомянуто стороной при совершении волеизъявления или является очевидным для другой стороны. Безусловной новеллой явилось признание существенности оговорок, опечаток и иных случаев неверной передачи информации. В заключение отмечается, что обман может рассматриваться как осознанное деяние, приводящее к заблуждению или ошибке, однако, для того чтобы сделка была признана недействительной, необходимо, чтобы заблуждение или ошибка были существенными.

**Ключевые слова:** воля, волеизъявление, заблуждение, ошибка, обман, основание недействительности, сделка, замалчивание.

#### **Abstract**

The article is devoted to the problem of the correlation of delusion, error and deception concepts as conditions for the ineffectiveness of transactions. The author gives a review of theoretical approaches to distinguishing between delusion, error and deception. The analysis of the latest changes in civil legislation regarding the possibility of disputing transactions is made, under the influence of a significant delusion. Delusions that were recognized as significant in the old version of the Civil Code of the Russian Federation are now supplemented by such delusions as delusion in the person and delusion in the decisive circumstance that is mentioned by the party in the process of making a will or obvious to the other party. An unconditional novel was the recognition of the materiality of reservations, misprints, typos and other cases of incorrect transmission of information. In conclusion, it is noted that deception can be regarded as a conscious act leading to delusion or error, however, in order for the transaction to be invalidated, it is necessary that the delusion or error will be significant.

**Keywords:** will, error, deception, invalidity, transaction, concealment.

---

Проблема соотношения понятий ошибки, заблуждения и обмана как условий недействительности сделок имеет теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет определить правовые последствия недействительности сделки в том или ином случае.

Итак, целью этой статьи является определение общих черт и различий между ошибкой, заблуждением и обманом как основаниями недействительности сделок.

В повседневной жизни многие нередко, пытаясь оправдать свои действия, ссылаются

на ошибки, которые были ими допущены либо случайно, либо в результате заблуждения. Наиболее вероятной реакцией на такие действия со стороны заинтересованных лиц является отказ признавать ошибку и заблуждение в качестве основания для оспаривания сделки и признания сделки недействительной, потому что неблагоприятные последствия такой сделки – это проблема самого ошибающегося.

Такое отношение к ошибке вполне объяснимо. Поэтому противоречащей здравому смыслу может показаться сама возможность предоставления защиты тому, кто ошибается при совершении сделки, так как ошибка является результатом внутренних мыслительных процессов лица, допустившего ошибку. В связи с этим достаточно трудно бывает установить причину ошибочных действий.

Однако следует отметить, что в юриспруденции ошибка достаточно часто признается юридическим фактом, имеющим значение для возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений. В качестве примера можно привести, заблуждение, связанное с наличием определенного права у лица, которое продает вещь. В гражданском праве необходимо учитывать такие ошибки, поскольку в этих случаях ошибка ставит под сомнение добросовестность при приобретении вещи. Ошибка в данном случае может определять добросовестность для *bonae fidei possessio* [16. – S. 119] или (в российском гражданском праве) для приобретательной давности (статья 234 ГК). Таким образом, заблуждение о наличии долга имеет важное значение, поскольку предоставляет такому «должнику» право на кондикционный иск, а в случае если заблуждение отсутствует, право на удовлетворение такого иска отсутствует (пункт 4 статьи 1109 ГК) [4].

На сходство обмана и ошибки указывали еще известные немецкие ученые К. Цвайгерт и Х. Кетц [12], отмечая, что ошибка и обман (или намеренное введение в заблуждение) содержат определенное сходство: жертва обмана тоже совершает сделку, находясь под влиянием заблуждения. Однако в случае обмана ошибка происходит в связи с осознанными действиями контрагента по сделке или другого лица, которое может и не участвовать в сделке. В связи с этим обман следует рас-

сматривать как особую форму «спровоцированной» ошибки. Например, в английском праве к этой категории относят ошибку, которая совершена под влиянием заявлений, вводящих в заблуждение (*misrepresentation*) перед заключением договора в целях побуждения к заключению договора.

Принято различать преднамеренные заявления, вводящие в заблуждение (*fraudulent misrepresentation*), и непреднамеренные, или неосторожные, заявления, которые вводят в заблуждение (*innocent* или *negligent misrepresentation*). Преднамеренное заявление, приводящее к заблуждению, в Англии называют ложным или мошенническим (*fraudulent misrepresentation*), во Франции и других странах, которые относятся к романским системам права, это называется обман (*dol* или *dolo*), в Германии и Швейцарии это называется преднамеренным или злонамеренным обманом (*arglistiger*), в Австрии – хитростью (*List*), в Голландии – обманом (*bedrog*).

В связи с этим интерес представляет статья 1821 Гражданского кодекса штата Луизиана, в которой говорится об ошибке в факте, «которая исходит либо из незнания того, что действительно существует, либо из ошибочной веры в существование того, что не имеет места» (...which proceeds either from ignorance of that which really exists, or from a mistaken belief in the existence of that which has none).

Равнозначными заблуждение (неведение) и ошибку признавали российские цивилисты Д. И. Мейер [7. – С. 162–163] и Е. В. Васильевский, последний из которых считал, что «с юридической точки зрения незнание и ошибка ничем не различаются между собой» [1. – С. 117]; И. Б. Новицкий, отмечавший, что «в один ряд с неверными представлениями надо поставить и неведение о каких-то обстоятельствах» [8. – С. 102; 11. – С. 174]. Подобной точки зрения придерживался и Д. М. Генкин, который указывал: «Заблуждение заключается в отсутствии представления или в неправильном представлении о сделке или о ее элементах» [10. – С. 229]<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Аналогичную точку зрения высказывали и авторы учебника 1979 г., основанного уже на ГК 1964 г. (Советское гражданское право. – Т. I / отв. ред. В. П. Грибанов, С. М. Корнеев. – М., 1979. – С. 240).

Достаточно интересным является вопрос о разграничении понятий «ошибка» и «заблуждение», при этом следует отметить, что в литературе обычно оба термина употребляются как тождественные [8. – С. 102–103; 13. – С. 39, 40], в виде разных версий перевода на русский язык латинского слова «error», но отдельные авторы высказывали иные мнения на этот счет.

Так, при толковании положений статьи 178 ГК РФ суд указал, что заблуждение «может выражаться как в неправильном представлении о названных в указанной статье обстоятельствах ..., так и в их незнании»<sup>1</sup>.

Д. И. Мейер считал, что заблуждение – это родовое понятие по отношению к неведению и ошибке. В юридическом смысле, по мнению Д. И. Мейера, заблуждение «обнимает собой два вида: или отсутствие познания о предмете определяет волю, или ее определяет ложное представление о предмете; в первом случае заблуждение называется неведением (ignorantia), во втором – ошибкой (error)» [7. – С. 162].

Н. Г. Растеряев давал более краткую характеристику заблуждению: «...заблуждение обнимает собою случай отсутствия воли вследствие незнания предмета или ложного представления о предмете, другими словами, неведение (ignorantia) и ошибку (error)» [9. – С. 121]. Подобным же образом высказывался и О. В. Гутников: «В теории различают такие формы заблуждения, как неведение (ignorantia) и ошибка (error)» [3. – С. 305].

С точки зрения юриспруденции понятие «заблуждение» («ошибка») используется в основном в тех случаях, когда у лица случайно и без чьего-либо специального воздействия формируется неправильное представление или оно находится в неведении касательно каких-либо обстоятельств. Однако следует отметить, что в Германии понятия «ошибка» (Irrtum) и «заблуждение» (Irrung) разграничены между собой достаточно четко и используются для обозначения правовых категорий, которые не совпадают.

Не вполне понятна причина, по которой процитированные авторы устанавливают логическую подчиненность рассматриваемых

терминов и придают термину «заблуждение» значение родового понятия. Подобным же образом можно утверждать, что, напротив, ошибка является родовым понятием, включающим заблуждение и неведение. С учетом вышесказанного термины «заблуждение» и «ошибка» (error) следует употреблять как тождественные, определяя их как форму внешнего проявления неведения (ignorantia).

В качестве примера можно привести часть первую статьи 431 ГК РФ, в соответствии с которой: «...при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений» [2]. Изначально может показаться, что предпочтение отдается внешнему элементу сделки, однако в части второй данной статьи в тех случаях, когда после буквального толкования невозможно уяснить истинное содержание договора, действительная общая воля сторон определяется с учетом цели заключения данного договора. Поэтому, исходя из вышесказанного, нельзя делать вывод о приоритете внешнего или внутреннего элемента сделки.

В связи с этим вопрос о приоритете внутреннего или внешнего элементов сделки имеет особое значение в учении о заблуждении. Е. Саббат имеет в виду такую взаимосвязь, отмечая, что для рассмотрения вопроса об ошибке особое значение имеет порядок действия установлений законодательства, «поскольку позиция, которую занимает правовая система в отношении этих вопросов, раскрывает ее концепцию природы договорной сделки» [15. – Р. 798]. В том случае, когда в законодательстве уделяется значительное внимание вопросам ошибки и предоставляется возможность для оспаривания сделки, которая совершена под влиянием заблуждения, можно утверждать, что законодательно предпочтение отдается воле субъекта, в отличие от случая, когда, напротив, отдается предпочтение внешнему элементу сделки – волеизъявлению, и что случаи, когда ошибке придается юридическое значение, встречаются намного реже.

В российской цивилистике имеется несколько различных взглядов на проблему существенности заблуждения, которое способно повлечь за собой признание сделки

<sup>1</sup> См.: Постановление ФАС ВСО от 29 июля 2010 г. по делу № А19-5100/09.

недействительной, на единство воли и волеизъявления.

Исходя из принципа соответствия волеизъявления внутренней воле, одни авторы считают, что заблуждение приобретает существенное значение только при условии несоответствия между двумя названными элементами [10. – С. 74]. Таким образом, существенное заблуждение, которое признается таковым законом и может служить основанием для признания сделки недействительной, противопоставлено заблуждению, которое не приводит к несоответствию воли и волеизъявления, и потому не является существенным, хотя в некоторых случаях и этому заблуждению может придаваться существенное значение.

Другие авторы придерживаются прямо противоположной позиции [6. – С. 218], например, В. А. Ойгензихт считал, что: «...заблуждение считают несогласием между выражением воли и действительной волей или пороком выражения воли», подчеркивая, что именно «...не несогласованность, не порок выражения воли, а порок самой воли, ее формирования, намерения субъектов»<sup>1</sup>.

Базой для данного подхода является предположение, что сама воля является психическим процессом, т. е. «психическое регулирование как таковое и многие его элементы (выбор решения и т. п.) никак нельзя считать соответствующими волеизъявлению». Таким образом, по мнению В. А. Ойгензихт, «...следует говорить о соответствии или несоответствии волеизъявления волевому намерению...». В связи с этим «принципа несоответствия волеизъявления воле фактически нет; есть принцип соответствия решения намерению»<sup>2</sup>. Таким образом, в юридическом учении о сделке появляется категория «намерение».

Наиболее обоснованной является позиция, которая определяет нормальное соотношение воли и волеизъявления. Ненамеренное несоответствие между волей и волеизъявлением следует рассматривать как при-

чину существенного заблуждения. Разделяя указанную позицию, суды при применении норм о заблуждении иногда специально указывают, что «внешнее выражение воли в таких случаях не соответствует ее подлинному содержанию»<sup>3</sup>.

Также достаточно противоречий содержится в утверждении, что заблуждение представляет собой лишь неверное формирование воли. В качестве примера можно привести случаи описки, которая в доктрине традиционно рассматривается как разновидность существенной ошибки, именуемой как «ошибка в изъятии», так как в данном случае имеется несоответствие воли и волеизъявления.

Противоречие также возникает при рассмотрении заблуждения исключительно как порока формирования воли и при разграничении между ошибкой в сделке и ошибкой в мотиве сделки, в связи с чем ставится под сомнение утверждение о том, что заблуждение – это всегда порок воли.

Пороком воли, исходя из вышеизложенного, может считаться только такая ошибка, которая приводит к формированию внутренней воли лица, т. е. заблуждение, не влияющее на действительность сделки. Ошибки, вызывающие несовпадение действительной воли и волеизъявления, следует считать «пороком волеизъявления», так как сама внутренняя воля в данном случае сформирована правильно, без отрицательного воздействия внешних факторов, но вследствие ошибки воля получила неверное внешнее выражение.

Следует отметить, что в литературе как правило, используется общее родовое понятие «порок воли». Так, например, О. С. Иоффе отмечал, что «если внутренняя воля, направленная на совершение сделки, формируется ненормально или если волеизъявление не соответствует внутренней воле, говорят, что сделка страдает пороками воли» [6. – С. 216]. Следовательно, в широком смысле пороком воли может именоваться как заблуждение в виде несоответствия воли и волеизъ-

<sup>1</sup> Подробнее об этом см., например, Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление. Очерки теории, философии и психологии права / отв. ред. С. А. Раджабов. Душанбе : До-ниш, 1983.

<sup>2</sup> Там же. – С. 209.

<sup>3</sup> См.: Постановление ФАС ВВО от 2 февраля 2009 г. по делу № А82-3158/2007-1; Постановление ФАС ВВО от 11 сентября 2009 г. по делу № А28-11543/2008-165/2; Постановление ФАС СКО от 2 июня 2010 г. по делу № А32-51496/2009; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14 июля 2010 г. по делу № А33-20113/2009.

явления, так и заблуждение, которое приводит к неверному формированию внутренней воли.

Разрешение споров, связанных с признанием сделок недействительными, совершенное под влиянием ошибки в части характера действия, приводящее к порочности воли, сталкивается с теми же проблемами, что и в тех случаях, когда сделки совершаются под воздействием обмана, но с некоторыми особенностями. Ошибка может быть вызвана ложью, замалчиванием, сокрытием информации и другими обстоятельствами.

Сделок, которые совершаются под влиянием заблуждения, на практике значительно больше, чем судебных споров, возбуждаемых по данным основаниям. Данное обстоятельство объясняется в первую очередь недостаточной определенностью формулировок норм гражданского законодательства, затрудняющей доказывание факта заблуждения.

Однако не любое заблуждение и не всякая ошибка являются основанием для признания сделки недействительной. Статьей 178 ГК РФ определяется, какие именно ошибки могут быть основанием для признания сделки недействительной, однако следует отметить, что данный перечень является открытым, в связи с чем установлено, что оспаривание возможно лишь при доказанности того, что, если бы истец знал действительное положение дел, он бы не совершил оспариваемую сделку.

К обстоятельствам, указывающим на существенность заблуждения, следует отнести следующие обстоятельства, перечисленные в статье 178 ГК РФ.

Сторона допустила очевидные опечатки, оговорку, опечатку и т. п. Действительность сделок, при совершении которых допущены неосознанные неточности передачи воли субъекта адресату, связана с разграничением ошибки в порядке волеизъявления и ошибки в содержании волеизъявления.

В связи с этим интересен пример, приведенный в пункте 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» [5]. Общество, признанное победителем торгов на право заключения муниципального контракта, пыталось оспорить данный контракт,

ссылаясь на техническую ошибку при указании цены: в своей заявке общество в качестве цены контракта указало 2,3 рубля, в то время как в извещении о проведении торгов начальная (максимальная) цена контракта была обозначена как 2,7 млн рублей.

В том случае, если из-за опечатки сторона в значительной степени лишена того, чего она ожидала при совершении сделки и на что была направлена ее настоящая воля, эта опечатка станет основой для оспаривания сделки независимо от того, какого конкретного элемента сделки она касается, если истец докажет, что при совершении сделки им была допущена техническая ошибка.

Наряду с требованием о признании сделки недействительной в данной ситуации следует также рассматривать требование о возмещении ответчику реального ущерба, который был ему причинен. В связи с оспариванием сделки лицом, совершившим ошибку, данное требование должно быть удовлетворено, за исключением случаев, когда заблуждавшаяся сторона докажет, что другая сторона сделки знала или должна была знать о наличии заблуждения.

При определении существенности данного заблуждения следует использовать критерий каузальности, который предполагает оценку потенциально существенного заблуждения, с целью определения степени того, насколько заблуждение способно повлиять на интерес стороны к сделке.

Следует отметить, что в настоящее время случаи ошибки в виде описки и оговорки зачастую ставятся в один ряд с ситуациями, в которых ошибка совершающего волеизъявление лица отсутствует вовсе, как, например, в случае неверной передачи волеизъявления через средства связи. Например, статья 4:104 Принципов европейского договорного права (PECL) гласит: «Погрешность в выражении или передаче заявления рассматривается как ошибка лица, которое составляло или направляло заявление»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Art. 3.6 UNIDROIT Principles 2004: "An error occurring in the expression or transmission of a declaration is considered to be a mistake of the person from whom the declaration emanated". Аналогичное по сути правило лишь с небольшими расхождениями в формулировке см. в ст. II.-7:202 Проекта модельных положений европейского частного права.

В статье 178 ГК РФ перечислены основания для оспаривания сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения, т. е. установлены следующие разновидности заблуждений, которые признаются российским гражданским законодательством в качестве существенных.

Существенным, согласно статье 178 ГК РФ, является заблуждение, касающееся предмета сделки. В данной ситуации возникает вопрос о конкуренции исков, о признании сделки недействительной как совершенной под влиянием заблуждения в существенных качествах предмета сделки, в соответствии со статьей 178 ГК РФ, и о применении последствий передачи товара ненадлежащего качества, в соответствии со статьей 475 ГК РФ. Участник сделки заблуждается относительно природы сделки, при этом не будет считаться заблуждением в природе сделки, если лицо, участвующее в сделке, не предвидит всех возможных последствий данной сделки, однако в целом осознает ее смысл. Данное положение подтверждается многочисленной судебной практикой<sup>1</sup>.

Также существенным будет заблуждение относительно лица, с которым заблуждающийся заключает договор, или лица, которое связано со сделкой. При оценке различных законодательных решений, касающихся заблуждения в отношении лица, имеющего отношение к сделке, следует заметить, что они могут существенно различаться. Например, в одной ситуации речь идет только о заблуждении в существенных качествах контрагента. Так, например, решается данный вопрос в части 2 § 119 ГГУ; в других же существенное

значение придается и тождеству лица<sup>2</sup>. Таким образом, ошибка в лице может относиться к тождеству самого контрагента, а может касаться тех или иных существенных свойств последнего. При разграничении существенных и несущественных случаев заблуждения в тождестве контрагента следует также применять критерий каузальности.

Еще одним существенным заблуждением считается заблуждение относительно обстоятельств, которые заблуждающаяся сторона упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которых она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку. Здесь речь идет о придании существенного значения ошибочной предпосылке, приведшей заблуждающуюся сторону к совершению сделки; об обстоятельстве, выступающем своего рода условием заключения сделки, но по каким-то причинам к ее содержанию не относящемся.

Исходные начала такого подхода следует искать в естественно-правовых воззрениях Гроция, который считал: «Аналогичным образом мы должны будем сказать, что обещание по естественному праву не производит никакого эффекта, коль скоро оно основывается на предположении состояния, которое оказывается не соответствующим действительности; если обещающий согласился дать обещание лишь при определенном условии, которое в действительности не имело места. Опираясь на этот принцип, следует также объяснять и тот спорный вопрос у Цицерона, *De oratore* 1, о действительности завещания, которым завещатель назначил наследником другое лицо, исходя из ошибочной предпосылки, будто его собственный сын умер» [14. – S. 92]. Таким образом побудительные мотивы к волеизъявлению признавались в качестве существенного «молчаливого условия».

Суды при рассмотрении данной категории дел должны исследовать данный вопрос и отказывать в признании сделки недействительной еще на стадии определения существенности заблуждения в мотиве волеизъ-

<sup>1</sup> Примеры из судебно-арбитражной практики по спорам, связанным с оспариванием сделок на основании статьи 178 ГК, в которых в качестве предмета сделок судами были названы соответственно: топочный мазут (Определение ВАС РФ от 22 октября 2010 г. № ВАС-14081/10 по делу № А56-49970/2009); оказание юридических услуг (Постановление ФАС Центрального округа от 23 июля 2012 по делу № А64-9171/2011); взаимные права и обязанности по договору аренды помещения (Постановление ФАС Северо-Западного округа от 22 января 2013 г. по делу № А42-3419/2011); доля в уставном капитале хозяйственного общества (Постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 18 февраля 2014 г. по делу № А70-5156/2013; АС Волго-Вятского округа от 20 ноября 2014 г. № Ф01-4798/2014 по делу № А11-47/2014).

<sup>2</sup> К примеру, проект Гражданского уложения Российской империи 1905 г. в статье 62 предполагал существенность ошибки относительно «тождества или существенных качеств лица, если имелось в виду изъявить волю в отношении определенного лица».

явления, если только заинтересованная сторона не докажет, что она, «разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел».

В статье 178 ГК РФ устанавливаются два условия, когда сделка, совершенная под влиянием заблуждения, не может быть признана недействительной.

Первое условие, если контрагент соглашается сохранить сделку на условиях, из представления о которых исходил истец при совершении сделки, – суд обязан отказать в удовлетворении иска о признании сделки недействительной и указать в решении условия, на которых сделка продолжит существовать.

Второе условие сохранения сделки действительной носит оценочный характер и сводится к решению вопроса о том, могло ли лицо при должной степени заботливости и осмотрительности осознать, что заблуждается при совершении сделки. Например, если суд сделает вывод о том, что при действиях с обычной осмотрительностью с учетом всех обстоятельств совершения сделки лицо могло бы избежать заблуждения, то суд в удовлетворении иска о признании сделки недействительной откажет.

Обман является умышленным введением в заблуждение, которое может осуществляться как в виде действия, так и бездействия: например, сокрытие информации, имеющей существенное значение. Согласно пункту 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162 [5], обман может касаться не только обстоятельств, приведших к совершению сделки, т. е. находящихся в причинной связи с совершением сделки, но и всех иных обстоятельств, о кото-

рых добросовестная сторона должна была сообщить, при этом не является обманом для целей применения статьи 179 ГК РФ сообщение ложных сведений, которые не влияют на принятие решения о совершении сделки.

Статья 179 ГК РФ устанавливает, что иск допустим, если в обмане виновна не сторона сделки, а третье лицо, т. е. лицо, не участвующее в сделке, но при этом истец должен доказать, что контрагент в сделке знал или должен был знать о существующем обмане.

В реальной жизни обман зачастую граничит с заблуждением, поэтому истец должен определить, по какому основанию он требует признать сделку недействительной. Например, статья 178 ГК РФ, в отличие от статьи 179 ГК РФ, допускает возникновение существенного заблуждения истца без умысла контрагента или при наличии собственной вины истца. Однако, если истец неверно определил основание иска, суд может удовлетворить требования при наличии соответствующих оснований.

В итоге следует отметить, что обман следует рассматривать как деяние, приводящее к возникновению заблуждения и, как следствие, к ошибке, с учетом того, что его совершают осознанно и намеренно. Так же, как и заблуждение, условием недействительности сделки признают и ошибку, и обман, только если они касаются существенных обстоятельств совершения этой сделки.

Кроме того, важным моментом является то, что под обманом следует понимать не только предоставление другой стороне ложных сведений, но и намеренное умалчивание фактов, которые могут помешать совершению сделки.

#### Список литературы

1. *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского права. – Вып. 1. Введение и общая часть. – СПб. : Контрагентство железных дорог, 1894.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // Российская газета. – 1994. – № 238-239.
3. *Гутников О. В.* Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. – М. : Бератор-Пресс, 2003.
4. *Зезекало А. Ю.* Исполнение по ошибке и проблема перехода права собственности // Вещные права: система, содержание, приобретение : сборник научных трудов в честь профессора Б. Л. Хакельберга / под. ред. Д. О. Тузова. – М. : Статут, 2008. – С. 186–200.

5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 2.
6. *Иоффе О. С.* Советское гражданское право (Курс лекций): Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах. – Л. : ЛГУ, 1958.
7. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. – Ч. 1. (по испр. и доп. 8-му изд. 1902 г.). – М. : Статут, 1997. – С. 162–163.
8. *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. – М. : Госюрлит, 1954.
9. *Растеряев Н. Г.* Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная: догматическое исследование. – СПб. : Общественная польза, 1900.
10. Советское гражданское право / под ред. Д. М. Генкина. – М. : Госюриздат, 1961.
11. Советское гражданское право. – Т. 1 / под ред. И. Б. Новицкого, П. Е. Орловского. – М. : Госюриздат, 1959.
12. *Цвайгерт К.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. – Т. 2.: Основы; пер. с нем. / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – М. : Международные отношения, 1998.
13. *Яблочков Т. М.* Негативный договорный интерес // Право и жизнь. – 1923. – № 3. – С. 39 – 40.
14. *Diesselhorst M.* Die Lehre des Hugo Grotius vom Versprechen. – Köln, Graz : Bohlau, 1959.
15. *Sabbath E.* Effects of Mistake in Contracts: A Study in Comparative Law // International and Comparative Law Quarterly. – 1964. – Vol. 13. – N 3.
16. *Vangerow K. A. v.* Lehrbuch der Pandekten. Erster Band. VII. Aufl. Marburg und Leipzig: R. G. Elwert, 1863.

## Проблемы дефиниции «иностранные инвестиции» в международном праве

**В. А. Серeda**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: loreals007@gmail.com

## Problems of the Definition of "Foreign Investment" in International Law

**V. A. Sereda**

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor  
of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: loreals007@gmail.com

### Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты дефиниции «иностранные инвестиции» и ее роль в международном инвестиционном праве. Анализируются теоретические научные разработки и положения универсальных международных конвенций, договоров и национальных законодательных актов об иностранных инвестициях. В качестве основы рассматривается арбитражная практика разрешения международных инвестиционных споров. Акцент делается на создании принимающим государством благоприятного климата для иностранных инвесторов. Подчеркивается значение существенного вклада в развитие экономики государства для признания проекта зарубежным капиталовложением. Делается вывод о том, что решения арбитража МЦУИС заложили надежный правовой фундамент для разработки общепринятых критериев (стандартов) оценки инвестиционных отношений на основе дефиниции «иностранные инвестиции», а наличие существенного вклада в экономику государства следует считать ключевым критерием. Отмечается, что дальнейшее совершенствование правового обеспечения иностранных инвестиций должно осуществляться с учетом стандартов оценки инвестиционных проектов.

**Ключевые слова:** иностранные инвестиции, инвестиционная деятельность, иностранный инвестор, инвестиционный арбитраж, инвестиционный климат, международное инвестиционное право.

### Abstract

The article examines some aspects of the definition of "foreign investment" and its role in international investment law. The theoretical scientific developments and provisions of universal international conventions, treaties and national legislative acts on foreign investments are analyzed. The arbitration practice of resolving international investment disputes is considered as a basis. The emphasis is on creating a favorable climate for foreign investors by the host country. The importance of a significant contribution to the development of the state economy for recognizing the project as a foreign investment is underlined. It is concluded that ICSID arbitration decisions have laid a reliable legal foundation for the development of generally accepted criteria (standards) for assessing investment relations based on the definition of "foreign investment" and the existence of a significant contribution to the economy of the state, should be considered a key criterion. It is noted that further improvement of the legal support for foreign investments should be carried out taking into account the standards for the evaluation of investment projects.

**Keywords:** investment activity, international investor, investment arbitration, investment climate, international investment law.

---

Эффективность развития экономики любого государства в значительной степени зависит от объема инвестиций, вложенных в ее приоритетные отрасли. Необходимость привлечения дополнительных ресурсов для решения экономических задач побуждает

законодательные органы искать оптимальные пути для улучшения инвестиционного климата в государстве, потому что иностранные инвесторы не желают вкладывать капиталы в экономику страны, где не гарантирована их надлежащая защита. Исходя из этого, главной целью современной инвестиционной политики любого государства выступает построение эффективной системы правовой регламентации иностранных инвестиций и постоянная ее оптимизация. Только на такой основе государство может «усилить приход иностранных инвестиций и нацелить их в нужное русло» [11. – С. 5]. При этом реальное повышение эффективности притока иностранных инвестиций возможно лишь через оптимизацию правовой базы с учетом практики рассмотрения международных инвестиционных споров. Таким образом, приоритетным направлением реформирования в инвестиционной сфере выступает создание благоприятного климата для иностранных инвестиций.

Вложение капиталов в иностранную экономику связано не только с рисками неполучения прибыли. Могут иметь место и другие неблагоприятные последствия для инвесторов, исходящие из особенностей национального закона и правопорядка. Залог успеха инвестирования нередко зависит от правильного понимания и толкования дефиниции «иностранные инвестиции». В то же время, несмотря на наличие обширной международной и национально-правовой регламентации и множества научных работ и проведенных исследований в данной сфере, единое ее понимание не выработано. Как полагают, обусловлено это «многообразием форм и видов осуществления иностранных инвестиций, а также их целей» [7. – С. 13].

Проблемы дефиниции «иностранные инвестиции» исследовались во многих научных трудах, статьях и монографиях зарубежных и российских ученых. Первые научные труды Н. Н. Вознесенской, Н. Г. Дорониной, А. Г. Богатырева, М. М. Богуславского и других авторов по вопросам теории и практики международно-правового регулирования иностранных инвестиций в развивающихся государствах вышли в середине 70-х гг. прошлого века, а последующие исследования послужили неопределимой доктринальной базой. В последний период вопросам развития междуна-

родно-правового регулирования иностранных инвестиций в целом посвятили свои труды А. А. Данельян, Е. Р. Кибенко, Р. А. Курбанов, В. Н. Лисица, М. М. Мальский, И. З. Фархутдинов, А. Г. Хримли и др. Научные разработки этой проблематики посвящались преимущественно общетеоретическим и методологическим вопросам, однако теоретический и практический опыт последних десятилетий, а также имеющийся юридический материал объективно требуют комплексного исследования проблем международно-правового механизма поощрения и защиты иностранных инвестиций, а также выработки единого понимания дефиниции «иностранные инвестиции». С позиции юридической науки наличие дефиниции «иностранные инвестиции», отображающей их характерные признаки, позволит более полно определить предмет соответствующих правоотношений, а также будет способствовать их более эффективному правовому регулированию.

Само слово «инвестиция» (от англ. investment) означает «капиталовложение». Как правильно подчеркивается в научной литературе, в терминологическом инструментарии юриспруденции можно обнаружить категории, генетически зарождающиеся в других сферах знания, но в силу практических исследовательских задач вовлеченные в область правоведения, почерпнувшие собственными юридическими атрибуты и «получившие статус правовых в силу их внедрения в понятийном строе юридической науки» [14. – С. 40]. Отмеченное в полной мере относится и к категории инвестиций, в том числе иностранных, которые берут свое начало в экономической науке. Учеными-экономистами инвестиции детально исследовались в 50–60-х гг. XX столетия. Предисловием этого явились наработки М. Марковица, который создал теорию инвестиционного портфеля. Основываясь на его идеях, У. Шарп заложил модель оценки капитальных активов и определил, что в широком понимании понятие «инвестировать» подразумевает «распрощаться с деньгами сегодня, чтобы получить большую их сумму в будущем» [16]. Среди основных авторов в первую очередь следует упомянуть известного британского экономиста Джона Кейнса, определившего инвестиции как «всякое увеличение ценности капитальной

собственности в независимости от того, состоит ли последнее из основного или ликвидного капитала» [8. – С. 56]. Традиционно ученые-экономисты под инвестициями понимают «долгосрочное вложение частного или государственного капитала в различные отрасли национальной или зарубежной экономики с целью получения прибыли» [10. – С. 7]. Очевидно, что и среди юристов не сложилось единого понимания капиталовложений. Особая сложность этой задачи состоит в том, что при ее решении необходимо учитывать комплекс проблем, связанных с взаимодействием и взаимным влиянием международно-правовых и национальных норм права. Уместно подчеркнуть, что научным разработкам дефиниции инвестиций, в том числе иностранных, в советский период почти не уделялось надлежащего внимания, поскольку существующая тогда доктрина административно-командной системы единственным инвестором рассматривала государство. Именно государство осуществляло финансирование во всех сферах хозяйственной деятельности, а investments вообще признавались таковыми, что противоречит сущности плановой экономики. Тем не менее исследуемая в данной статье категория не осталась в стороне от научных разработок. Как ни странно, свое начало она берет именно от более широкой категории – «иностранные инвестиции». Пальма первенства в понимании рассматриваемой дефиниции в советской правовой науке принадлежит Н. Н. Вознесенской. По ее мнению, иностранные инвестиции есть вкладывание финансовых ресурсов иностранным инвестором в производство, предусматривающее обязательным условием этого процесса экономическую активность субъекта хозяйственной деятельности. При этом хозяйственная активность иностранного элемента, нацеленная на скоординированное использование финансовых вложений (с привлечением или же без привлечения местного капитала), должна быть predetermined необходимостью формирования хозяйствующего субъекта, что в конечном итоге служило подспорьем развитию экономики развивающейся страны и повышению эффективности его хозяйственного потенциала [3. – С. 29]. Однако названное толкование капиталовложений некоторым образом уже утратило свою

актуальность, так как отождествление инвестиций с одними лишь денежными ресурсами на данном этапе развития общества в период глобализации существенно ограничивает более широкие возможности современного инвестирования. Речь идет о таких видах инвестиций, как услуги, исключительные права и т. п. Переходя к анализу научных разработок данной тематики последнего периода, следует отметить их обширность, хотя единое понимание иностранных инвестиций до сих пор не достигнуто. Некоторые исследователи применительно к категории иностранных капиталовложения считают целесообразным в ее конструкцию закладывать две равнозначные по сути составляющие – предмет капиталовложений и инвестиционный титул (инвестиционные права). При этом к предмету относятся те ценности, которые вложены иностранным вкладчиком для реализации возможностей в хозяйственной активности в государстве вклада [9]. Другие авторы, предлагающие свои определения данной дефиниции, слишком их детализируют, затрудняя тем самым ее практическое использование в инвестировании. Так, например, А. А. Данельян, излагая свое понимание иностранных инвестиций, перечисляет множество различных составляющих их признаков, включая «вложение средств, принадлежащих инвестору..., объект предпринимательской деятельности, в который осуществляется вложение..., в том числе... имущество, ...право требования по денежным средствам, ... исключительные права на объекты и т. п.» [6. – С. 3–5]. Более лаконичное, но содержательное определение исследуемой категории прозвучало на Конгрессе Международной ассоциации международного права в 1966 г. в Хельсинки. Инвестициями назван «поток вложений из государства инвестора в страну получателя инвестиций с отсрочкой расчета» [19. – Р. 157–159]. Аналогичный подход в плане исследуемой дефиниции отражают и некоторые зарубежные ученые. Г. Шварценбергер под иностранными капиталовложениями называет ограниченные временными рамками кредитные ресурсы для финансирования ввоза орудий производства. Сюда же включаются «любые права и интересы инвестора за границей». При этом автор отождествляет категории «собственность» и

«инвестиции», поскольку именно такая либеральная трактовка собственности соответствует общепринятой практике международного права [21. – Р. 17]. С теоретической точки зрения все вышеизложенные подходы к толкованию иностранных инвестиций имеют полное право на существование. Тем не менее применительно к целям и задачам данной публикации для практического применения инвесторам необходима такая трактовка исковой дефиниции, которая в наибольшей степени будет соответствовать общепринятым международным стандартам, чтобы обеспечивать максимальную защиту капиталовложений. Особенно важно учитывать это положение для практики рассмотрения международных инвестиционных споров. Отсутствие целостной теоретической модели дефиниции инвестиции определенным образом затрудняет разработку надлежащей системы гарантий инвесторам и не способствует мобилизации иностранных ресурсов в развивающуюся экономику страны. Наиболее практичным в этом плане можно назвать понимание исследуемой дефиниции, наблюдаемое в работах В. Н. Лисицы [12], И. З. Фархутдинова [15. – С. 325] и некоторых других авторов. Следует отметить, что они правомерно выделяют в определении три основные составляющие: вклад, длительный период вложений, наличие предпринимательского риска. Однако о существенности вклада в экономику речь в них не идет, что снижает их функциональность. Легитимное определение инвестиций содержится во внутригосударственном законодательстве. Как отмечалось выше, иностранные инвестиции, имея в своей основе частноправовую сущность, нуждаются в одновременном регулировании национальным и международным правом [1]. Глобализация экономики обуславливает адекватность международно-правового регулирования, включая инвестиционные институты. Тем не менее современное международное право имеет существенные пробелы в обеспечении защиты зарубежных капиталовложений. Как правило, их заполняют национальные нормы права. Однако оно не застраховано от неблагоприятных для инвестора изменений по усмотрению государства, которые могут возникнуть в любой момент. В целом эта тенденция имеет двуединый характер. С одной сто-

роны, инвесторы нацелены застраховать капиталы от рисков их потери, связанные с экспроприацией, политической нестабильностью и т. д. С другой стороны, страны-реципиенты, особенно с развивающейся экономикой, получая вливание капиталов, не застрахованы от риска экономического, политического и идеологического «порабощения». Поэтому международно-правовая регламентация инвестиций в целом изменялась в зависимости от становления политических и экономических позиций этих сторон [2. – С. 25]. Современные отношения международного инвестирования урегулированы тремя международными конвенциями: Вашингтонской [5], Сеульской конвенцией<sup>1</sup> и Договором к Энергетической хартии 1994 г. [22. – Р. 136]. На наш взгляд, для выработки правильного уяснения мировых стандартов применительно к определению «иностранных инвестиций» следует обратить внимание на три основных положения, которые содержатся в этих интернациональных источниках: процедура решения инвестиционных споров; страхование капитальных иноземных вложений; защита и преференции для инвестиций в энергетику. Краткий анализ указанных конвенций позволяет заключить, что не каждый проект с иностранным элементом следует признавать инвестиционным. Вашингтонская конвенция не содержит специального определения инвестиций. Вместе с тем она излагает определенные требования (критерии), которым они должны соответствовать. На ее основе проект признается иностранным капиталовложением, если: 1) носит долговременный характер; 2) предполагает внесение существенного капитала и риски; 3) предусматривает постоянный доход; 4) способствует экономическому потенциалу державы – реципиента капитала [4. – С. 94]. Указанные критерии с учетом внутригосударственных особенностей закона выступают так называемым алгоритмом решения международных инвестиционных споров. В решении по делу № ARB/00/4 [23] МЦУИС, сделав акцент на отсутствии в Конвенции об урегулировании инвестиционных споров единообразного определения дефиниции investments, выделил и назвал ее основные составляющие (критерии): 1) вложе-

<sup>1</sup> См.: URL: <http://www.miga.org/documents/07arrussian.pdf>

ние капитала; 2) установленный период исполнения контракта; 3) рисковый характер сделки; 4) вклад в экономику принимающего государства (так называемый Salini Test). В последующем названные элементы investments использовались в ходе решения других инвестиционных споров в МЦУИС, в частности, в делах: № ARB/05/07 [23]; № ARB/07/12 [23]. В последнем случае, а также в деле № ARB/05/22 [23] арбитраж МЦУИС отметил, что тест Salini не имеет законодательной привязки, не предусмотрен в Конвенции об урегулировании инвестиционных споров и не является общеобязательным. В то же время тест Salini нашел свою конкретизацию и развитие в других решениях МЦУИС. Проект следует квалифицировать как инвестиционный лишь в том случае, если он представляет существенный вклад в развитие государства, в котором осуществляется инвестиционная деятельность [17; 18]. Напротив, в другом решении, рассматривая наличие существенного вклада в экономическое развитие государства, МЦУИС пришел к выводу, что Контракт не несет выгоды публичному интересу государства в материальном аспекте, поскольку не служит для выгоды экономики в понимании, выработанном практикой МЦУИС, а именно в части значительного вклада в экономику [20. – Р. 131]. Таким обра-

зом, на основе проведенного исследования названных решений арбитража можно сделать вывод о том, что наличие существенного вклада в экономическое развитие государства следует считать ключевой составляющей (критерием оценки) дефиниции «иностранные инвестиции». Автор не ставил целью данной статьи выведение окончательной дефиниции исследуемой категории. Это является задачей дальнейших научных исследований на основе обобщения практики арбитража МЦУИС. Выводом проведенного исследования может стать ряд тезисов, отвечающих на поставленные ранее цели и задачи. В первую очередь следует отметить, что вышеупомянутые решения арбитража МЦУИС заложили надежный правовой фундамент под разработку общепринятых критериев (стандартов) оценки инвестиционных отношений на основе дефиниции «иностранные инвестиции». Во-вторых, наличие существенного вклада в экономику государства, по нашему мнению, следует считать ключевым критерием оценки иностранных инвестиционных проектов. В-третьих, дальнейшее совершенствование правового обеспечения иностранных инвестиций должно осуществляться с учетом вышеуказанных стандартов оценки инвестиционных проектов.

### Список литературы

1. Богатырев А. Г. О международном инвестиционном праве // Советский журнал международного права. – 1991. – № 2. – С. 17–27.
2. Вознесенская Н. Н. Иностранные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки. – М., 1975.
3. Вознесенская Н. Н. Правовое положение смешанных предприятий и режим иностранных инвестиций : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1978.
4. Вознесенская Н. Н. Правовое регулирование и защита иностранных инвестиций в России : монография. – М., 2011.
5. Данельян А. А. Компенсация за национализацию и экспроприацию иностранной собственности в практике инвестиционного арбитража // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 4 (71). – С. 32–34.
6. Данельян А. А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016.
7. Данельян А. А., Фархутдинов И. З. Международный инвестиционный арбитраж : учебное пособие. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013.
8. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 2002.

9. *Кибенко Е. Р.* Особенности правового регулирования иностранных инвестиций в Украине (международно-частно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков : Национальная юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого, 1998.
10. *Колмыкова Т. С.* Инвестиционный анализ : учебное пособие. – М., 2009.
11. *Курбанов Р. А.* Правовое регулирование иностранных инвестиций в нефтяной и газовой промышленности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005.
12. *Лисица В. Н.* Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения : монография. – Новосибирск, 2011.
13. *Сулейменов М. К.* Правовое регулирование иностранных инвестиций и недропользования в Казахстане (Избранные труды). – Алматы, 2006.
14. *Тарасов Н. Н.* Метод и методический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Известия высших учебных заведений. – Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 31–50.
15. *Фархутдинов И. З.* Международное инвестиционное право: теория и практика применения. – М. : Волтерс Клувер, 2005.
16. *Шарп У., Александр Г., Бэйли Дж.* Инвестиции : пер. с англ. – М. : Инфра-М, 2003.
17. *Bayindir Insaat Ticaret Ve Sanyı AS v Islamic Republic of Pakistan* (Решение по вопросу юрисдикции) (14.11.2005).
18. *Joy Mining Machinery Ltd v Arab Republic of Egypt* (Решение по вопросу юрисдикции) (6.08.2004, 44 ILM 73).
19. *Les Investments et le Developement Economique des Paus du Tiers-Monde* (Colloque Juridique). – Paris, 1968.
20. *Malaysian Historical Salvors Sdn, Bhd v The Government of Malaysia* (Решение по вопросу юрисдикции) (17.05.2007).
21. *Schwarzenberger J.* Foreign Investments and International Law. – London, 1959.
22. *Sella P.* Dealing with Investment Problems: the World Bank and the International Centre for Settlement of Investment Disputes // International Control of Investment : The Dusseldorf Conference on Multinational Corporations. – N.Y.; Washington; London, 1973.
23. URL: <http://italaw.com>

## Совершенствование законодательства еспублики Беларусь как средство противодействия коррупционным правонарушениям

**Г. А. Василевич**

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент  
Национальной академии наук Беларуси,  
заведующий кафедрой конституционного права  
Белорусского государственного университета.  
Адрес: Белорусский государственный университет,  
Республика Беларусь, 220030, Минск, ул. Ленинградская, д. 8.  
E-mail: Gregory\_1@tut.by

## Improvement of the Legislation of the Republic of Belarus as a Measure of Counteracting Corruption Offenses

**G. A. Vasilevich**

Doctor of Law, Professor, Corresponding Member  
of the National Academy of Sciences of Belarus,  
Head of the Department of Constitutional Law  
of the Belarusian State University.  
Address: Belarusian State University, 8 Leningradskaya Str.,  
Minsk, 220030, Republic of Belarus.  
E-mail: Gregory\_1@tut.by

### Аннотация

В статье подробно рассматриваются меры развития внутреннего контроля в организациях, подведомственных органам местного управления и самоуправления. Отмечается, что нужно поощрять разработку и принятие в организациях мер по внутреннему контролю, соблюдению этических норм для предотвращения злоупотреблений должностным положением. Также говорится о создании трудовыми коллективами контрольных органов, не зависящих от руководства, членов которых следует наделять дополнительными трудовыми гарантиями, обеспечении максимально возможной публичности принятия решений в сфере приватизации, выделении земельных участков и жилья. Большое внимание в работе уделяется рассмотрению эффективных средств воздействия на лиц, совершивших корыстные имущественные преступления, которые способны были бы усилить экономическую безопасность государства, а также снизить количество таких преступлений, содействовать укреплению законности и правопорядка. Делается вывод о необходимости обязательного опубликования информации о состоявшейся приватизации имущественных комплексов, их новых собственниках и о выделении земельных участков конкретным лицам.

**Ключевые слова:** коррупция, правонарушения, имущественные преступления, законность, правопорядок, конфискация, контрольные органы, злоупотребление должностным положением, юридическая ответственность.

### Abstract

The article details the measures for the development of internal control in organizations subordinate to local government and self-government bodies. It is noted that it is necessary to encourage the development and adoption in the organizations the measures for internal control, compliance with ethical standards to prevent abuse of office. It also speaks of the creation by labor collectives of supervisory bodies independent of management, whose members should be given additional labor guarantees, to ensure the maximum possible publicity of decision-making in the sphere of privatization, allocation of land and housing. Much attention is paid to the consideration of effective means of influence on persons who have committed mercenary property crimes, which could strengthen the economic security of the state, as well as reduce the number of such crimes, and help strengthen the rule of law and order. It is concluded that it is necessary to publish information on the privatization of property complexes, their new owners and on the allocation of land to specific persons.

**Keywords:** corruption, offenses, property crimes, lawfulness, law and order, confiscation, control bodies, abuse of office, legal responsibility.

Противодействие коррупции и в целом корыстным имущественным преступлениям является в первую очередь социальной, экономической, политической (мировоззренческой) проблемой и лишь во вторую – правовой. Но вести борьбу с такими преступлениями, противодействовать им следует по всем направлениям, в том числе с использованием уголовно-правовых средств. В Республике Беларусь и Российской Федерации в последние годы значительно усилены меры по противодействию коррупционным правонарушениям: обновлено законодательство, совершенствуется правоприменительная практика, проводятся научные и научно-практические конференции, участники которых анализируют состояние дел в указанной сфере и высказывают свои предложения.

Опасность коррупции, иных корыстных имущественных преступлений для общества и государства хорошо известна. В связи с тем, что она ведет к моральному разложению общества, дезорганизует экономические отношения и систему управления, эти преступления представляют угрозу национальной безопасности, подрывают экономическое благополучие страны. Попыток побороть злоупотребление властью, изжить корыстные устремления со стороны лиц, наделенных властью, было много. В истории человечества практиковались самые жестокие наказания. Часто упоминается суд персидского царя Камбиса [2]. Однако они не привели к уничтожению коррупции или иных корыстных имущественных преступлений. Это не значит, что использованные меры были бесплодными. Можно предположить, что без активных действий указанное явление могло приобрести угрожающие масштабы. Для указанной группы преступлений характерно то, что их движущей силой является корысть. Поэтому и механизмы противодействия должны быть выработаны такие, чтобы преступление было невыгодно совершать с экономической точки зрения. Конечно, нельзя отказываться и от такого наказания, как лишение свободы. Если обращаться к уголовно правовым аспектам, то здесь традиционно считалось, что преобладающей мерой устрашения преступников, как реальных, так и потенциальных, должно быть лишение их свободы. Однако оно наиболее эффективно и необходимо по от-

ношению к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления против жизни и здоровья граждан – убийства, разбои, грабежи, тяжкие телесные повреждения; поставляющим и распространяющим наркотические средства; причиняющим существенный вред экономическим интересам государства. Полагаем, что при определении меры ответственности, в том числе уголовной, за корыстные имущественные правонарушения, не исключая и лишение свободы, все же следует больше внимания уделять мерам материального характера. При этом экономические потери преступника должны быть значительно выше ожидаемой от преступления выгоды.

Деятельность по противодействию преступности, исполнению вынесенных приговоров, содержанию заключенных весьма экономически затратна. В идеале использование штрафов с экономической точки зрения должно быть приоритетным, оно исключает или существенно уменьшает социальные издержки при пребывании в местах лишения свободы. Помимо всего прочего пребывание в местах лишения свободы ведет к обесцениванию человеческого капитала заключенного, формированию у него асоциального типа поведения, что способствует рецидиву преступлений [11. – С. 307].

Полагаем, что подход российского законодателя в концептуальном плане, когда усилена возможность экономического воздействия на преступления коррупционного (имущественного) характера, правильный. Установление кратности штрафа к сумме взятки можно рассматривать в качестве одной из мер, которая должна показать свою эффективность, уменьшить нагрузку на государство, связанную с содержанием осужденного в местах лишения свободы, усилить его наказания за счет получения от виновного лица дополнительных средств в бюджет (статьи 290–291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [16] (УК РФ).

Аналогично позитивно оцениваем нормы УК РФ (статья 76.1), предусматривающие освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Так, лицо, впервые совершившее преступление в виде уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, уклонения от уплаты налогов и

(или) сборов с организации, освобождается от уголовной ответственности, если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме. Лицо, впервые совершившее такое преступление, как незаконное предпринимательство, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, неправомерные действия при банкротстве и др., освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере пятикратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь [15] (УК Республики Беларусь) также предусмотрены основания для освобождения от уголовной ответственности. В частности, согласно ст.88-1 УК Республики Беларусь лицо, совершившее преступление, повлекшее причинение ущерба государственной собственности или имуществу юридического лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, либо существенного вреда государственным или общественным интересам и не сопряженное с посягательством на жизнь или здоровье человека, может быть освобождено от уголовной ответственности в порядке, установленном законодательным актом, если оно добровольно возместило причиненный ущерб (вред), уплатило доход, полученный преступным путем, а также выполнило иные условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные законодательным актом.

На наш взгляд, подход российского законодателя предпочтителен: в самом УК предусмотрено, что возмещается причиненный ущерб (перечисляется в бюджет незаконно полученный доход), а также уплачивается денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба (дохода).

В УК Республики Беларусь такого указания нет (хотя это желательно прямо предусмотреть в нем), и вопрос о возмещении

ущерба решается в соответствии с Положением о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осужденных, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений [17]. Вторым аспектом, на который хотелось бы обратить внимание, это то, что вряд ли в полной мере можно говорить о «добровольности» возмещения ущерба, когда производство по уголовному делу уже начато (здесь уместно провести параллель между явкой с повинной и деятельным раскаянием). В то же время формулировка УК РФ «освобождается от уголовной ответственности» может вызывать некоторые вопросы в силу ее безусловного действия. В Республике Беларусь возмещение ущерба, как правило, в большем объеме, чем сам ущерб, еще автоматически не означает освобождение от уголовной ответственности: решение принимает глава государства.

Известно, что после вынесения приговора о наложении на виновное лицо штрафа, обязанности возместить причиненный ущерб их исполнение затягивается. Однако из-за некоторых дефектов исполнения эффективность реализации норм уголовного законодательства в этой части слабая. Это свидетельствует о недостаточном уровне отработки механизма реализации предусмотренных в уголовном законодательстве мер. Необходимо их дополнить, чтобы в первую очередь само виновное лицо стремилось к возмещению ущерба, своевременной уплате штрафа, выплате компенсации, а не переложению этой работе на судебных исполнителей, сотрудников правоохранительных органов.

Полагаем, что у суда больше оснований определять такую меру наказания, если привлекаемые к ответственности еще до вынесения приговора реально могут гарантировать его исполнение, например, могут внести на депозит суда соответствующую сумму, имеют соответствующее имущество, продажа которого может погасить задолженность по штрафу.

Конечно, установленные в законодательстве суммы должны быть реальными для исполнения. Некоторые авторы считают необходимым исходить из того, что размер штрафа в соотношении с лишением свободы должен иметь высокую цену: один год лишения свободы должен быть эквивалентен раз-

меру средней заработной платы за два года [8. – С. 217].

Многие современные государства отдают приоритет специальной конфискации, а не общей [7]. Однако для противодействия коррупции превентивная и карательная функции конфискации, на наш взгляд, должны быть усилены. В статье 61 УК Республики Беларусь содержатся нормы, касающиеся конфискации имущества, т. е. принудительного безвозмездного изъятия в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного. На наш взгляд, следовало бы исключить из этой статьи часть третью, согласно которой конфискации имущества не может назначаться в качестве дополнительного наказания к штрафу или исправительным работам. Полагаем, что такое ограничение несет определенные коррупционные риски: назначив указанное наказание, можно обосновать, почему не применена конфискации, а кроме того, почему от дополнительных имущественных тягот освобождаются те, кто совершил коррупционное преступление. В худшем положении оказываются те, кто приговорен к лишению свободы и чье имущество конфисковано: по возвращении из мест лишения свободы начинать «новую» жизнь им еще сложнее, чем приговоренным к штрафу или исправительным работам. К сожалению, Республика Беларусь не участвует в Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (заключена в Страсбурге 8 ноября 1990 г.), однако в информационном плане обратим внимание, что, согласно ее статье 1, термин «конфискация» означает не только наказание, но и «меру, назначенную судом в результате судопроизводства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества» [6]. В Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь [12] содержится Перечень имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда. Среди него указан, например, принадлежащий осужденному на праве частной собственности или являющиеся его долей в общей собственности жилой дом, квартира или отдельные их части, если осужденный и его семья постоянно в них проживают. Однако здесь следовало бы обратить внимание на размер этого дома (квартиры), а именно

нельзя ли часть жилой площади использовать для сдачи его в аренду другим лицам с целью погашения ущерба, своевременной уплаты штрафа и т. п. Для сравнения отметим, что, согласно статье 86 Жилищного кодекса Республики Беларусь [5], наниматель жилого помещения государственного жилищного фонда и проживающие совместно с ним члены его семьи, имеющие без уважительных причин шестимесячную задолженность по плате за жилищно-коммунальные услуги и плате за пользование жилым помещением, подлежат выселению в судебном порядке с предоставлением им другого жилого помещения. Не исключали бы применение такой меры и по отношению к собственнику дома, если он не принимает мер для выполнения судебного постановления, сохранив за ним определенную законом площадь с учетом постоянно проживающих членов семьи. Не исключали бы и продажу такого жилого дома (квартиры) и переселение в квартиру (дом) меньшей площади (меньшей стоимости).

При совершении корыстных имущественных преступлений следует в законодательстве предусмотреть более полное возмещение понесенных следствием расходов.

В пункте 10 статьи 162 УПК Республики Беларусь идет речь об иных расходах, понесенных при производстве по уголовному делу. Поэтому потенциально правовая основа для полной компенсации понесенных расходов при производстве по уголовному делу, как на стадии следствия, так и в суде, есть. Надо формировать практику. В некоторых странах, родственники лица, в отношении которого приведен в исполнение смертный приговор путем расстрела, оплачивают даже стоимость пули. Аналогично нами давно предлагалось предусмотреть компенсацию процессуальных издержек в связи с избранием такой меры пресечения, как домашний арест, использование браслетов электронной системы контроля за местом нахождения поднадзорного лица.

Новеллой белорусского законодательства является закрепление в принятом 15 июля 2015 г. Законе «О борьбе с коррупцией» (статья 36) [9] права на изъятие имущества (взыскания расходов), стоимость которого (размер которых) превышает доходы, полученные из законных источников. Ранее высказанная

нами идея на этот счет [3] реализована в указанном законе: в случаях установления в ходе проверки деклараций о доходах и имуществе должностных лиц явного превышения стоимости принадлежащего им имущества и иных расходов этих лиц за период, когда должностные лица занимали соответствующие должности, но не более чем за 10 лет, над доходами, полученными из законных источников, имущество и иные расходы на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, безвозмездно изымаются (взыскиваются) или взыскивается стоимость такого имущества в доход государства на основании решения суда по иску прокурора. Под явным превышением стоимости имущества и иных расходов над доходами, полученными из законных источников, понимается превышение, составляющее не менее 25% от доходов, полученных из законных источников. Подобное правило следовало бы распространить и на иных лиц, которые живут не по доходам.

Опыт показывает, что значительное число коррупционных правонарушений совершается на местном уровне, например, в связи с незаконным предоставлением земельных участков для индивидуального строительства (много таких случаев было выявлено в сельсоветах, расположенных в пригородах недалеко от Минска или областных центров), в жилищно-коммунальном хозяйстве (нередки случаи хищения выделенных государством средств для проведения ремонтных и иных работ), в дорожном строительстве. Важно также заниматься такой сферой, как природопользование и охрана окружающей среды, поскольку здесь иногда совершаются коррупционные преступления. На местном уровне также предметом особого контроля с точки зрения антикоррупционной направленности должна быть сфера по исполнению государственного заказа, государственных закупок. Особо пристальное внимание необходимо уделять сферам образования, предоставлению мест в дошкольных учреждениях, организациям здравоохранения. Справедливо замечают, что в сфере образования наибольшие коррупциогенные риски возникают в связи с решением вопросов о зачислении в специализированные общеобразовательные школы и дошкольные учреждения и сдачей экзаменов и зачетов в период обучения.

В литературе коррупционные проявления в сфере здравоохранения рассматривают как проявление бытовой коррупции. Некоторые авторы к бытовой коррупции относят те деяния, в которых одной из сторон коррупционного отношения выступает рядовое физическое лицо. Однако и так называемая бытовая коррупция отрицательно влияет на настроение людей. В свое время нами уже высказывалась идея, чтобы на официальном уровне, прозрачно пациент мог выразить в адрес врача свою признательность, например, на счет поликлиники или больницы мог перечислить сумму, которую он считает возможным, имея в виду дальнейшее материальное поощрение врача. Безусловно, это дело добровольное, и в свою очередь можно даже усилить уголовную ответственность медицинского персонала, если он вынуждает пациентов оплачивать свою работу незаконно.

В юридической литературе подчеркивается, что обладание собственностью не только дает свободу управомоченному органу, но и обязывает. В основном формы, методы, способы борьбы с коррупцией на местном уровне те же, что и на более высоком уровне государственного управления. Однако преимущественно именно на местном уровне, в организациях, где сосредоточены материальные и иные ресурсы и оказываются услуги, по поводу которых могут совершаться коррупционные сделки, население наиболее тесно и непосредственно соприкасается с органами власти.

Работу по противодействию коррупции надо организовывать на основе соответствующей программы, действующей в рамках соответствующей административно-территориальной единицы (АТЕ). Данное направление деятельности может быть основательной, глубоко продуманной частью общей программы социально-экономического развития соответствующей АТЕ, утверждение которой относится к компетенции местного совета депутатов. Полагаем, что такого рода программы (их части) должны приниматься не только на областном уровне, но и во всех административно-территориальных единицах; до их утверждения они должны быть предметом широкого обсуждения местным населением, органов территориального общественного самоуправления. Высказанные идеи и пред-

ложения способны оказать помощь в составлении таких программ. Что касается не включенных в проекты программ предложений, то до их утверждения на сессии совета депутатов о причинах этого общественность должна быть проинформирована. Конечно, важно оказывать методическую помощь в составлении таких программ. На местном уровне также важны такие направления деятельности, как разрешение конфликта интересов, анализ сообщений граждан о возможных коррупционных правонарушениях, антикоррупционная экспертиза актов, в том числе силами юридических служб органов местного управления и самоуправления, мониторинг антикоррупционных факторов, стимулирование антикоррупционной активности институтов гражданского общества [15. – С. 60]. Особое внимание следует уделять мерам развития внутреннего контроля в организациях, подведомственным органам местного управления и самоуправления. В этих целях желательно поощрять разработку и принятие в организациях мер по внутреннему контролю, соблюдению этических норм для предотвращения

злоупотреблений должностным положением. Полезным было бы создание трудовыми коллективами контрольных органов, не зависящих от руководства, членов которых следовало бы наделить дополнительными трудовыми гарантиями, а также обеспечение максимально возможной публичности принятия решений в сфере приватизации, выделения земельных участков, жилья и т. п. В частности, следует предусмотреть обязательное опубликование информации о состоявшейся приватизации имущественных комплексов, их новых собственниках, социальных и иных условиях приватизации (за исключением сведений, составляющих коммерческую тайну), о выделении земельных участков конкретным лицам и т. п.

Поиск и нахождение эффективных средств воздействия на лиц, совершивших корыстные имущественные преступления, способны усилить экономическую безопасность государства, снизить количество таких преступлений, содействовать укреплению законности и правопорядка.

### Список литературы

1. *Басецкий И. И., Башан А. В.* Коррупция: теория и практика противодействия : монография. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2005.
2. *Василевич Г. А.* Укрепление правопорядка – важная гарантия стабильного развития общества // Проблемы управления. – 2009. – № 2 (31). – С. 14–18.
3. Доклад на республиканской научно-практической конференции, проходившей в Минске 11 декабря 2009 г. Проблемы совершенствования деятельности правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов, связанной с выявлением, предупреждением и пресечением коррупционных правонарушений : материалы научно-практической конференции (Минск, 11 декабря 2009 г.). – Минск : Генеральная прокуратура Республики Беларусь. 2010. – С. 5–14.
4. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение : сборник. – М. : Канон, 2006.
5. Жилищный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – 2012. – 1 сентября. 2/1980.
6. Институт конфискации в международном праве. – URL: <http://www.grandars.ru/college/pravovedenie/konfiskaciya-imushchestva.html> (дата обращения: 08.04.2016).
7. *Крылова Н. Е.* Уголовное право зарубежных государств (общая часть). – URL: <http://bellib.org/?p=32298> (дата обращения: 08.04.2016).
8. *Латов Ю. А.* Теневая экономика : учебное пособие для вузов. – М. : Норма, 2006.
9. О борьбе с коррупцией: Закон Республик Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – 2015. – 23 июля. 2/2303.
10. О методах борьбы с коррупцией // Суд Камбиса. – URL: <http://blog.i.ua/community/1952/1399729> (дата обращения: 08.04.2016).

11. Познер Р. А. Экономический анализ права : в 2 т. – Т. 1. – СПб. : Экономическая школа, 2004.
12. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – 7 апреля. – № 32. 2/140.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – 25 августа. – № 77–78. 2/71.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2001. – 24 декабря. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
15. Уголовный кодекс Республики Беларусь // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – 15 октября. – № 76. 2/50.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.
17. Указ Президента Республики Беларусь от 3 декабря 1994 г. № 250 (ред. от 11.01.2014) «Об утверждении Положения о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осужденных, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений» // Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. – 1994. – № 13. – Ст. 334.

### Особенности рассмотрения отдельных категорий дел судами США

**Т. Э. Зульфугарзаде**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

### Features of Consideration of Some Categories of Cases by US Courts

**T. E. Zulfugarzade**

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor  
of the Department of Civil Law of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

#### Аннотация

В статье выделены подходы к разрешению проблемных вопросов, связанных с необходимостью осуществления, в том числе судебной, самозащиты без адвокатской поддержки, по социальным показателям гражданами Соединенных Штатов Америки, что в большинстве случаев предопределяет заведомый проигрыш таких лиц в судебном процессе. Это в свою очередь связано с законодательными сложностями и неоднородностью процессуальных правил разрешения споров в разных штатах США, отсутствием у защищающихся необходимых навыков и опыта самостоятельного участия в судебных процессах. Приведены сегментированные данные так называемых «карт юридических пустынь», свидетельствующих о наличии специалистов в области судопроизводства, способствующих оказанию надлежащей юридической помощи. Также исследуются компаративные особенности правового обеспечения судебных дел с участием животных на основе сравнения правовых подходов, выработанных еще в средние века в ряде европейских государств и в США. Определены основные возможные направления унификации норм национального законодательства Российской Федерации и законодательства отдельных штатов США по процедурным вопросам в указанной сфере в рамках международного частного права.

**Ключевые слова:** юриспруденция, правовое обеспечение, суд, процесс, самозащита, гражданские дела, уголовный, адвокат, неюрист, унификация, животное.

#### Abstract

The author defines approaches to solving problematic issues related to the need for judicial, self-defense, without advocacy, on social indicators by citizens of the United States of America, which in most cases predetermines the deliberate loss of such persons in the judicial process. This is due to the legislative complexities and heterogeneity of the procedural rules for resolving disputes in different US states, the lack of the necessary skills and experience of the defendants to participate independently in trials. The author cites the segmented data of so-called "maps of legal deserts", which testify to the availability of specialists in the field of legal proceedings that facilitate the provision of proper legal assistance. Also, comparative features of the legal provision of court cases involving animals based on a comparison of legal approaches developed in the Middle Ages in a number of European countries and in the USA are also being investigated. The author defines the main possible areas of harmonization of the norms of the national legislation of the Russian Federation and the laws of individual states of the United States on procedural matters in this area, within the framework of international private law.

**Keywords:** jurisprudence, legal support, the court process, self-defense, civil cases, criminal, lawyer, non-lawyer, unification, animal.

---

На сегодняшний день проблемные вопросы самозащиты (без адвокатской поддержки) граждан в судах Соединенных Штатов Америки, а также компаративные особенности прак-

тики и процедур рассмотрения дел с участием животных судами США и ряда других государств не были, по нашему мнению, достаточно исследованы отечественными правоведом, что объективно предопределило необходимость проведения более подробного исследования вышеозначенных вопросов, отдельные результаты которого нашли свое отражение в том числе в данной статье.

Обращаясь прежде всего к проблематике самозащиты граждан в судах США, полагаем важным обратиться к мнению декана факультета в Центре доступа к правосудию университета штата Джорджия Лорена Судеала Лукаса и его коллеги, помощника директора того же Центра, Дарси Милс, согласно которому «каждый год миллионы людей пытаются ориентироваться в судах США без поддержки адвоката» [9]; а также судьи Апелляционного суда США в Седьмом судебном округе Чикаго и старшего преподавателя в Школе права Чикагского университета Ричарда Аллена Познера, в одном из своих заключительных мнений в должности судьи выразившего разочарование в связи с отклонением судебного иска одного из представлявших в суде собственные интересы истца, написав, что заключенный Майкл Дэвис «нуждается в помощи – нуждается в ней отчаянно – нуждается в адвокате» [8; 10].

Действительно, к огромному сожалению, обстоятельства дела Дэвиса далеко не уникальны. В США многие люди с низкими доходами, т. е., другими словами, по социальному (социально-экономическим) показателям не имеют адвокатов, чтобы помочь им ориентироваться в правовой системе или по гражданским, или по уголовным делам.

80% обвиняемых по уголовным делам в США не могут позволить себе оплатить услуги адвокатов, и только те, кто на самом деле взят под стражу, имеют конституционное право на адвоката по назначению суда. Многие люди, обвиненные в совершении правонарушений, могут, если они будут осуждены, подвергнуться значительным штрафам и сборам, потерять пособия (включая жилье) или быть депортированными. Тем не менее они не имеют права на адвоката по назначению суда, а тех, кто не могут позволить себе адвоката, будут судить без него.

По гражданским делам, в отличие от уголовных, в США не существует и не предполагается никакого федерального конституционного права на адвоката по назначению суда. Гражданские дела могут быть связаны с рассмотрением ряда важных вопросов, включая жилье, социальные льготы, опекунов детей и насилие в семьях. И хотя в некоторых юрисдикциях ответчики по гражданским делам могут иметь право на адвоката по назначению суда, в большинстве других случаев стороны, представляющие свои интересы в суде самостоятельно, и те лица, которые не могут позволить себе адвоката, будут вынуждены судиться в одиночку. Это может означать, что они или смогут выиграть по своим искам в судебном процессе, или что их иски будут отклонены, или что они проиграют в заведомо выигрышных делах.

В этой связи целесообразно отметить, что, по мнению вышеупомянутых американских юристов, такие люди, как, в частности, М. Дэвис, отчаянно нуждаются в квалифицированной юридической помощи. Без такого рода помощи их проблемы, вероятно, не будут урегулированы или, что еще хуже, против них будут вынесены ошибочные приговоры.

В некоторых штатах США от 80 до 90% сторон представляют свои интересы в суде самостоятельно, без адвокатов, хотя они есть у их оппонентов. За последнее десятилетие значительно возросло число этих *pro se litigants* (тяжущихся, действующих от собственного имени, без представительства адвокатами), отчасти из-за экономического спада, а отчасти из-за связи между ухудшающимися экономическими условиями жилищными и внутрисемейными проблемами.

В свою очередь общественная (негосударственная) правозащитная организация Северной Америки «Корпорация по оказанию юридических услуг» (Legal Services Corporation), единственный и самый крупный финансовый спонсор по оказанию юридической помощи американцам с низкими доходами, сообщила в июне, что порядка 86% американцев с низкими доходами получают или неадекватную, или никакую профессиональную юридическую помощь по гражданским правовым делам, с которыми они сталкиваются. Например, только в 2016 г. в судах штата Джорджии было рассмотрено более

800 000 дел с участием сторон, представлявших свои интересы в суде самостоятельно, без поддержки адвокатов.

В отдельных случаях отсутствие квалифицированной юридической поддержки может привести к кардинальному изменению ситуации при рассмотрении судебного спора. Возьмем, к примеру, съемщиков жилья с низкими доходами, которые ожидают выселения. Как правило, в среднестатистическом административном округе США примерно 90% домовладельцев, сдающих в аренду квартиры или другие помещения, представлены адвокатами, а 90% арендаторов жилья – нет. Только с адвокатом можно повысить шансы не быть выселенным из арендуемой квартиры или дома. В свою очередь в Нью-Йорке не представленных адвокатами арендаторов выселяют примерно в 50% случаев. При этом с адвокатами они выигрывают примерно в 90% случаев.

Важность и подчас необходимость прибегать к услугам адвокатов в США (и не только) обусловлена прежде всего тем, что в современных реалиях даже самые обыденные правоотношения могут потребовать прохождения десятков шагов и сложного маневрирования. Другими словами, важна так называемая правовая навигация, т. е. знания и умения ориентироваться в правовых вопросах и процедурах, в том числе судебных.

В своей работе «Demand Side Reform in the Poor People's Court» [11. – P. 791] профессор Школы права Университета Джорджа Вашингтона Дж. К. Стейнберг отмечает, что исследователи идентифицировали около двухсот дискретных задач, которые должны были решить в гражданских делах тяжущиеся, представлявшие свои интересы в суде самостоятельно, без адвокатов, – от поиска соответствующего суда до толкования закона, подачи ходатайств, сбора доказательств и ведения переговоров по урегулированию дела. Некоторые из этих задач требуют наличия специальных знаний законодательства и судебной системы. Почти все это занимает достаточно большое количество времени, свободного от работы и ухода за детьми. Многие также нуждаются в помощи добраться до здания суда, прочитать и поговорить на английском или получить доступ к переводчику.

Профессор Дж. К. Стейнберг также отмечает, что в 2013–2014 гг. Лаборатория доступа к правосудию в Школе права Гарварда выявила, насколько запутанной может быть система правосудия. Для того чтобы только начать рутинный процесс по назначению, например, законного опекуна для несовершеннолетнего, может потребоваться сделать много шагов, и даже они могут различаться неожиданным образом, учитывая естественные различия между судьями и особенности конкретного случая.

Независимо от типа данного дела пропуск только одного шага сможет закончиться тем, что заинтересованному лицу придется снова начать весь процесс, или даже привести к тому, что дело будет отклонено, иногда без возможности повторной подачи иска.

На бытовательском уровне люди часто делают колкие замечания по поводу наличия слишком большого числа юристов. Однако реальность такова, что, хотя в некоторых географических районах и некоторых узких специализациях есть много юристов, во многих сельских районах, иногда называемых «юридическими пустынями», на самом деле их слишком мало.

Еще одна североамериканская негосударственная некоммерческая правозащитная организация «Сеть самопомощи тяжущихся» (SRLN), в которую входят юристы-новаторы, судьи, сотрудники судебных органов, юристы-технологи, библиотекари и другие специалисты по смежным специальностям, считающие, что каждый человек заслуживает доступа к правосудию, ориентированная на реформирование системы правосудия в целях оказания помощи тяжущимся без поддержки адвокатов, также продемонстрировала карты (так называемые карты юридических пустынь), на которых показано, как доступ к системе правосудия может варьироваться по всей стране а иногда даже в одном и том же штате. Данные, представленные SRLN, в целом подтвердили выводы исследователей из Гарвардского университета, в соответствии с которыми, в частности в штате Джорджия, есть пять округов, в которых вообще нет адвокатов, а в 59 – не более 10 в каждом.

По мнению исследователей, еще хуже то, что во многих из этих округов общественный транспорт и доступ к Интернету оставляют

желать лучшего, а у значительной части населения даже нет транспортных средств.

В этой связи полагаем целесообразным определить возможные направления и основные подходы, направленные на исправление сложившейся негативной ситуации в исследуемой сфере.

Некоторые эксперты, среди которых Джон Поллок из Национальной коалиции за право граждан на адвоката, сосредоточили свое внимание на расширении прав неимущих лиц быть представленными адвокатами в гражданских делах, затрагивающих такие основные человеческие потребности, как жилье, охрана здоровья, бытовое насилие и опека над детьми. Другие выступают за расширение права лиц, совершивших незначительные уголовные преступления, быть представленными адвокатами в уголовных делах, решения по которым могут возводить невероятно высокие барьеры к доступу к жилью или трудоустройству или привести к депортации.

Так, в частности, Вашингтон стал первым штатом в США, предложившим доступный вариант юридической поддержки для удовлетворения потребностей тех, кто не может позволить себе оплатить услуги адвоката. В штате Вашингтон Техники – юристы с ограниченной лицензией (LLLT) в настоящее время обучаются и лицензируются на право консультирования и оказания помощи людям, которые разводятся, ходатайствуют об опеке над детьми и по другим вопросам семейного права. Они могут консультировать и советовать, заполнять и отправлять необходимые судебные документы, помогать планировать время судопроизводства и поддерживать клиента в ходе навигации по запутанному лабиринту правовой системы.

Сегодня в штате Вашингтон так называемые «неюристы» (лица, не имеющие юридического образования) могут обучаться и получать лицензию на оказание юридической поддержки тем, кто не может позволить себе оплатить услуги адвоката.

В свою очередь другие ученые, такие как Ричард Зорза, основатель Сети представляющих свои интересы в суде самостоятельно, настаивают на упрощении юридических процессов, в том числе на изменении или устранении процедурных и доказательных правил, которые усложняют сам процесс. Например,

Верховный суд Теннеси утвердил формы и инструкции на языке, доступном ученикам с пятого до восьмого класса, для использования в неоспариваемых бракоразводных процессах между сторонами с несовершеннолетними детьми.

Возможно, что это проблема могла бы решиться с увеличением числа доступных ресурсов самопомощи или возложением ответственности на суды и требованием более активной роли судей в решении этой проблемы.

Применение того или иного из вышеперечисленных подходов, несомненно, может зависеть от сути самого дела; следовательно, эффективным, по нашему мнению, будет решение, включающее в себя то или иное сочетание вышеуказанных подходов. В некоторых делах может потребоваться полная поддержка адвоката, а в других контекстах могут стать достаточными упрощенные процедуры и более простые формы для того, чтобы *pro se litigants* (тяжущиеся, действующие от собственного имени, без представителя адвокатами) могли бы получить справедливое отношение к себе.

Каким бы ни было решение, проблема ясна: жалобы тяжущихся, действующих от собственного имени, реальны, и для слишком многих правосудные решения недостижимы.

Перейдем к рассмотрению особенностей судебных дел с участием животных, что имеет важное значение для развития национальных систем права цивилизованных государств и совершенствования в том числе международного частного права, когда «... установление содержания норм иностранного права ... фактически переложено на стороны...» [1. – С. 67].

Обратимся к историческим фактам, объясняющим влияние судебных традиций средневековой Европы на современное процессуальное право США и целого ряда других стран.

В 1386 г., в старинном нормандском городе Фалез (фр. Falaise, коммуна во Франции, находится в регионе Нормандия, департамент Кальвадос, округ Кан, центр одноименного кантона) собралась огромная и пестрая (разношерстная) толпа на месте казни осужденной убийцы. Присутствовавшие зрители надели свои лучшие бархатные костюмы и украшения, а заключенной по такому случаю

был выдан новый костюм, и художник увековечил сцену ее казни на фреске. На протяжении более 400 лет на западной стене городской церкви красовалось свидетельство о том невероятном судебном процессе (до разрушения его по неосторожности в 1820 г. маляром-побельщиком): вышеупомянутой преступницей была свинья, которая «наслаждалась укорененной в ней злобной склонностью к поеданию младенцев на улицах» [2], за что и была приговорена к отсечению головы и передних лап перед казнью ее через повешение.

Суть дела состояла в том, что в 1386 г. в Нормандии свинья напала на мальчика, изобразив ребенку лицо и руку. Суд приговорил животное к повешению. Кроме того, перед смертью осужденная должна была получить те же увечья, что и пострадавший от ее злодеяний мальчик. Казнили свинью в человеческой маске, перчатках, жилете и панталонах.

Несмотря на широко распространенное мнение о том, что странные судебные процессы являются исключительным хобби американцев, целесообразно отметить, что средневековая Европа превзошла в этом США. На протяжении столетий в судах Франции, Италии, Швейцарии и других близлежащих к ним стран судили свиней, собак, крыс, кузнечиков и улиток за преступления против людей, имущества и Бога. Судебные разбирательства против этих животных были двух видов: 1) по искам мирян против отдельных существ, изувечивших или убивших людей; 2) по церковным искам против таких вредителей, как мыши и саранча, которых отлучали от церкви за их преступления, связанные с уничтожением и порчей зерна. С тех пор ученые пытались понять, почему причудливые разбирательства такого вида вообще имели место. Как однажды заметил профессор права Уильям Эвальд: «Никому не известно, для чего они были нужны, и никто и сегодня ничего не знает об этом» [12].

Самым исчерпывающим трудом по этой теме, автором которого был Э. П. Эванс, является «Хронология преследования животных с девятого до двадцатого столетия» [6], в которой приведены подробности 196 судебных разбирательств в четырнадцати странах. В трудах Американского общества философов были описаны последние минуты жизни свиноматки из Фалеза. «Сама распростра-

ненность этой практики во времени и во многих местностях показывает, насколько живой и общепринятой она была и не зависела от страстей или суеверий в конкретной местности. Самыми многочисленными такие процессы были во Франции, хотя это было, по видимому, связано с более тщательным изучением древних записей французскими буквоедами в отличие от их иностранных коллег» [6. – Р. 124].

В декабре 1457 г. Франция вновь стала местом казни животного – на этот раз свиноматки в коммуне Савиньи, где она была признана убийцей вместе с шестью ее поросятами, морды которых оказались замазанными кровью. После поимки всех этих семи свиней они были заключены в тюрьму и в конечном итоге предстали перед судом. В указанной связи Эстер Коэн в своей книге «Право, фольклор и обычаи животных» [4], отмечает, что с самого начала того судебного разбирательства было ясно, что владельца свиноматки – формально подсудимого – обвинят только в небрежности и не подвергнут фактическому наказанию за убийство его свиньями пятилетнего Джехана Мартина; свиноматке же был вынесен смертный приговор. Выслушав показания и посоветовавшись с мужами, знатоками местного законодательства, судья приговорил свинью-преступницу, в соответствии с обычаями Бургундии, к казни через повешение за задние лапы. Шесть поросят ее избежали смерти, так как никто не смог доказать, что они участвовали в преступлении, хотя и были пойманы с покрытыми кровью мордами.

Когда все было решено, суд призвал профессионального палача для выполнения вынесенного приговора. Во всех случаях зарегистрированных судебных разбирательств в отношении животных судья, адвокаты, советники и палачи относились к рассмотрению дел с такой же серьезностью, как и к другим убийствам. Историк Питер Динзельбахер в статье «Привлечение животных к судебной ответственности: междисциплинарный подход» [5], утверждает, что участие в судебных процессах над животными традиционных, а не специально назначаемых судебных работников является «ключевым свидетельством того, насколько серьезными были эти разбирательства. Судьи, судебные приставы и

другие выполняли свои обязанности не за бесплатно, а тюремщики взимали такие же суточные ставки за содержание в заключении свиньи, как и за человека-заключенного» [5. – Р. 406]. Как оказалось, город Фалез все еще в долгу перед палачом за исполненную им казнь и покупку новых перчаток.

Суды над свиньями в Фалезе и Савиньи были типичными по месту и по времени исками, предъявленными мирянами к животным. Кроме того, свиньи «по-видимому, были ответственны за гибель многих детей, оставшихся без присмотра» и считались обычными преступниками, хотя в записях упоминаются также и кровожадные коровы, и лошади, и собаки. Главное, по заключению Коэна, что «суд в Савиньи был типичен в его скрупулезной приверженности к соблюдению юридических правил и надлежащей судебной процедуры» [11. – Р. 632].

Были также проведены сравнения с процессами по искам против ведьм, а также с делами, возбужденными против неодушевленных предметов или чучел (особенно ненавистных существ). Хотя судебные процессы над отдельными животными обычно не были связаны с предпосылкой об их одержимости дьяволом или другой демонической деятельностью, казнь в 1474 г. петуха была чем-то в роде исключения.

Отметим, что петух совершил преступление – снес яйцо, причем сделал это на глазах множества базельцев. Этот невероятный случай нагнал на жителей истинный ужас – они решили, что из яйца должен вылупиться не обычный цыпленок, а самый настоящий василиск, дьявольское создание, наполовину курица, наполовину змея. Когда палач разрубил петуха на куски, то обнаружил внутри него еще три яйца. По легенде, чтобы из яйца вышел василиск, петуху должно быть семь лет, высиживать яйцо должна змея Кольбер (по другой версии – жаба, а по третьей его шесть недель должна носить под мышкой девственница – в этом случае, он будет исполнять все ее желания). Сколько лет было базельскому петуху, не известно, но горожане сочли, что его казнь отделались от страшной напасти.

Таким образом, этой птице, принадлежавшей гражданину Базеля, грозила смертная казнь за снесенное яйцо. Источники не

согласны с тем, вылупился ли из этого яйца василиск (восьминогая либо шестиногая рептилия) или кокатрайс (настоящий, исторический василиск, который мог появиться только из яйца, снесенного петухом и высиженного змеей или жабой), но оба варианта были признаны нежелательными, и петух был казнен. «Хотя вера в существование василисков сохранялась веками, – пишет Коэн, – так случилось, что никому не пришлось фактически казнить живого петуха до наступления пятнадцатого столетия» [11. – Р. 633].

В свою очередь Питер Динзельбахер считает, что для правильного понимания судов над животными необходимо знание нескольких уникальных факторов, действовавших в позднем Средневековье. Тот период времени был одним из критических, «в котором для обеспечения правопорядка было необходимо применение крайних мер» [5. – Р. 417]. Он отмечает, что такие судебные разбирательства имели место «только в явно необычных обстоятельствах, чтобы помочь местному сообществу справиться с трудно устранимыми угрозами, и не потому, что эти процессы были эффективными, а потому, что они создавали впечатление, что власти усердно поддерживают законность и правопорядок кооперативным и решительным методом, даже если преступники и не были людьми» [5. – Р. 419]. Они ни в коем случае не были изобретением мрачного Средневековья, а на самом деле проходили в основном между XIII в. и началом эпохи Просвещения, хотя случаются и сегодня, как, например, в случае македонского медведя, осужденного в 2008-м за кражу меда у пчеловода (иск жителя македонского города Битола Зорана Киселовского к дикому бурому медведю, который регулярно разорял его пасеку, был удовлетворен судом полностью: пасечник получил компенсацию в сумме, эквивалентной 3 тыс. долларов США).

Устав от борьбы с бессовестной тварью, пасечник подал на медведя в суд, потребовав от него финансовой компенсации. Несмотря на то, что обвиняемый на заключительном заседании не присутствовал, он был признан виновным в нанесении ущерба на сумму 140 тыс. динаров (более 3 тыс. долларов США), которые, в виду отсутствия у животного хозяина придется выплатить государству.

В то же самое время, когда такие животные, как свиньи, лисы, волки, козы, ослы, быки, коровы, собаки, лошади и овцы, попадали под юрисдикцию гражданских и уголовных судов и были бы в конечном счете казнены путем повешения или сжигания после вынесения им обвинительного приговора, церковные трибуналы рассматривали судебные иски ко всем паразитам – от полевых мышей, крыс и кротов до клопов, жуков, угрей, пиявок, саранчи, змей, улиток, термитов, долгоносиков и червей. Несмотря на то, что они вряд ли считались католиками, такие существа наказывались отлучениями от церкви, а не казнями. Такой иной подход к ним был связан с тем, что «грызуны и насекомые не были подконтрольными людям и не могли быть арестованы и посажены в тюрьму гражданскими властями» [11. – Р. 634]. Следовательно, в таких случаях было необходимо обращаться к вмешательству Церкви.

В судебных процессах над паразитами часто применялась следующая процедура: иски подавались городами или местностями, пострадавшими от воздействия вредителей. Адвокат назначался для защиты этих вредителей, если основания для привлечения их к суду были бы признаны достаточными. Повестки о вызове в суд затем выписывались должностным лицом суда, который зачитывал их громким и торжественным голосом «в местах, в которых часто бывали эти вредители» [11]. Им предоставлялись три возможности появиться в суде и защитить себя; в случае проигрыша, что обычно имело место, им предлагалось покинуть район их пребывания в течение определенного периода времени. Их неспособность прибыть на место вынесения приговора и подчиниться ему приводила к маловероятному наказанию: отлучению от церкви.

Ответ на вопрос, почему Церковь вовлекала себя в такие дела, остается для обсуждения, хотя у экономиста Питера Т. Лисона есть интересная теория по этому поводу. В статье «Vermin Trials» [7] (Суды над паразитами), опубликованной в одном из журналов в сфере права и экономики, Лисон утверждал, что католическая церковь использовала церковные суды над животными для увеличения доходов от десятины в районах с высоким уклонением от их выплат прихожанами. Такие

судебные процессы, утверждает Лисон, «способствовали их сбору, укрепляя веру граждан в справедливость церковных наказаний за уклонение от выплаты десятины: отчуждение от Бога за грехи, отлучение и проклятие от церкви» [7. – Р. 818].

Позднее, уже в XVI столетии, граждане Отена (фр. Autun, город в Бургундии, Франция, на реке Тернен) обвинили местных крыс в преступном поглощении и бессмысленном уничтожении их урожаев ячменя. Несколько ранее, в XV столетии один из видов жука, *inger*, был обвинен в опустошении полей Берна, Швейцария. В том же столетии был возбужден иск против мух в Майнце, Германия. «Религиозные судьи в таких процессах демонстрировали свою явную справедливость в отношении вредителей», – пишет Лисон; когда мухи отказались появиться в суде после того, как их вызывали в него должным образом, суд пожалел их из-за небольших размеров и молодости и назначил для них более адекватного защитника для предотвращения дальнейших непооявлений. Сообщества часто подавали в суд на вредителей совместно: «В 1659 г. итальянские коммуны Чиавенна, Месе, Гордона, Прада и Самолико объединились в преследовании гусениц, которых они обвинили в незаконном проникновении на их территорию как посторонних лиц и в повреждении их полей» [7. – Р. 819].

Экономический анализ Лисона помог бы объяснить, почему судьи «приговаривали к отлучению и проклятию тех существ, которые вообще никогда и не причащались» [7. – Р. 821]. Он также помог бы объяснить географию распределения судебных процессов (Франция, Италия, Швейцария), а также их проведение с 15-го по 17-е столетия. «Суды над паразитами, – утверждает Лисон, – базировались на суевериях, которые были распространены в то время из-за ограниченности знаний о вредителях и методах их контроля. Средства борьбы против грызунов в течение этих столетий включали в себя распыливаемую над полями хорьковую золу или воду, в которой была омыта кошка, для отпугивания мышей; поимку грызуна, кастрирование его и выпуска в стаю его сородичей для ограничения их размножения; посадку кустов касторового масла в пораженных полях для отпугивания кротов; подвешивание

ожерелья из чеснока на шею вожakov стада, чтобы защитить овец от волков» [7. – Р. 823]. В сравнении с такими средствами церковное судопроизводство не представляется совершенно необоснованным. Его можно назвать божественным пестицидом.

Теория Лисона также связана с колдовством и ересью, и в его статье приведена диаграмма судебных разбирательств над вредителями.

Загадочность судов над животными, равно как и над паразитами, издавна досаждала нам, или по крайней мере она долгое время досаждала специалистам по истории средних веков и историкам права. Такие судебные процессы, признанные преувеличениями или результатами плохого ведения архивных записей, пародировались в XVII в. великим французским драматургом Расином, в комедии которого «Сутяги» одну из ролей играет собака, пытавшаяся украсть каплуна (кастрированного петуха). Такие судебные процессы, в которых должна была бы быть какая-то логика, но почему-то ее не было, не соответствуют современным взглядам на рассматриваемые судебные процессы.

Подобного рода процессы продолжают и по сей день, главным образом в тех отдаленных районах, где католицизм сохранил свое влияние. В указанной связи Коэн отмечает: «...хотя такие судебные разбирательства и не были способны урегулировать споры и сохранить мирные взаимоотношения, они были важными в иных смыслах» [11. – Р. 636].

Современная судебная практика США продолжает изобиловать примерами привлечения животных к ответственности. Впрочем,

в современном мире о смертной казни при разрешении подобного рода дел речи не идет. Как правило, речь идет о менее суровых видах наказаний. Например, в 2010 г. суд штата Теннесси приговорил пит-бультерьера за причинение механических повреждений полицейскому автомобилю к ношению жетона с надписью «потенциально опасен» и обязательному посещению собачьей школы хороших манер в течение шести месяцев. Соответствующие обязанности суд возложил на хозяина собаки [3].

Завершая исследование, отметим, что подобного рода судебные процессы определили наше отношение к животным и снова подтвердили, что наши современники способны защищать в судебном порядке по всему миру права граждан, логичные и нелогичные. В свою очередь при взгляде через призму истории они учат нас, что стремление к рациональному правопорядку в одном столетии выглядит странным в другом. При этом также важно отметить, что и в российской судебной практике со временем начнут рассматриваться аналогичные дела, связанные прежде всего с причинением вреда личности дикими животными, являющимися собственностью Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования. В указанной связи вышерассмотренный опыт может отчасти оказать влияние и на развитие отечественной судебной практики.

Немаловажно понимать, что на первых порах помощь в рассмотрении подобного рода дел, помощь пострадавшим гражданам могут оказывать и правозащитные организации, что подробно рассматривалось в первой части статьи.

#### Список литературы

1. Международное частное право : учебник // под ред. Р. А. Курбанова. – М. : Проспект, 2015.
2. Самые громкие судебные процессы над животными. – URL: <http://russian7.ru/post/7-gromkikh-sudebnykh-processov-nad-zhivot/> (дата обращения: 09.01.2018).
3. Собаке дали 6 месяцев за нападение на машину. – URL: [https://mignews.com.ua/bezumnyj\\_mir/kuryozy/2281624.html/](https://mignews.com.ua/bezumnyj_mir/kuryozy/2281624.html/) (дата обращения: 09.01.2018).
4. *Cohen E.* Law, Folklore and Animal Lore. – Past and Present, 1986.
5. *Dinzelbacher P.* Animals Trials: a Multidisciplinary Approach // *Journal of Interdisciplinary History.* – 2002. – Vol. 32. – N 3. – P. 405–421.

6. *Evans E. P.* The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals. – Farber & Farber 1987.
7. *Leeson P. T.* Vermin Trials // *Journal of Law & Economics*. – 2013. – N 56. – P. 811–836.
8. *Liptak A.* An Exit Interview with Richard Posner, Judicial Provocateur // *The New York Times*. – 2017. – Sept. 11. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/11/us/politics/judge-richard-posner-retirement.html> (дата обращения: 09.01.2018).
9. *Lucas L. S., Meals D.* Every Year, Millions Try to Navigate US Courts without a Lawyer // *The Conversation*. – URL: <https://theconversation.com/every-year-millions-try-to-navigate-us-courts-without-a-lawyer-84159> (дата обращения: 09.01.2018).
10. *Posner R. A.* Every Year, Millions Try to Navigate US Courts without a Lawyer // *The Conversation*. – URL: <https://theconversation.com/every-year-millions-try-to-navigate-us-courts-without-a-lawyer-84159> (дата обращения: 09.01.2018).
11. *Steinberg J. K.* Demand Side Reform in the Poor People's Court. – George Washington University Law School, 2015.
12. *Vatomsky S.* When Societies Put Animals on Trial // *JSTOR Daily*. – URL: <https://daily.jstor.org/when-societies-put-animals-on-trial/> (дата обращения: 09.01.2018).

**Эффективное расходование бюджетных средств:  
состояние и перспективы совершенствования правового регулирования**

**Ю. А. Крохина**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет  
имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: jkrokhina@mail.ru

**Effective Expenditure of Budgetary Funds:  
the State and Prospects for Improving of Legal Regulation**

**J. A. Krokhina**

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department  
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: jkrokhina@mail.ru

**Аннотация**

Новые механизмы расходования бюджетных средств, к числу которых относится программно-целевой метод, требуют совершенствования правового обеспечения. Одной из основных проблем расходования бюджетных средств продолжает оставаться низкая эффективность использования государственных финансовых ресурсов, отсутствие юридической ответственности за неэффективное использование бюджетных средств. Отмечается, что в современных условиях замедления роста бюджетных доходов и повышения требований к эффективности деятельности органов государственной власти необходима модернизация управления общественными финансами. Также говорится о том, что распределение бюджетных ассигнований по государственным программам обеспечивается изменениями в правовом регулировании бюджетного процесса, в том числе перераспределением полномочий в сфере бюджетных отношений между органами законодательной и исполнительной власти. В статье проводится анализ внесенных изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации о переносе части полномочий законодательной власти в пользу исполнительной и о существенном сокращении участия Федерального собрания Российской Федерации в бюджетном процессе.

**Ключевые слова:** расходы бюджета, программно-целевой метод, эффективность расходов, расходные обязательства, Счетная палата, финансовый контроль.

**Abstract**

New mechanisms of budget expenditures, which include program-target method, require improving the legal framework. One of the main problems of budget spending remains low efficiency of use of public financial resources, lack of legal responsibility for the inefficient use of budget funds. It is noted that in the current conditions of slowing the growth of budget revenues and raising the requirements for the effectiveness of public authorities, it is necessary to modernize the management of public finances. It is also said that the distribution of budget appropriations for state programs is provided by changes in the legal regulation of the budget process, including the redistribution of powers in the sphere of budgetary relations between legislative and executive bodies. The article analyzes the amendments made to the RF Budget Code on the transfer of some of the powers of the legislative power in favor of the executive and on the substantial reduction in the participation of the Federal Assembly in the budget process.

**Keywords:** budget expenditures, program-target method, cost-effectiveness, expenditure commitments, Chamber of Accounts, financial control.

---

На сегодняшний день, несмотря на принимаемые государственной властью меры, в сфере правового регулирования расходов бюджетов наиболее актуальными остаются следующие проблемы:

1) осуществление расходов федерального бюджета по программно-целевому методу, правовое регулирование которого недостаточно проработано, а правоприменительная практика отсутствует;

2) низкая эффективность бюджетных расходов;

3) отсутствие юридической ответственности за неэффективное использование бюджетных средств.

Юридическое выражение целевого предназначения бюджетных средств определяется в результате системного взаимодействия нормативных юридических предписаний Бюджетного кодекса РФ (БК РФ), устанавливающих связь целевого предназначения бюджетных средств с исполнением расходных обязательств публично-правовых образований, а также зависимость бюджетных полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления по установлению и исполнению этих расходных обязательств от осуществляемых названными органами конституционных властных полномочий [1–4].

В Бюджетном послании Федеральному собранию РФ «О бюджетной политике в 2014–2016 годах» Президент РФ поставил задачу, в соответствии с которой должен быть завершен переход к программно-целевым методам стратегического и бюджетного планирования. Основным инструментом достижения целей государственной политики должны стать государственные программы, требования к которым будут вытекать из документов стратегического планирования, а механизмы и объемы их финансового обеспечения устанавливаться в долгосрочной бюджетной стратегии, трехлетних бюджетах и программе повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 г.

С 2014 г. осуществлен переход к программно-целевому методу бюджетного планирования, суть которого заключается в определении основных социальных, экономических и научно-технических задач для дальнейшего развития, а также в разработке взаимосвязанных мероприятий по их достижению в определенные сроки при сбалансированном обеспечении этих мероприятий финансовыми ресурсами с учетом их эффективного использования.

Переход к программно-целевым методам организации бюджетного процесса требует усиления контроля за разработкой и выполнением государственных программ, поскольку такой контроль должен происходить не только на стадии обсуждения проектов государственных программ Российской Федерации, но и на всех основных этапах: при разработке, поэтапной реализации, мониторинге, экспертизе, оценке результативности государственных программ.

В современных условиях замедления роста бюджетных доходов и повышения требований к эффективности деятельности органов государственной власти необходима модернизация управления общественными финансами. На сегодняшний день под этими словами понимается прежде всего переход к программно-целевой структуре бюджета, внедрение бюджетирования, ориентированного на результат. Правовое регулирование названных новаций осуществляется в первую очередь БК РФ (Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием бюджетного процесса»<sup>1</sup>).

Распределение бюджетных ассигнований по государственным программам обеспечивается изменениями в правовом регулировании бюджетного процесса, в том числе перераспределением полномочий в сфере бюджетных отношений между органами законодательной и исполнительной власти. Анализ внесенных в БК РФ изменений позволяет сделать вывод о переносе части полномочий законодательной власти в пользу исполнительной и о существенном сокращении участия Федерального собрания РФ в бюджетном процессе, особенно в части планирования и контроля за исполнением государственных целевых программ.

Статья 179 БК РФ устанавливает, что государственные программы РФ, государственные программы субъекта РФ, а также муниципальные программы утверждаются соответственно Правительством РФ, высшим исполнительным органом государственной вла-

<sup>1</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2331.

сти субъекта РФ, местной администрацией муниципального образования. Исполнительная власть определяет сроки реализации названных программ. Порядок принятия решений о разработке государственных и муниципальных программ, их формирования и реализации устанавливается соответственно нормативными правовыми актами Правительства РФ, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, муниципальным правовым актом местной администрации муниципального образования. Согласно новой редакции БК РФ, на рассмотрение Государственной думы представляется проект закона о федеральном бюджете в виде распределения расходов по уже утвержденным Правительством РФ государственным программам. Правительству РФ предоставляются полномочия по определению показателей оценки эффективности их реализации, а также по изменению этих показателей и принятию решения о прекращении государственных программ без участия Государственной думы.

Справедливо заметить, что равные права федеральной законодательной и исполнительной ветвей власти предусмотрены в части получения проектов государственных программ. Так, пункт 3 статьи 11 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле»<sup>1</sup> устанавливает обязанность федеральных органов исполнительной власти, являющихся ответственными за разработку и реализацию государственных программ, одновременно с внесением соответствующих проектов на рассмотрение в Правительство РФ представлять их в Государственную думу для рассмотрения ее профильными комитетами и Комитетом Государственной думы по бюджету и налогам. Однако бюджетное законодательство не предусматривает необходимости учета мнения Государственной думы о проектах государственных программ. Учитывая расширенные бюджетные полномочия Правительства РФ, предусмотренная БК РФ процедура внесения, рассмотрения и принятия поправок в закон о федеральном бюджете также в целом имеет формальный характер.

Тем самым в рамках официального бюджетного процесса законодательная власть не имеет возможности оказывать влияние на параметры государственных программ и распределение расходов внутри них; определять внутреннее содержание названных расходных ассигнований федерального бюджета; лишена реальной возможности рассматривать и утверждать объемы финансирования конкретных государственных функций.

Такое перераспределение полномочий ветвей власти в бюджетном процессе приводит к фактическому отсутствию действенного контроля за формированием и исполнением бюджетов всех уровней законодательной (представительной) ветвью власти и образуемыми ею органами внешнего финансового контроля – Счетной палатой РФ и контрольно-счетными органами субъектов РФ и муниципальных образований.

Действенный контроль за формированием и исполнением федерального бюджета – это необходимое условие достижения намеченных целей, решения поставленных задач. Отсутствие внешнего контроля противоречит принципу прозрачности (открытости) бюджетной системы и не обеспечивает повышения эффективности бюджетных расходов. Внешний контроль за решениями органов исполнительной власти в бюджетной сфере – неотъемлемая часть сдержек и противовесов в системе разделения властей. Создание и функционирование в этих целях Счетной палаты РФ прямо предусмотрено Конституцией, а также международно-правовыми нормами.

В условиях программно-целевого бюджета представляется целесообразным утверждение Государственной думой индикаторов эффективности государственных программ, а также наделение ее полномочиями в рамках бюджетного процесса по проведению анализа и утверждению показателей оценки эффективности реализации государственных программ. Соответствующие вопросы могли бы рассматриваться профильными комитетами Государственной думы, а решения оформляться ее постановлениями после обсуждения на пленарных заседаниях.

Такой механизм обеспечит действенный парламентский контроль за формированием и исполнением федерального бюджета при непосредственном участии Счетной палаты

<sup>1</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2304.

РФ в формировании показателей (критериев) оценки эффективности реализации государственных программ (предварительный контроль) и проведении аудита эффективности реализации указанных программ на основе утвержденных показателей (критериев).

Следующей актуальной проблемой продолжает оставаться вытекающее из предписаний БК РФ соотношение критериев результативности и эффективности использования бюджетных средств. Исходя из предписаний абзаца 9 статьи 31 БК РФ, полученная экономия по расходам рассматривается законодателем в качестве одного из признаков эффективного исполнения бюджета. Таким образом, эффективность использования бюджетных средств отождествляется законодателем с экономией средств при исполнении бюджета. При этом эффективность использования бюджетных средств выступает как следствие проявления результативности, т. е. достижения заданного результата с использованием наименьшего объема средств или достижения лучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств [10. – С. 20; 21; 23; 24]. Бюджетный кодекс не содержит предписаний, указывающих на проявление критерия эффективности в ходе формирования расходов на стадии составления бюджета. Действие юридического предписания статьи 34 БК РФ о необходимости достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств распространяется только на стадию исполнения бюджета, так как при формировании расходов при составлении бюджета объемы бюджетных ассигнований еще не определены. При этом действие юридического предписания статьи 34 БК РФ о необходимости достижения заданного результата с использованием наименьшего объема средств распространяется как на стадию исполнения бюджета, так и на стадию формирования расходов при составлении бюджета. С учетом вышеназванных обстоятельств представляется возможным вывод о том, что критерий эффективности является вторичным, производным от критерия результативности.

Согласно предписаниям статьи 34 БК РФ, результативность и эффективность использования бюджетных средств выражаются законодателем через понятия «заданный резуль-

тат» и «наилучший результат». С учетом полученных в ходе исследования выводов «заданные результаты» представляют собой заданные характеристики финансовой обеспеченности задач и функций государства и местного самоуправления. Под «наилучшим результатом» представляется обоснованным понимать финансовую обеспеченность наибольшего объема названных задач и функций. Следует иметь в виду, что принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств основан на регулировании соотношения между «заданными», или «наилучшими», результатами исполнения бюджетных обязательств и стоимостными характеристиками этих результатов.

Согласно предписаниям статьи 174.2 БК РФ, планирование бюджетных ассигнований при составлении бюджетов осуществляется отдельно по действующим расходным обязательствам и принимаемым обязательствам. При этом объемы действующих расходных обязательств на момент составления бюджетов определены правовыми актами, на основании которых они возникли. Таким образом, при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса обязаны исходить из необходимости исполнения соответствующих бюджетных обязательств с использованием объема бюджетных средств, равного размерам обязательств.

Следует согласиться, что в существующем правовом регулировании действие принципа результативности и эффективности использования бюджетных средств в отношении расходных обязательств, обусловленных нормативными правовыми актами, муниципальными правовыми актами, договорами и соглашениями, заключенными публично-правовыми образованиями или от их имени при осуществлении установленных полномочий органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также действующих иных расходных обязательств ограничивается юридической обязанностью участников бюджетного процесса при составлении и исполнении бюджета исходить из необходимости достижения финансовой обеспеченности задач и функций государства и местного самоуправления с использованием объемов бюджетных средств, равных объемам

соответствующих расходных (бюджетных) обязательств [5. – С. 27].

Проблема эффективного использования бюджетных средств выступает в последнее время на первый план. И это связано не только с неэффективностью института ответственности за нарушение бюджетного законодательства, предусмотренного БК РФ, но и с усилением борьбы с коррупцией в бюджетной сфере. Несмотря на то, что 7 мая 2013 г. Федеральным законом № 104-ФЗ в БК РФ внесены изменения (в новой редакции изложена статья 34 БК РФ, а именно из наименования статьи было исключено слово «результативность»), сущность этого принципа практически осталась та же. Тем самым законодатель постарался уточнить понятие эффективности использования бюджетных средств, но остается множество вопросов, связанных с проблемой оценки эффективности использования бюджетных средств, поскольку именно данный принцип является очень важным на стадии исполнения бюджета, когда реализуются права бюджетополучателя.

Пленум Высшего арбитражного суда РФ в своем Постановлении от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации»<sup>1</sup> пояснил, что, «оценивая соблюдение участниками бюджетного процесса указанного принципа, судам необходимо учитывать, что участники бюджетного процесса в рамках реализации поставленных перед ними задач и в пределах выделенных на определенные цели бюджетных средств самостоятельно определяют необходимость, целесообразность и экономическую обоснованность совершения конкретной расходной операции».

Таким образом, получатели бюджетных средств, являясь субъектами, реализующими данный принцип на практике, сами решают в пределах утвержденных им лимитов бюджетных обязательств, доведенных по определенным кодам бюджетной классификации (предельных объемах финансирования), куда, как и сколько потратить денежных средств. В соответствии со статьей 162 БК РФ, именно получатель бюджетных средств уполномочен обеспечивать результативность и целевой

характер использования предусмотренных ему бюджетных ассигнований.

При этом, как верно отмечает Ю. А. Кошелева, самостоятельность принятия таких решений ограничивается только поставленными перед получателями бюджетных средств задачами и лимитами бюджетных обязательств [6]. Поэтому очевидно, что получатель бюджетных средств должен иметь четкое представление о том, в чем заключается эффективность его деятельности, связанная с использованием бюджетных средств.

Но вместе с тем возникает вопрос, как определить необходимость, целесообразность и экономическую обоснованность совершения конкретной расходной операции и какой орган и как должен оценить эффективность использования бюджетных средств, поскольку чаще всего на практике возникает такая ситуация, когда за большую сумму денежных средств в итоге достигается наименьший результат.

Представляется, что объективно оценить деятельность получателя бюджетных средств с точки зрения ее эффективности может либо главный распорядитель, либо компетентный контролирующий орган. При этом в законодательстве отсутствует единая методика определения и оценки не только результативности, но и эффективности использования бюджетных средств, несмотря на то что уже разработаны и применяются Методические указания для оценки эффективности капитальных вложений [9], деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ [7] и органов местного самоуправления [8], расходов, осуществляемых в рамках целевых программ<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См.: Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 8.

<sup>2</sup> См.: Приложение № 9 к федеральной целевой программе «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2015 года», утвержденное Постановлением Правительства РФ от 7 июля 2011 г. № 555 «О федеральной целевой программе "Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2015 года"» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (Ч. 2). – Ст. 4633; приложение № 14 к федеральной целевой программе «Жилище» на 2011–2015 гг., утвержденное Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2010 г. № 1050 «О федеральной целевой программе "Жилище" на 2011–2015 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 5. – Ст. 739).

Кроме того, ни один из органов специальной компетенции, за исключением Счетной палаты РФ, не обладает полномочием по оценке эффективности расходования бюджетных средств участниками бюджетного процесса.

Согласно статье 270.1 БК РФ, органы исполнительной власти (органы местной администрации) вправе создавать подразделения внутреннего финансового аудита (внутреннего контроля), осуществляющие подготовку и организацию осуществления мер, направленных на повышение результативности (эффективности и экономности) использования бюджетных средств. Таким образом, данная норма не предусматривает полномочия органов внутреннего финансового аудита по оценке эффективности использования бюджетных средств. И до тех пор, пока будут отсутствовать критерии оценки эффективности использования бюджетных средств, без которых невозможно определить степень опасности в случае нарушения бюджетного законодательства, законодателем не будет предусмотрена ни бюджетно-правовая, ни административная, ни уголовная ответственность, а значит, не будет установлена правовая основа для ее применения.

На наш взгляд, неслучайно 21 января 2013 г. в Государственную думу был внесен проект Федерального закона № 208784-6

«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11]. В пояснительной записке к законопроекту обращается внимание на пробелы законодательства, поскольку отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность за неэффективное или нерезультативное использование бюджетных средств. В связи с этим обоснованно предлагалось внести изменения в БК РФ, добавив в него статью 289.1 «Нерезультативное (неэффективное) использование бюджетных средств»; в КоАП РФ, добавив в него статью 15.14.1 «Нерезультативное (неэффективное) использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов», и УК РФ, добавив в него статью 285.4 «Нерезультативное (неэффективное) расходование бюджетных средств» и статью 285.5 «Нерезультативное (неэффективное) расходование средств государственных внебюджетных фондов». Однако данный законопроект принят не был, что, полагаем, негативно сказывается на эффективности расходования бюджетных средств.

Таким образом, анализ бюджетного законодательства, правоприменительной практики финансово-контрольных и судебных органов показывает, что правовые основы использования бюджетных средств требуют совершенствования.

### Список литературы

1. Голубев А. В. Расходы бюджетов – система властных предписаний // Государственный аудит. – Право. Экономика. – 2012. – № 3. – 28–33.
2. Голубев А. В. Расходы бюджетов как финансово-правовое понятие // Финансовое право. – 2012. – № 2. – С. 16–21.
3. Голубев А. В. Юридическое выражение адресности расходов бюджетов // Финансовое право. – 2012. – № 7. – С. 18–22.
4. Голубев А. В. Юридическое выражение целевого характера расходов бюджетов // Финансовое право. – 2012. – № 6. – С. 9–12.
5. Голубев А. В. Юридическое выражение результативности и эффективности использования бюджетных средств // Финансовое право. – 2013. – № 2. – С. 22–27.
6. Кошелева Ю. А. Неэффективное использование бюджетных средств // Финансовый справочник бюджетной организации. – 2012. – № 1.
7. Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 "Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 46. – Ст. 6350.

8. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 "Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов" и подпункта "и" пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 "Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления"» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7490.

9. Приказ Минэкономразвития России от 24 февраля 2009 г. № 58 «Об утверждении Методики оценки эффективности использования средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения» // Российская газета. – 2009. – 22 мая.

10. Саунин А. Н. Аудит эффективности в России: методика и практика / Гос. науч.-исслед. ин-т систем. анализа Счет. палаты РФ, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Высш. шк. гос. аудита (фак.). – М. : ОАО «Воентехиздат», 2010.

11. Государственная Дума Российской Федерации. – URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=208784-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=208784-6) (дата обращения: 25.01.2013).

**О некоторых правовых вопросах удовлетворения  
государственных нужд на территориях опережающего  
социально-экономического развития (ТОР) в Российской Федерации**

**В. А. Щербаков**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: V\_Scherbakov-rea@mail.ru

**On Some Legal Issues of State Need's Satisfaction in Territories  
of Advancing Social and Economic Development in the Russian Federation**

**V. A. Scherbakov**

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor  
of the Department of Civil Law of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: V\_Scherbakov-rea@mail.ru

**Аннотация**

В данной статье автор анализирует нормы права российского законодательства, которые регулируют способы удовлетворения государственных и муниципальных нужд в рамках территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР). Кроме того, автор данной статьи рассматривает некоторые, имеющие место в юридической науке, подходы в выборе способов и процедур удовлетворения государственных и муниципальных нужд на территориях опережающего социально-экономического развития (ТОР). В статье рассматриваются и такие особенности правового регулирования ТОР, как субъекты, которые, не являясь органами государственной власти, тем не менее осуществляют государственные полномочия и функции, а также способы и возможности этих субъектов удовлетворить свои нужды. Автор в статье также проводит краткий анализ исторического развития правового регулирования различных типов территорий с особым режимом предпринимательской деятельности, имевших место в Российской Федерации до появления ТОР.

**Ключевые слова:** государственные закупки, муниципальные закупки, размещение государственных заказов, размещение муниципальных заказов, конкурс, аукцион, территории опережающего социально-экономического развития, особые экономические зоны, государственно-частное партнерство.

**Abstract**

In present article, the author analyzes the Russian legislation which regulates the ways of satisfying state and municipal needs within the territories of advanced social and economic development. In addition, the author of this article examines some of the approaches, which are adopted in the legal science, in the choice of methods and procedures for satisfying state and municipal needs in the areas of advanced social and economic development. The article also considers such peculiarities of legal regulation of the territories of advanced social and economic development as the subjects that, not being the state authorities, but they are carrying out public functions. This article analyzes the ways and possibilities of satisfying the needs of these entities. The author also conducts a brief analysis of the historical development of the legal regulation of various types of the territories with a special business regime that took place in legislation of the Russian Federation before the law on territories for outpacing socio-economic development was passed.

**Keywords:** the public procurement, the municipal procurement, the placement of orders, the placement of municipal orders, tender, auction, territories of advanced social and economic development, special economic zones, public-private partnership.

Современное правовое регулирование требует последовательного и своевременного решения запросов общества и государства, которые в свою очередь определяются складывающейся обстановкой как внутри страны, так и на международном рынке. На сегодняшний день все более важное влияние на обстановку оказывают как глобализация и грянувший в 2008 г. глобальный кризис, так и внутренняя все большая систематизация потребностей государства и общества.

В связи с тем, что государство, как известно, осуществляет охрану и соблюдение общественных интересов, в свою очередь удовлетворение государственных (или публичных) нужд, как нам представляется, прямо корреспондируется с общественными интересами. В этой связи удовлетворение публичных нужд (под которыми понимаются как государственные, так и муниципальные нужды) требует детального правового регулирования.

На сегодняшний день имеются различные мнения о методах и путях удовлетворения нужд государственных заказчиков, а также субъектов с делегированными государством полномочиями на территориях со специализированным экономическим режимом деятельности. Так, к примеру, существует мнение, что субъект, осуществляющий государственные полномочия, может удовлетворить свои нужды, необходимыми для реализации этих полномочий, тремя способами:

1) посредством Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»<sup>1</sup> (далее – ФЗ № 223);

2) с помощью Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»<sup>2</sup> (далее – ФЗ № 44);

3) используя принципы государственно-частного партнерства [2. – С. 62–65].

Данные направления по ряду аспектов серьезно отличаются друг от друга. Рассмотрим

каждый из предложенных путей более подробно.

В настоящее время большая часть правоотношений по удовлетворению публичных нужд урегулирована специальным законом о госзакупках – ФЗ № 44. Этот закон пришел на смену предыдущему акту, который в течение длительного периода регулировал сферу государственных и муниципальных закупок, а именно Федеральному закону от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»<sup>3</sup>. Данный нормативно-правовой акт с 1 января 2014 г. прекратил действие в связи со вступлением в юридическую силу ФЗ № 44.

Отметим, что ФЗ № 44 устанавливает свою сферу регулирования как «отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок» (пункт 1 статьи 1). Он регулирует все этапы государственных закупок, начиная от планирования и заканчивая мониторингом и аудитом таких закупок (данных стадий в предыдущем законе не было и включение их в правовое поле является, на наш взгляд, явным шагом вперед).

Отметим, что немалый интерес в качестве объекта исследования вызывают особые зоны и территории со специальным режимом предпринимательской деятельности. Специфика правового регулирования таких зон проявляется во многих процессах, в свете чего вызывает интерес удовлетворение публичных интересов в таких зонах.

Рассматривая современное законодательство о зонах (или территориях) со специальным режимом предпринимательской деятельности, следует указать, что современный законодатель создал несколько типов таких зон, каждая из которых регулируется «своим» нормативным актом. Так, в российском правовом поле существуют особые экономиче-

<sup>1</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4571.

<sup>2</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

<sup>3</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3105.

ские зоны (правовое регулирование осуществляется Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»<sup>1</sup>); зоны территориального развития (Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>2</sup>); территории опережающего социально-экономического развития (Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»<sup>3</sup>, далее – ФЗ о ТОР).

Кроме того, в стране также созданы отдельные зоны со специальным режимом предпринимательской деятельности, которые изначально учитывали специфику той или иной конкретной территории. И в силу различных экономических и политических причин, той исключительности и значимости, которые придавались государством данным территориям, в отличие от типовых зон, для них были приняты соответствующие индивидуальные акты: Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре "Сколково"»<sup>4</sup> (по сути, создана зона «Сколково»); Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»<sup>5</sup>; Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток»<sup>6</sup> (данный акт фактически создает зону «Владивосток», но особый правовой режим применяется также и к другим территориям – как

Приморского края, так и некоторых других субъектов Дальнего Востока).

Отметим также, что все созданные российским законодателем особые зоны и территории регулируются и актами Таможенного союза, в частности «Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны»<sup>7</sup> (Санкт-Петербург, 18 июня 2010 г.).

В силу того, что территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОР) как тип зон создавались позже остальных, именно эти зоны со специальным режимом предпринимательской деятельности, как нам представляется, вызывают наибольший интерес. Кроме того, ТОР изначально были ориентированы на субъекты РФ в Дальневосточном федеральном округе (с последующей возможностью распространения режима ТОР на другие субъекты РФ). Таким образом, конструкция ТОР, их создание были задуманы законодателем для развития Дальнего Востока. А важность данной цели была отмечена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в его ежегодном Послании Федеральному собранию еще в 2013 г.: «Подъем Сибири и Дальнего Востока – это наш национальный приоритет на весь XXI в.»<sup>8</sup>

В силу приведенных выше обстоятельств большой интерес представляет правовое регулирование ТОР вообще и задачи удовлетворения государственных и муниципальных нужд в ТОР в частности.

В ТОР часть государственных функций передана особым организациям – управляющим компаниям. Для более ясного представления о том, что следует понимать под термином «управляющая компания», отметим, что ФЗ о ТОР в пункте 5 статьи 1 под данным понятием подразумевает «акционерное общество, которое определено Правительством Российской Федерации в целях осуществления функций по управлению территорией опережающего социально-экономического

<sup>1</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.

<sup>2</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (ч. 5). – Ст. 7070.

<sup>3</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1 (ч. I). – Ст. 26.

<sup>4</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 40. – Ст. 4970.

<sup>5</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 48. – Ст. 6658.

<sup>6</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4338.

<sup>7</sup> См.: Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 7.

<sup>8</sup> См.: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>

развития и сто процентов акций которого принадлежит Российской Федерации, и (или) дочернее хозяйственное общество, которое создано с участием такого акционерного общества (далее – дочернее общество управляющей компании)». Относительно управляющей компании пункт 4 статьи 8 ФЗ о ТОР устанавливает также, что «финансовое обеспечение деятельности управляющей компании осуществляется за счет собственных средств, средств федерального бюджета, а также за счет иных источников в соответствии с законодательством Российской Федерации». Таким образом, управляющая компания является получателем государственных средств (и функционирует не только за счет этих средств).

Исходя из статуса управляющей компании, можно сделать вывод, что она является одним из государственных заказчиков (существует на средства бюджета, осуществляет функции, делегированные государством). В связи с этим и возникает вопрос о том, каким образом такой заказчик может осуществлять закупки работ, товаров и услуг.

Вернемся к положению, приведенному выше, о трех способах удовлетворения государственных (муниципальных) нужд на территориях со специализированным экономическим режимом деятельности. Напомним, что один из путей удовлетворения этих нужд состоит в процессе применения ФЗ № 223. Это обусловлено тем, что ФЗ № 223 распространяет свое действие на хозяйственные общества в случае, если доля их участия в уставном капитале Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования в совокупности превышает 5–10%, а также на деятельность их дочерних хозяйственных обществ, если в уставном капитале им принадлежит доля в размере более 50% (требования пункта 2 статьи 1).

Следует отметить мнение коллеги А. В. Белицкой [2. – С. 63] о том, что ФЗ № 223 разрешает юридическому лицу с государственным участием самостоятельно устанавливать порядок выбора контрагента по заключаемым соглашениям, а также о том, что данный порядок подлежит опубликованию на сайте данного юридического лица.

Со своей стороны отметим, что пункт 2 статьи 3 ФЗ № 223 предусматривает в качестве способов отбора контрагента конкурс и аукцион, правила, которые, хоть и вкратце, но повторяют аналогичные правила для данных процедур, предусмотренные в ФЗ № 44, а в пункте 3 статьи 3 ФЗ № 223 заказчику дается право определять иные (помимо конкурса и аукциона) способы закупки. Законодатель не устанавливает случаи замены процедуры конкурса и аукциона на другие, как и правила приоритетности одних процедур над другими. Однако в связи с тем, что в пункте 2 статьи 3 ФЗ № 223 конкурсы и аукционы даются с некоторым, хоть и недостаточным, описанием, полагаем, что возможно именно эти процедуры должны рассматриваться как приоритетные. Кроме того, следует согласиться и с некоторыми авторами, которые обращают внимание на то, что в ФЗ № 223 описание конкурсов и аукционов дано слишком аморфно, а понятие неких «иных» способов закупки вовсе не дано [7. – С. 55]. Это становится особенно заметно при сравнении данного закона с ФЗ № 44, в котором весьма подробно описан перечень допустимых процедур отбора (включая разновидности конкурсов и аукционов), порядок их использования и приоритетность использования торгов в виде аукциона.

Высказано мнение некоторых исследователей, которые, приводя свое толкование положений статьи 3 ФЗ № 223, полагают, что «иными» способами закупки являются закупка у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), запрос котировок, запрос предложений «и другие способы, установленные заказчиком» [8. – С. 29]. Со своей же стороны отметим, что действующее законодательство Российской Федерации никаких нормативных указаний, позволяющих принять именно такое определение «иных» способов, как официально устанавливаемых, равно, как и возможностей расширительного толкования, не предоставляет.

Таким образом, несмотря на то, что использование ФЗ № 223 в отношении закупок товаров, работ и услуг управляющей компании формально возможно (для акционерного общества, в котором 100% акций принадлежит публичной власти и дочерних обществ, где не менее 50% акций в собственности та-

ких АО), тем не менее данный путь законодателем не полностью проработан, а потому, видимо, он наименее желателен, если есть какие-либо иные пути.

Вернемся к другим предложенным путям закупок. Так, для управляющих компаний предлагается вариант, предусмотренный ФЗ № 44 в пункте 5 статьи 15. Он предполагает возможность использования норм ФЗ № 44, в случае предоставления в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации [4] бюджетных инвестиций юридическому лицу, которое не является государственным или муниципальным учреждением, государственным или муниципальным унитарным предприятием, в целях реализации инвестиционных проектов по строительству, реконструкции и техническому перевооружению объектов капитального строительства. Нормы ФЗ № 44 распространяются на такое юридическое лицо при осуществлении им закупок за счет указанных средств в случаях и в пределах, которые определены в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации в рамках договоров об участии Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в собственности субъекта инвестиций. Отметим, что ФЗ № 44 так же, как и ФЗ № 223, предполагает конкурсный порядок отбора контрагента для заключения контракта.

Вместе с тем ФЗ № 44 предусматривает значительно более детальное правовое регулирование, нежели ФЗ № 223. Кроме того, ФЗ № 44 уже в своих статьях-принципах устанавливает обязательность конкуренции в процедурах отбора будущих поставщиков (подрядчиков, исполнителей). Так, например, пункт 2 статьи 8 ФЗ № 44 («Принцип обеспечения конкуренции») требует соблюдения «принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок». Данное правило нужно для того, чтобы по итогам отбора победитель представлял бы лучшие условия поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг. Таким образом, ФЗ № 44 однозначно требует, чтобы заказчик руководствовался принципом состязательности участников отбора.

Кроме того, данный закон закрепляет конкретный список возможных способов отбора поставщиков (подрядчиков, исполнителей). В частности, пункт 2 статьи 24 данного акта устанавливает перечень способов определения возможных контрагентов заказчика: конкурсы (широкий спектр их разновидностей), аукционы (включая электронный и закрытый), запрос котировок и запрос предложений. Заказчик вправе выбрать способ определения контрагента, однако придумывать свои «иные» способы он не может. Вместе с тем отметим, что, в соответствии с пунктом 1 статьи 2 ФЗ № 44, «нормы права, содержащиеся в других федеральных законах» и регулирующие отношения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, должны соответствовать ФЗ № 44. Следовательно, данная норма устанавливает наибольшую юридическую силу именно за положениями ФЗ № 44 (за исключением перечисленных в той же части Конституции РФ, ГК РФ, БК РФ), и все возможные коллизии норм права должны решаться в пользу норм ФЗ № 44. Таким образом, применение ФЗ № 44 для закупок товаров, работ и услуг управляющей компании целесообразно в силу большей ясности и проработанности его норм, а также из-за их юридического преобладания.

Третий способ осуществления функций управляющей компанией, предлагаемый в рассматриваемом комментарии ФЗ о ТОР, – это взаимодействие «на принципах государственно-частного партнерства». В качестве примеров приводятся концессионные соглашения, которыми «эффективно оформляют взаимодействие по организации строительства или реконструкции инфраструктурных объектов», а также «соглашения о государственно-частном партнерстве и соглашения о муниципально-частном партнерстве» [2. – С. 63].

Действительно, одним из наиболее ярких примеров государственно-частного партнерства являются отношения по концессионному соглашению. В целях регулирования этих правоотношений законодателем принят специализированный нормативный акт: Федеральный закон от 21 июля 2005 № 115-ФЗ

«О концессионных соглашениях»<sup>1</sup> (далее – ФЗ о концессии).

Содержание концессионных отношений раскрывается в концессионном соглашении. Так, пункт 1 статьи 3 ФЗ о концессии дает понятие такого соглашения: по концессионному соглашению одна сторона (концессионер) обязуется за свой счет создать и (или) реконструировать определенное этим соглашением имущество, право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (концеденту), осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения, а концедент обязуется предоставить концессионеру на срок, установленный этим соглашением, права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности.

Концедентом, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 ФЗ о концессии, могут быть как органы публичной власти (государственные и муниципальные), так и государственная компания, а концессионером – исключительно предпринимательские субъекты: индивидуальный предприниматель, российское или иностранное юридическое лицо либо действующие без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) два и более указанных юридических лица.

Таким образом, концепцию концессионных отношений в рамках ФЗ о концессии в кратком виде можно изложить следующим образом: частный субъект за свои средства создает и/или эксплуатирует некое имущество, которое через какое-то время должно быть передано в собственность публичному субъекту или лицу, его представляющему. Следовательно, публичный субъект (или замещающее его лицо) становится своего рода «отложенным» приобретателем. Кроме того, если речь идет об имуществе, то оно на момент перехода в собственность явно не новое, бывшее в эксплуатации и может иметь дефекты. Публичный субъект, таким образом, в сравнении с концепцией государственных и муниципальных закупок по ФЗ № 44 попадает

в менее выгодную для себя позицию. Заказчик, проводя закупки товаров, работ или услуг, становится покупателем, свободной стороной, никак не зависящей от другой стороны, а потому заказчик имеет возможность критически относиться к предложениям своих контрагентов. Заказчик по ФЗ № 44 не участвует в создании и эксплуатации имущества перед его переходом к заказчику. Полагаем, что закупка товаров, работ и услуг по ФЗ № 44 более устойчива к рискам приобретения некачественного предмета договора госзакупки, чем по тем же предметам, но в рамках государственно-частного партнерства. Ведь в последнем случае публичная сторона (или представитель с делегированными полномочиями) фактически является инвестором публичных средств в еще не готовый продукт, который, затем по итогам концессионного соглашения он берет в собственность.

Отметим, что А. В. Белицкая проводит обстоятельный анализ правовой сущности государственно-частного партнерства и в других своих работах. Так, в работе «Государственно-частное партнерство как альтернатива контрактной системе» [1] автор проводит сравнение государственно-частного партнерства и контрактной системы как различных форм взаимодействия публичной власти и частного предпринимательства.

В данной работе, к примеру, проводится анализ института государственно-частного партнерства в широком и узком значениях. В широком значении под государственно-частным партнерством подразумевается любое взаимодействие государства и бизнеса, направленное на достижение общественно полезного результата (например, совместная работа по улучшению инвестиционного климата), а в узком смысле – инвестиционный проект с участием государства и частного предпринимателя, построенный на паритетных началах.

Полагаем, что если рассматривать государственно-частное партнерство в рамках настолько широкого толкования, то, действительно, контрактная система может рассматриваться как разновидность государственно-частного партнерства. Однако автор статьи предпочитает придерживаться узкого значения данного термина, полагая, что государ-

<sup>1</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3126.

ственно-частное партнерство – это юридически оформленное на определенный срок, основанное на объединении вкладов и распределении рисков сотрудничество публично-го и частного партнеров в целях решения государственных и общественно значимых задач, осуществляемое путем реализации инвестиционных проектов в отношении объектов, находящихся в сфере публичного интереса и контроля.

Отметим, что, несмотря на то, что это определение сформулировано А. В. Белицкой до принятия действующего Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>1</sup> (далее – ФЗ о ГЧП), тем не менее выводы А. В. Белицкой в общем и целом актуальны на сегодняшний день. Определение государственно-частного партнерства, данное А. В. Белицкой, весьма близко к действующему нормативному определению государственно-частного партнерства. Так, статья 3 ФЗ о ГЧП устанавливает, что государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с данным Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества.

А. В. Белицкая считает, что отношения государственно-частного партнерства предполагают «баланс публичных и частных интересов, тогда как контрактная система направлена более на удовлетворение государственных нужд». Кроме того, по ее мнению, «кон-

трактная система – более формализованный институт, тогда как государственно-частное партнерство – явление рынка (инвестиционный проект)».

Как представляется, отношения в области государственных и муниципальных закупок основываются на балансе интересов следующим образом. Подача заявки будущим подрядчиком (или исполнителем) на участие в отборочных процедурах весьма недвусмысленно демонстрирует его добрую волю. При этом частный субъект заранее знакомится с техническим заданием и понимает возможный объем своей выгоды от участия в государственном (муниципальном) договоре.

Рассуждая же о рыночных явлениях, не следует забывать, пожалуй, что контрактная система в упрощенном виде регулирует отношения между публичным покупателем и частным продавцом товаров, работ или услуг. Данные отношения являются вполне рыночными, и тот факт, что возможные действия участников данных отношений урегулированы правом весьма детально, не может быть основанием для того, чтобы отказываться признавать их рыночными. Кроме того, если рассматривать данный вопрос с формально-правовой точки зрения, то нужно указать, что законодатель в ГК РФ, исходя из структуры данного нормативного акта, рассматривает договор поставки для государственных и муниципальных нужд как разновидность договора купли-продажи. Более того, в пункте 5 статьи 454 ГК РФ [5] договор поставки для государственных нужд помещен законодателем в перечень «отдельных видов» договора купли-продажи. Представляется, что «рыночность» договора купли-продажи не вызывает сомнений.

Кроме того, как верно указывает и сама А. В. Белицкая, отношения в области государственно-частного партнерства строятся, как правило, на базе софинансирования. Если вернуться к функциям управляющих компаний в ТОР, то следует напомнить, что идея использования инструментов государственно-частного партнерства предлагается для строительства инфраструктуры и последующей ее эксплуатации. Между тем, формирование общей инфраструктуры, как правило, является публичной функцией, и вполне логично,

<sup>1</sup> См.: Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (ч. 1). – Ст. 4350.

что в итоге данные объекты должны переходить в собственность государства или органов местного самоуправления. Производство элементов общей социально-экономической инфраструктуры означает в подавляющем большинстве случаев производство либо общественных благ, либо полезных побочных эффектов (положительных экстерналий). Первые по определению, а вторые, как правило, в экономически развитых странах, в частности, например, в Центральной, Северной Европе, производятся преимущественно именно государством. Применение модели государственно-частного партнерства в целях создания элементов инфраструктуры означает производство продуктов, работ или услуг, содержащих в себе прежде всего существенное социальное назначение и поэтому предполагающих государственные контроль и управление ими в интересах всего общества. Вместе с тем, хотя метод государственных закупок по ФЗ № 44 в свете вышесказанного кажется более предпочтительным в отношении государственно-частного партнерства, оба метода имеют свои положительные стороны и должны применяться в зависимости от сложившейся обстановки.

Как представляется, государственно-частное партнерство применимо в коммерческих проектах, однако создание инфраструктуры и уж тем более управление ею – это задача публичных субъектов, которые изначально и должны быть собственниками и распорядителями объектов инфраструктуры.

Отметим также, что некоторые частные примеры концессионных соглашений порой вызывают сомнения у специалистов, которые усматривают в таких соглашениях попытки уйти от конкурентной среды. Так, ФАС отменила концессионное соглашение на автодоро-

гу Стерлитамак – Кага – Магнитогорск. По данному соглашению предусматривалось 100%-ное покрытие концедентом (властями Башкирии) затрат концессионера на строительство и эксплуатацию дороги. Руководство ФАС России в лице его главы заявило, что такое соглашение является фактически госзакупкой, но с возможностью обойти конкурентные процедуры и завязать стоимость работ. В силу этого глава ведомства справедливо призвал к более ясному и подробному нормативному регулированию вопроса минимального порога инвестиций, которые берет на себя концессионер. В результате первый заместитель Председателя Правительства РФ И. И. Шувалов дал поручение подчиненным нормативно отделить госзакупки от таких концессионных соглашений, где публичная стоимость полностью оплачивает издержки инвестора [3].

Итог всего проведенного выше анализа различных способов удовлетворения государственных (муниципальных) нужд и нужд субъектов с делегированными государством полномочиями в ТОР может быть подведен следующим образом. Как представляется, наиболее подходящим способом (из всех перечисленных исследователями этого вопроса) нормативного регулирования в области привлечения частных структур в процесс удовлетворения публичных интересов при формировании инфраструктуры в ТОР является использование норм ФЗ № 44. Этот путь наиболее детально урегулирован, отвечает интересам заказчика (в этом случае он более независим), и, несмотря на сомнения некоторых коллег, этот путь является абсолютно рыночным способом удовлетворения государственных и муниципальных нужд.

### Список литературы

1. Белицкая А. В. Государственно-частное партнерство как альтернатива контрактной системе // Юрист. – 2014. – № 5. – С. 33–37.
2. Белицкая А. В. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (постатейный). – М. : Юстицинформ, 2016.
3. Бюджет оплатит риски // Российская газета. – 2017. – 22 марта. – № 7225.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
6. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию 2013 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>
7. Краев Н. А., Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (постатейный). – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Деловой двор, 2015.
8. Орлова Г. Ш. Практика применения Закона № 223-ФЗ: комментарии, разъяснения, рекомендации. – 2-е изд. – М. : ИД «Юриспруденция», 2015.
9. Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны (заключено в Санкт-Петербурге 18.06.2010) // Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 7.
10. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4350.
11. Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (ч. 5). – Ст. 7070.
12. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
13. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4338.
14. Федеральный закон от 18 августа 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4571.
15. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3126.
16. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3105.
17. Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре "Сколково"» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 40. – Ст. 4970.
18. Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 48. – Ст. 6658.
19. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1 (ч. I). – Ст. 26
20. Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.

**К проблеме отсутствия правового регулирования трансграничных банкротств в БРИКС:  
актуальность, вопросы и решения**

**П. И. Чувахин**

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

**Т. А. Себелева**

студентка 3-го курса РЭУ им. Г. В. Плеханова.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: tanya.seb@icloud.com

**Д. П. Смирнов**

студент 3-го курса РЭУ им. Г. В. Плеханова.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: danil97s@yandex.ru

**To the Problem of Lack of Legal Regulation of Cross-Border Bankruptcy in BRICS:  
Relevance, Issues and Solutions**

**P. I. Chuvakhin**

Senior Lecturer of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

**T. A. Sebeleva**

Third-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: tanya.seb@icloud.com

**D. P. Smirnov**

Third-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: danil97s@yandex.ru

**Аннотация**

В статье рассматривается проблема отсутствия механизма правового регулирования трансграничных банкротств в рамках БРИКС. Приводятся статистические данные, демонстрирующие динамику расширения сотрудничества и роста объемов международной торговли между странами – участниками БРИКС, а следовательно, и необходимость принятия ряда соглашений, регулирующих экономические отношения между государствами, в том числе механизмов сотрудничества при трансграничных банкротствах. В статье речь идет о методах реализации трансграничных банкротств и обосновывается целесообразность применения метода модифицированного универсализма в рамках БРИКС. Вносятся предложения о принятии и ратификации ряда соглашений, регламентирующих правила определения места возбуждения дела о банкротстве и ведения основного производства, полномочия как основного судебного органа, так и вторичных, установление основ взаимодействия между судами.

**Ключевые слова:** страны БРИКС, международная торговля, трансграничная несостоятельность, трансграничное банкротство, международное сотрудничество, правовое регулирование, метод параллельных производств, метод универсального производства, метод модифицированного универсализма.

**Abstract**

The problem of the lack of a mechanism for the legal regulation of cross-border bankruptcies within the BRICS is discussed in the article. Statistical data are presented showing the dynamics of expanding cooperation and the growth of international trade between the BRICS countries, and, consequently, the need to adopt a number of agreements regulating economic relations between states, including cooperation mechanisms in cross-border bankruptcies. In the article the methods of implementation of cross-border bankruptcies are described and the expediency of using the modified universalism method within the BRICS is justified. Proposals are made for the adoption and ratification of a number of agreements regulating the rules for determining the place of initiation of bankruptcy proceedings and conducting the main proceedings, the powers of both the main judicial body and the secondary ones, and the establishment of the basis for interaction between the courts.

**Keywords:** BRICS, international trade, cross-border insolvency, cross-border bankruptcy, international cooperation, legal regulation, parallel production method, universal production method, modified universalism method.

BRICS members are characterized as the most rapidly developing large countries. Favorable position is ensured by the availability of both a powerful and developing economy and a large number of resources important for the world economy: territories, natural resources, labor, etc. These countries occupy more than 25% of the world's land and their territory is inhabited by more than 40% of the population planet.

There is no doubt that the main trend of the modern economy is globalization. Currently, the development of economic relations and international integration contributes to the widespread expansion of international trade, the emergence of a large number of transnational corporations on the national markets of states. The BRICS countries did not become an exception. The statement about the expansion of cooperation and the growth of the volumes of international trade between the countries of this group should be confirmed with statistical data.

Therefore, according to The Atlas of Economic Complexity Mapping Paths to Prosperity in 2012, 8,54% of all goods exported by Russia were sold to the BRICS countries and 16,81% of all imported goods were bought in the BRICS countries. China's indicators are much smaller – 6,91% of exports and 8,21% of imports. India exported to the BRICS countries 11,81%, while imports amounted to 16,14%. The percentage of Brazil's participation in trade relations within the BRICS is one of the highest and contributes 20,60% of exports and 18,82% of imports. South Africa holds the first place, 20,91% accounted for the exports of goods of

the BRICS country and slightly less than the import figures – 19,21%.

For comparison, we give the data of the Atlas of Economic Complexity Mapping Paths to Prosperity for 2016. Indicators of Russian exports to the BRICS countries increased by 46,5% and contributed 12,5%, and imports by 42,5% and contributed to 23,99%. The level of China's participation remains low, exports to the BRICS countries were 10,92%, and imports 8,49%, which is 58% and 3,4% higher, respectively. Exports of Indian goods to the BRICS countries decreased and contributed to 6,41%, while imports increased by 35,7% to 21,9%. The growth in exports of goods from Brazil contributed 0,82%, according to 2016, 20,77% of Brazilian goods were sold in the BRICS countries. The import figures increased by 9,2% and were at the level of 20,55%. South Africa's exports to the BRICS countries fell by 24,95% and in 2016 contributed 15,46%, while imports increased by 27,25% to 24,45%.

The expansion of cooperation and the growth of international trade between the BRICS countries makes us think about the development of legal institutions. To further expand cooperation and increase trade volumes, it is necessary to adopt a number of agreements regulating economic relations between states. These agreements should be aimed at protecting the interests of both states and business, to promote harmonization of the legislation of the BRICS countries.

The need for interaction in the field of legal regulation within the BRICS was noted by Zhang Yuejiao, Director of the Academic Committee of the Study of the Law of the WTO of the Chinese

Legal Community, and Amardjit Sinh Chandio, Vice President of the Indian Bar Association, at the IV BRICS Legal Forum.

In our opinion, one of the key areas of activity on legal integration is the creation of mechanisms for cooperation in cross-border bankruptcies. Taking into account the slowdown in the economic growth of some of the five member states and the growth of crisis expectations in the global economy, the development of a unified approach to regulating the procedure for cross-border bankruptcy is extremely urgent. It should be noted that the bankruptcy of one or several large corporations often entails a series of bankruptcies of their counterparties and causing significant material damage to states.

There are several approaches to understanding cross-border insolvency. Thus, cross-border insolvency can be understood as a case of bankruptcy of a transnational corporation. But, in our opinion, this approach should be considered only as a special case of cross-border insolvency, since the subject of the legal relationships under consideration can also be individuals who have assets and creditors in different jurisdictions.

Under the following approach, cross-border insolvency is equated with cross-border proceedings in the case. In our opinion, this is not entirely justified, since in some cases the initiation of proceedings is not necessary, and the recognition of a judicial act of another jurisdiction will be sufficient.

The most substantiated in our opinion is the approach, considered in detail by D. Deutsch and A. Hammer. They argue that cross-border insolvency is a bankruptcy procedure complicated by a foreign element that can be represented by the debtor, creditors or assets of the debtor. This approach is consistent with the definition of cross-border bankruptcy enshrined in the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency of May 30, 1997. Thus, the cross-border insolvency "is the situation when an insolvent debtor has assets in several states or, when some of the creditors of the debtor are not in the state in which the insolvency proceedings are conducted." In our opinion, in the framework of the approach of D. Deutsch and A. Hammer most fully and accurately reveals the essence of cross-border insolvency.

The most substantiated in our opinion is the approach, considered in detail by D. Deutsch and A. Hammer. They argue that cross-border insolvency is a bankruptcy procedure complicated by a foreign element that can be represented by the debtor, creditors or assets of the debtor. This approach is consistent with the definition of cross-border bankruptcy enshrined in the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency of May 30, 1997. Thus, under cross-border insolvency "is understood the situation when an insolvent debtor has assets in several states or, when some of the creditors of the debtor are not in the state in which the insolvency proceedings are conducted". In our opinion, within the framework of the approach of D. Deutsch and A. Hammer most fully and accurately reveals the essence of cross-border insolvency.

In the world community, attempts were repeatedly made to settle relations on cross-border bankruptcies with the help of international agreements or the adoption of model laws, however, these attempts did not bring much success. The most successful ones are the current EU Regulation "On insolvency procedures" N 1346/2000 and the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency, which we have already mentioned. Despite the recommendatory nature of the Model Law, more than 40 states have now enacted legislation based on the UNCITRAL Model Law, but even this fact does not indicate the effectiveness and wide dissemination of international acts in the field of regulation of cross-border bankruptcies.

It is also worth noting the Istanbul Convention on Certain International Aspects of Bankruptcy, which has not yet entered into force. Despite this, the convention has a high theoretical value, it regulates the mutual recognition of the powers of the bankruptcy administrator, the conduct of parallel proceedings in the contracting states and jurisdictional criteria for the commencement of bankruptcy proceedings. Some scientists recognize this convention as the most significant achievement of universal unification in cross-border bankruptcy.

Certainly, when developing methods for regulating cross-border bankruptcy within the BRICS, previous experience in regulating this problem should be studied, but one should not

forget about the desire of the BRICS countries to retain their sovereignty and the development of the association itself as an international "quasi-organization" or "informal club".

At present, science has developed two main models of conducting proceedings in cases of cross-border bankruptcy – the conduct of a single production and the conduct of parallel production. In connection with the lack of a uniform international legal regulation of cross-border bankruptcy, the most common is the maintenance of a multitude of bankruptcy proceedings against one debtor. Due to the inconsistency of the actions of the national judicial authorities and the competition of parallel proceedings in cases, this method has several drawbacks: firstly, only the debtor's property located in the country where the proceedings were instituted is included in the bankruptcy estate; secondly, the inequality of domestic and foreign creditors arises, and thirdly, the costs of creditors for litigation significantly increase. In addition, it should be noted that the lack of coordination in the activities of the judiciary of various states makes it impossible for the debtor to recover financially.

At present, science has developed two main models of conducting proceedings in cases of cross-border bankruptcy – the conduct of a single production and the conduct of parallel production. In connection with the lack of a uniform international legal regulation of cross-border bankruptcy, the most common is the maintenance of a multitude of bankruptcy proceedings against one debtor. Due to the inconsistency of the actions of the national judicial authorities and the competition of parallel proceedings in cases, this method has several drawbacks: first, only the debtor's property located in the country where the proceedings were instituted is included in the bankruptcy estate; secondly, the inequality of domestic and foreign creditors arises, and thirdly, the costs of creditors for litigation significantly increase. In addition, it should be noted that the lack of coordination in the activities of the judiciary of various states makes it impossible for the debtor to recover financially.

The revealed weaknesses of the method of parallel production point to the inadvisability of its application within the BRICS in connection with the negative impact on both the financial

condition of the creditors and the debtor and on the interests of the member states of the group.

In order to minimize the costs of the bankruptcy procedure, the fair satisfaction of the claims of all creditors, regardless of the place of their registration and the location of the debtor's property, observance of the interests of states, a universal production method was developed.

The method of universal (main) production presupposes the initiation and consideration of the bankruptcy case in one definite place. This method is the basis of a number of international treaties and acts of a recommendatory character on cross-border insolvency, its application is of great practical value, since in the implementation of the universal production method court expenses are minimized, all the debtor's property is included in the bankruptcy estate, which maximizes the satisfaction of creditors' claims and minimizes the financial harm from bankruptcy. However, in the implementation of the universal production method, problems arise with the definition of the applicable law and the location of the proceedings in the case. Thus, the initiation of proceedings in a case can be made at the place of registration of the debtor, in the place of conducting the main business or in the state where the first application for bankruptcy was filed. The resolution of these contradictions is of fundamental importance for the regulation of cross-border bankruptcy, since the choice of the judicial authority and the applicable law largely determines the results of conducting cross-border bankruptcy. It should be noted that these contradictions are often a stumbling block for the implementation of international agreements on the regulation of cross-border insolvency.

In connection with the difficulty of implementing the method of universal production, the researchers proposed another approach to regulating the problem – "the method of unified universalism". This method involves, together with the main production in the case, the opening of secondary production in the states where the debtor's assets are located. Implementation of this method is also impossible without active international cooperation; however, this method is most preferable for implementation within the BRICS.

The application of the modified universalism method requires from BRICS member countries the adoption and ratification of a number of

agreements regulating the rules for determining the place of initiation of a bankruptcy case and conducting the main proceedings, the powers of both the main judicial body and secondary ones to establish the basis for interaction between the courts. It is also expedient to adopt the International Model Law of BRICS "On Cross-Border Bankruptcy" with a view to harmonizing the approach to bankruptcy proceedings. Particular attention should be paid to the procedures for financial recovery, since the priority for cross-border bankruptcy should be full satisfaction of creditors' claims, preservation of the debtor organization and trade ties.

It is expedient to determine the place of the main proceedings in the case at the place of registration of the debtor, subject to the availability of financial recovery and at the location of the principal assets of the debtor, in the absence of the possibility of financial

recovery. At the same time, the judicial authorities conducting secondary production should be given broad powers to ensure the safety of the debtor's property.

In conclusion, it should be noted that the process of BRICS self-determination has not yet been completed. Further prospects for the development of trade relations within the group will depend on the willingness of the participating countries to cooperate in the field of legal regulation. A significant place in the BRICS legal system should be taken by the institution of cross-border bankruptcies, which will help minimize the costs of bankruptcy proceedings, fairly meet the claims of all creditors regardless of their place of registration and the location of the debtor's property, and, most importantly, is to observe the interests of not only the individual member countries, but also the BRICS as a whole.

#### References

1. *Abashidze A. H., Solntsev A. M.* BRICS – an International Quasi-Organization? // Actualization of the Process of Interaction of the BRICS Countries in the Economy, Politics, Law : Materials of the Scientific Seminar. October 9, 2012 / K. M. Belikova. – M. : Senate Press, 2012. – P. 9–15.
2. *Afonin V. Ye., Kovyazin V. V., Kondrat E. N., Murmuridis P. Ye.* On the Mechanisms of International Legal Cooperation on the Issues of Bankruptcy Proceedings in Bilateral and Multilateral International Agreements // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2006. – N 3. – P. 76–78.
3. COUNCIL REGULATION (EC) N 1346/2000 of 29 May 2000 on Insolvency Proceedings // European Union. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2000:160:0001:0018:en:PDF> (Referral Date December 24, 2017).
4. *Doetsch D. A., Hammer A. L.* Observations on Cross-Border Insolvency and Their Resolution in the NAFTA Region: Where Are We Now? // United States – Mexico Law Journal. – 2002.
5. *Kalinina N. V.* Problems of Regulation of Cross-Border Insolvency in Private International Law: the Author's Abstract of the Dissertation. Candidate of Juridical Sciences. – M., 2010.
6. *Kuznetsov A.* Transnational Corporations of the BRICS Countries // World Economy and International Relations. – 2012. – N 3. – P. 3–11.
7. *Leanovich E. B.* Development of International Legal Regulation of Cross-Border Bankruptcies // Belarusian Journal of International Law and International Relations. – 2004. – N 4. – P. 20–22.
8. *Lidjanova A.* Cross-Border Insolvency (Bankruptcy): Problems of Legal Regulation. – URL: <http://xn---7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/18156> (Date of Circulation December 24, 2017).
9. *Mokhova E. V.* Doctrine of the Main Production in the Case of Cross-Border Insolvency of Legal Entities: Thesis ... Candidate of Juridical Sciences. – M., 2009.
10. *Ryaguzov A. A.* Legal Regulation of Cross-Border Insolvency: the Abstract of the Dis. ... Candidate of Juridical Sciences. – M., 2008.
11. Statistics of Exports and Imports by Different Countries. – URL: <https://atlas.media.mit.edu/en/> (The Reference Date is 12/24/2017).
12. UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency, 1997. – URL: [http://www.uncitral.org/uncitral/en/uncitral\\_texts/insolvency/1997Model.html](http://www.uncitral.org/uncitral/en/uncitral_texts/insolvency/1997Model.html) (Referral Date December 24, 2017).

### Основные соглашения АСЕАН как основы для инвестиционной деятельности в государствах – членах АСЕАН

До И.

аспирантка кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: doyenmeo21@gmail.com

### Basic ASEAN Agreements as the Basis for Investment Activities in the ASEAN Member States

Do Y.

Post-Graduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: doyenmeo21@gmail.com

#### Аннотация

В данной статье рассмотрены основные базисные соглашения Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Определены основные черты документов, их признаки и значение. Кроме того, дан анализ значения основных соглашений АСЕАН для развития экономики стран-участников. Выявлена структура соглашений о создании зон свободной торговли, даны отличительные черты документов. Показано значение соглашений для построения дальнейшего взаимодействия в рамках инвестиционной активности государств. Отмечается, что АСЕАН, являясь международной организацией, основной целью ставит организацию сотрудничества стран-участниц в экономической, политической и культурной сферах. Также говорится о том, что в настоящее время АСЕАН является одним из объединений мира, объем инвестиций в которые наиболее быстро увеличивается, и иностранные компании, приходя на рынки АСЕАН, располагают здесь свои производственные базы. Действуя в рамках основных соглашений, страны АСЕАН смогли воспользоваться своим стратегически выгодным положением, а также богатыми природными ресурсами и стать важнейшим центром инвестиционной активности.

**Ключевые слова:** АСЕАН, соглашение, инвестиции, организация, зоны свободной торговли, интеграция, рынок.

#### Abstract

The main basic agreements of Association of the Nations of Southeast Asia are considered in this article. The main lines of documents, their signs and value are defined. Besides, the analysis of value of the main agreements of ASEAN for development of economy of the countries - participants is given. The structure of agreements on creation of free trade areas is revealed, distinctive features of documents are given. The value of agreements for creation of further interaction within investment activity of the states is shown. It is noted that ASEAN, being an international organization, aims to organize the cooperation of the participating countries in the economic, political and cultural spheres. It is also said that currently ASEAN is one of the world's associations, the volume of investments, which are the fastest growing and foreign companies coming to the ASEAN markets, have their own production bases here. Operating within the framework of the basic agreements, ASEAN countries were able to take advantage of their strategically advantageous position, as well as rich natural resources and become an important center of investment activity.

**Keywords:** ASEAN, the agreement, the investment, the organization, the free trade area, the integration, market.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), являясь по своей сути международной организацией, основной целью ставит организацию сотрудничества стран-

участниц в экономической, политической и культурной сферах [6].

Правовой основой такого взаимодействия в рамках экономического направления и ин-

вестиций являются соглашения, которые заключаются между членами АСЕАН в целях торговой либерализации и усиления внутренней интеграции.

Соглашение о создании зоны свободной торговли можно считать началом первого этапа оформления международной экономической интеграции путем создания зоны свободной торговли [9. – С. 5].

Зона свободной торговли АСЕАН (АФТА) – это соглашение государств – членов АСЕАН о местном производстве во всех странах АСЕАН. Соглашение АФТА было подписано 28 января 1992 г. в Сингапуре. Когда соглашение АФТА было первоначально подписано, АСЕАН состояла из шести членов, а именно Брунея, Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда. Вьетнам присоединился в 1995 г., Лаос и Мьянма – в 1997 г., Камбоджа – в 1999 г.

Соглашение о создании зоны свободной торговли по своей сути является преференциальным торговым и инвестиционным соглашением, в рамках которого подписываются более широкие экономические соглашения между странами. Цель таких соглашений – упрощение процедур международной торговли и передачи факторов производства через границы.

Соглашение АСЕАН по торговле товарами (ASEAN Trade in Goods) (2009 г.) нацелено на формирование единого рынка товаров и свободное перемещение товаров. Указанное соглашение закрепляет необходимость таможенной либерализации, устранения нетарифных ограничений, определения правил происхождения, содействия торговле, гармонизации стандартов, санитарных и фитосанитарных мер.

Рамочное Соглашение АСЕАН по торговле услугами было принято на саммите АСЕАН в Бангкоке в декабре 1995 г. К обязательствам, которые должны выполнять в рамках указанного соглашения, относятся либерализация внутрирегиональных услуг в нескольких секторах, включая воздушный транспорт, деловые услуги, строительство, финансовые услуги, морской транспорт, телекоммуникации и туризм.

Рамочное соглашение о торговле и инвестициях представляют собой торговый пакт, устанавливающий рамки для расширения

торговли и урегулирования нерешенных споров между странами. Они часто рассматриваются как важный шаг на пути к заключению соглашений о свободной торговле.

Одним из первых документов, направленных на реализацию конкретных мер по поддержанию продовольственной безопасности в регионе АСЕАН, стало соглашение от 1979 г. о создании Резерва продовольственной безопасности АСЕАН (Agreement on the ASEAN Food Security Reserve).

Соглашение о взаимном признании как соглашение двух или нескольких государств – участников АСЕАН подписывают в целях снижения количества текстов при использовании и купле-продаже продукции между участниками АСЕАН, а также в целях уменьшения издержек производства и продажи. Основными результатами, которые закреплены в текстах указанных актов являются повышение уверенности потребителей в качестве товаров, которые прошли тестирование с учетом требований указанных соглашений.

Например, подписаны соглашения о взаимном признании справедливой практики инспектирования производителей медицинской продукции, а также электрического и электронного оборудования.

В настоящее время АСЕАН является одним из объединений мира, объем инвестиций, в которые наиболее быстро увеличивается. Объем прямых иностранных инвестиций в регион постоянно растет. Все больше иностранных компаний приходят на рынки АСЕАН и располагают здесь свои производственные базы.

Действуя в рамках основных соглашений, страны АСЕАН смогли воспользоваться своим стратегически выгодным положением, а также богатыми природными ресурсами и стать важнейшим центром инвестиционной активности. Благоприятное влияние на рост инвестиций также оказало активное сотрудничество с крупнейшими экономическими и торговыми партнерами, которое способствовало в числе прочего быстрому подъему сектора сырьевых товаров, ведущими производителями которых являются некоторые страны – члены АСЕАН.

Основные соглашения АСЕАН, являясь правовым базисом взаимодействия участников, должны быть гармонизированы с нацио-

нальным законодательством этих стран. Только в таком случае будут наблюдаться развитие и рост инвестиционной активности, а обязательства, принятые в рамках международного соглашения, будут выполняться [1].

Относительно соглашения о зоне свободной торговли необходимо отметить следующие особенности его реализации в странах-участниках. В первую очередь между партнерами АСЕАН заключаются так называемые «рамочные соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве». Такого рода соглашения, например, заключены с Индией, Японией, Китаем и Южной Кореей. Эти соглашения являются базисом для исполнения подготовительных инвестиционных программ, нацеленных на предоставление некоторых преференций ее членам. Такие «программы раннего урожая» в последующем являются основой для подписания основного соглашения о торговле товарами, услугами и об инвестициях. Указанную процедуру подписания соглашений прошли такие государства, как Китай, Южная Корея, Индия.

Иногда практикуется подписание такого рода соглашений, которые предполагают создание и функционирование в полном объеме зоны свободной торговли, т. е. полный доступ стран на рынки товаров, работ и услуг. Такого рода соглашения имеются у Японии, Австралии и Новой Зеландии.

Примером является Рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве (2003 г.) АСЕАН – Индия, которое стало правовой основой создания зоны свободной торговли между странами-участниками и Индией.

С правовой точки зрения допустимо подписание индивидуальных соглашений государств – участников АСЕАН с потенциальными партнерами. Примером является соглашение Сингапур – Япония и АСЕАН – Япония.

Законные правовые последствия возникают и в рамках временного неприсоединения отдельных стран к соглашениям в формате АСЕАН. Примером страны, использующей данную возможность, является Таиланд, который не участвовал в реализации соглашения АСЕАН – Южная Корея (до 2009 г.). Минусом такого рода соглашений является ограничение взаимодействия в рамках уже подпи-

санных соглашений между сторонами-участниками.

Параллельно ряд отдельных членов АСЕАН встали на путь заключения двусторонних соглашений о создании ЗСТ со странами, не входящими в Ассоциацию. Высокую активность в этом процессе проявляет Сингапур, заключивший 37 соглашений такого типа, немного уступают ему Малайзия (26), Таиланд (26) и Индонезия (21) [2. – С. 122].

Одним из правовых документов, которым урегулированы вопросы взаимодействия России и АСЕАН, является Межправительственное соглашение о сотрудничестве России и АСЕАН в области экономики и развития [7. – С. 146]. Такой документ, по сути, является индивидуальным соглашением партнера (Россия) со странами – участницами АСЕАН [8].

В структуру документа входит 11 статей, в которых закреплены принципы и цели сотрудничества в области экономики и развития, основы экономического и других сфер сотрудничества, защиты прав интеллектуальной собственности, а также механизмы сотрудничества, основы финансирования [3. – С. 124].

Не случайно в Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию в декабре 2015 г. была озвучена идея проведения консультаций между странами ЕАЭС, ШОС и АСЕАН по вопросу о создании масштабного экономического партнерства [5. – С. 4].

В настоящее время в АСЕАН заключены 5 соглашений о зонах свободной торговли: Китай, Япония, Индия, Корея, Австралия (Новая Зеландия).

При этом комплексный характер имеют только соглашения с Австралией, остальные детально описывают обязательства сторон по продаже товаров, услуг и инвестиций. С Кореей, Индией и Китаем заключены отдельные соглашения, в которых детально рассмотрены особенности взаимодействия в рамках инвестиционной деятельности государств. В соглашении с Японией имеется небольшой раздел про инвестиции с указанием на необходимость обеспечения прозрачного инвестиционного климата. Остальные вопросы в рамках инвестиционного направления указано решать в рамках переговорных процедур [5].

Указанные соглашения пропагандируют стандартные для международной практики

инвестиционные режимы – национальный, справедливый и равноправный, режим безопасности и полной защиты. В них установлены основные инвестиционные требования (регулирование ассортимента, объема сбыта, передачи технологии, нормы содержания местного компонента и др.) и запреты (национализация иностранной собственности и др.).

Кроме того, отдельно урегулированы вопросы возмещения убытков государств от форс-мажорных обстоятельств. В некоторых имеются нормы о работе с персоналом компаний, руководством и топ-менеджерами.

Соглашение АСЕАН – Австралия содержит раздел по защите прав интеллектуальной собственности, что также в дальнейшем определяет особенности инвестиционного сотрудничества между сторонами соглашения. Так, по данным объектам применяется национальный режим с учетом Соглашения ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС).

Подписание инвестиционных соглашений в АСЕАН имеет давнюю традицию. Первым примером является Соглашение об инвестиционных гарантиях АСЕАН, принятое в 1987 г.

В этом документе основное внимание было уделено вопросам защиты и урегулирования споров между инвесторами и государством. В рамках Соглашения об инвестиционной зоне АСЕАН (АИА), принятого в 1998 г., продвигались принципы содействия, продвижения и либерализации. Эти соглашения являются основой для инвестиционной деятельности в государствах – членах АСЕАН. От их содержания зависит глубина и характер инвестиционной активности сторон соглашения, особенности взаимоотношений, ответственности и, соответственно, эффект от такого взаимодействия.

Следующее инвестиционное Соглашение АСЕАН (далее – МСА) вступило в силу 29 марта 2012 г. и нацелено на поддержку свободного, открытого, интегрированного инвестиционного режима в Ассоциации Юго-Восточной Азии. МСА пытается создать режим, основанный на наилучшей международной практике. При этом оно дает всеобъемлющие и четкие определения в соответствии с существующими международными соглашениями, повышая привлекательность АСЕАН как единого инвестиционного направления.

### Список литературы

1. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии: общие достижения и задачи. – URL: <http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2016/05/web-RUS-nccapr-apecs-2016-2.pdf>
2. *Гладченко Л. В.* Проект «Сообщество АСЕАН»: проблемы региональной интеграции на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 4. – С. 121–137.
3. *Демина Я. В.* Эффекты торговой интеграции в странах АСЕАН // Пространственная экономика. – 2015. – № 3. – С. 120–141.
4. *Кадочников П. А., Пономарева О. В.* Формирование всеобъемлющего регионального экономического партнерства: перспективы и последствия // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 10. – С. 3–9.
5. *Костюнина Г. М.* Интеграционная модель АСЕАН+1: основные положения соглашений и влияние на внешнеэкономические связи // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2017. – № 3. – С. 441–457.
6. *Костюнина Г. М.* Экономическое сообщество АСЕАН: направления и перспективы формирования // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 12. – С. 14–32.
7. *Мартынова Е. С.* АТЭС vs АСЕАН: генезис, эволюция, перспективы развития // Вестник международных организаций. – 2012. – № 2. – С. 145–162.
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития. – URL: [http://www.mid.ru/summit-russia-asean/-/asset\\_publisher/FX0KRdXqTkSJ/content/id/2142276](http://www.mid.ru/summit-russia-asean/-/asset_publisher/FX0KRdXqTkSJ/content/id/2142276)
9. *Ткаченко И. Ю.* Интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 1. – С. 3–14.

**Долги гражданина-банкрота****Л. Ю. Новицкая**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: amarar@yandex.ru

**Л. В. Малышева**

студентка 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: liliya.malysheva.28@mail.ru

**Debts of a Bankrupt Citizen****L. Yu. Novitskaya**

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: amarar@yandex.ru

**L. V. Malysheva**

Fourth-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: liliya.malysheva.28@mail.ru

**Аннотация**

С 1 октября 2015 г. появилась возможность признания банкротами граждан. Такие положения включены в Закон о банкротстве Федеральным законом от 26 июня 2015 г. № 154-ФЗ. Пленум ВС РФ в Постановлении от 13 октября 2015 г. № 45 разъяснил, как их применять. Положения о банкротстве граждан распространяются и на индивидуальных предпринимателей, но с учетом ряда особенностей. Например, предприниматель-банкрот не может в течение пяти лет вести бизнес, а его имущество продается как имущество юридического лица. Следует напомнить, что понятие «банкротство» определяется в статье 2 Федерального закона «О банкротстве (несостоятельности)» как признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Попытаться обанкротить гражданина могут конкурсные кредиторы и уполномоченные органы (например, ФНС), а также он сам. К конкурсным кредиторам относятся кредиторы по большинству денежных обязательств, причем не только организации, но и граждане, включая ИП. В отдельных случаях сам гражданин не может, но обязан обанкротить себя. Некоторым должникам банкротство поможет освободиться от долгов, а кредиторам – вернуть деньги за счет продажи имущества гражданина. Однако кредиторы могут столкнуться с рядом сложностей: 1) возникновение временных и финансовых затрат; 2) отсутствие и недостаточность имущества гражданина для погашения всех долгов; 3) освобождение гражданина от долгов в случае признания его банкротом.

Но участие в банкротстве также может принести кредиторам пользу: 1) расходы на взыскание долгов снижаются; 2) банк вправе признать задолженность безнадежной, если гражданин признан банкротом; 3) банкротство гражданина дает шанс вернуть хотя бы часть денег.

Закон о банкротстве физических лиц обсуждался в течение длительного периода времени и вызывал множество споров. В 2008 г. россияне брали кредиты на покупку самых разнообразных вещей. Глобальный финансовый кризис сделал неподъемными для большинства россиян долговые обязательства по кредитам. С одной стороны, новый закон позволит людям, оказавшимся в тяже-

лой жизненной ситуации, справиться с большими долгами, с другой – это может вылиться в финансовую необязательность и большие убытки для кредиторов.

**Ключевые слова:** банкрот, банкротство, несостоятельность, кредитор, конкурсная масса, реструктуризация долгов, неплатежеспособность, подозрительность сделок, имущество, обязательства, требования, лжебанкротство.

#### Abstract

From 1 October 2015 there is the possibility of bankruptcy of citizens. Such provisions are included in bankruptcy Law is Federal law 26.06.2015 N 154-FZ. The Plenum of VS of the Russian Federation in the Resolution from 13.10.2015 N 45 explained how to use them. The provisions on the bankruptcy of individuals apply to individual entrepreneurs, but given the number of features. For example, the bankrupt businessman may not for five years to do business, and its property sold as the property of a legal entity. It should be recalled that the concept of bankruptcy is defined in article 2 of the Federal law "On bankruptcy (insolvency)" as recognized by the arbitral Tribunal debtor's inability to fully satisfy the claims of creditors on monetary obligations, termination benefits and (or) about payment of labor of persons employed or working under an employment contract, and (or) to fulfill the obligation on payment of obligatory payments. To try to bankrupt a citizen can bankruptcy creditors and authorised bodies (e.g. the NRF), as well as himself. To competitive creditors are creditors of most financial obligations, not only organizations, but also citizens, including individual entrepreneurs. In some cases the citizen himself can not, but must bankrupt. Some debtors bankruptcy will help get rid of debt, and creditors to return the money through the sale of property of the citizen. However, creditors may face several difficulties: 1) appearance time and cost; 2) the lack and insufficiency of the property of a citizen to pay all the debts; 3) exemption of citizens from debt in case of a recognition its bankrupt.

But bankruptcy can also bring the benefit of creditors: 1) costs of debt are reduced; 2) the Bank may declare the debt uncollectible, if the citizen is declared bankrupt; 3) the bankruptcy of a citizen gives you the chance to regain at least part of the money.

The law on bankruptcy of individuals was discussed for a long period of time and caused a lot of controversy. In 2008, Russians took out loans to buy a wide variety of things. The global financial crisis has made debt obligations on loans difficult for most Russians. On the one hand, the new law will allow people who find themselves in a difficult life situation to cope with large debts, on the other - this may lead to financial unavailability and large losses for creditors.

**Keywords:** bankrupt, bankruptcy, insolvency, creditor, insolvency estate, debt restructuring, insolvency, suspicious transactions, assets, liabilities, demands, pseudo-bankruptcy.

Следует отметить, что под неплатежеспособностью понимают неспособность гражданина *удовлетворить* требования кредиторов по денежным обязательствам (в полном объеме). Важным условием также должно выступать то, что в таком случае не будет оснований полагать, что должник в течение непродолжительного времени сможет исполнить просроченные обязательства в полном объеме.

Гражданин может считаться неплатежеспособным хотя бы при одном из следующих условий [8. – С. 84]:

1) он перестал уплачивать обязательные платежи кредиторам, срок исполнения (уплаты) которых наступил;

2) более 10% совокупного размера денежных обязательств и (или) обязательных платежей, срок исполнения (уплаты) которых наступил, не исполнены гражданином в те-

чение более одного месяца со дня, когда такие обязательства должны быть исполнены;

3) размер задолженности гражданина *превышает стоимость его имущества*;

4) наличие постановления об окончании исполнительного производства *в связи с отсутствием у гражданина имущества*, на которое может быть обращено взыскание (пункт 3 статьи 213.6 Закона № 127-ФЗ).

Однако отсутствие у гражданина имущества, за счет которого возможно пропорционально удовлетворить требования кредиторов, само по себе *не является основанием для прекращения производства по делу о банкротстве* этого гражданина (Определение по делу № А70-14095/2015).

Для того чтобы кредитор стал заинтересованным в банкротстве гражданина, требуется *совокупность условий*:

1) задолженность *500 тыс. рублей и более*. Величина должна определяться без учета неустоек, штрафов и т. п.;

2) уплата задолженности просрочена *минимум на три месяца*;

3) задолженность обязательно должна быть подтверждена вступившим в силу решением суда. Без такого постановления заявление кредитора будет оставлено без движения. Однако, как уже выше было сказано, подтвердить свою задолженность в судебном порядке не представляет сложностей, главное – найти кредитора. Многие граждане злоупотребляют правом стать банкротом, думая, что статус банкрота не влечет никаких последствий. Подтверждение задолженности в судебном порядке существенно затягивает процесс обращения в суд с заявлением о банкротстве гражданина. Может случиться так, что придется ждать решения не только суда первой инстанции, но и суда апелляционной инстанции, в случае если сторона дела / заинтересованное лицо будут не согласны с решением суда первой инстанции.

Установлены случаи, при которых получить решение суда не требуется (по банковским кредитам, нотариально удостоверенным сделкам, обязательным платежам и т. п.) [6. – С. 161].

Если все вышеперечисленные условия соблюдены, а гражданин *неспособен*, то суд признает заявление о признании физического лица банкротом обоснованным. Кредитору лучше как можно раньше узнать о планируемом гражданином банкротстве, чтобы заявить о себе в качестве кредитора и включении своих требований в реестр требований кредиторов с правом участвовать в собрании кредиторов. Информацию о банкротстве можно получить из двух источников – Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) и газеты «Коммерсант». ЕФРСБ является электронным источником, в котором публикуется каждый шаг процесса банкротства. Однако за любую публикацию взимается плата (и в ЕФРСБ, и в газете «Коммерсант»). Плата рассчитывается от объема публикуемого текста и площади, которую заполнит сообщение на странице в выбранном источнике.

В этих источниках размещается, в частности, информация о том, что арбитражный суд

признал заявление о банкротстве гражданина обоснованным и ввел *реструктуризацию долга*. Решение о реструктуризации принимается не раньше чем через 15 дней и не позже чем через три месяца с момента поступления заявления. По истечении пяти рабочих дней после появления в источнике таких сведений считается, что кредитор извещен. Если есть возможность, то можно получить уведомление и раньше – от финансового управляющего.

В дальнейшем кредитор сможет узнавать о движении дела из тех же источников. Например, сведения о собрании кредиторов включаются в реестр минимум за 14 дней до проведения.

Выше упоминалось о введении реструктуризации долга. Именно реструктуризация помогает гражданину восстановить платежеспособность и выплачивать долги по плану и не быть банкротом. По сути, эта процедура является финансовым оздоровлением (если проводить параллель с банкротством юридических лиц). Кредитор или должник может представить проект плана реструктуризации. Основное, что в нем определяется, – в какие сроки и в каком порядке будут погашаться долги. Окончательный проект плана реструктуризации одобряют собрание кредиторов, должник, а впоследствии – арбитражный суд. С момента введения реструктуризации долгов кредитор может *в течение двух месяцев* включить свои требования в реестр требований кредиторов [3. – С. 64]. Это нужно сделать, чтобы требования попали в план реструктуризации. Если их не включат в план до его утверждения, то кредитор может потребовать это сделать в течение срока реализации плана, но затягивать с этим не стоит.

С момента введения реструктуризации долгов (как одного из этапов процедуры банкротства) можно оспаривать подозрительные сделки гражданина.

Гражданин – особый субъект правоотношений, который не связан с предпринимательской деятельностью, а потому основные сделки, которые могут быть расценены как подозрительные, связаны со сферой семейных отношений такого лица. К подозрительным сделкам можно отнести заключение брачного договора, соглашение о разделе совместного имущества, соглашение об уплате алиментов.

В случае если гражданин нарушит условия плана реструктуризации, заинтересованные лица (кредиторы) могут в суде потребовать отменить план. За отменой реструктуризации долгов последует признание гражданина банкротом и в дальнейшем его имущество будет распродано для погашения долгов. Требования кредиторов, включенные в план, будут удовлетворяться в третью очередь [6. – С. 148].

Шансы залоговых кредиторов вернуть деньги выше, чем у остальных, так как обычно в залоге находится наиболее ценное имущество должника. Как и при банкротстве юридических лиц, кредиторы могут преимущественно удовлетворить свои требования за счет выручки от продажи этого имущества.

Касаемо положения залоговых кредиторов при реструктуризации долгов, то в таком случае, когда план реструктуризации утвержден, залоговый кредитор, который за него не голосовал, вправе заявить в суде об обращении взыскания на предмет залога. Арбитражный суд может удовлетворить такое требование при условии, что это позволит реализовать план реструктуризации [2. – С. 21].

В депозит арбитражного суда кредитор должен внести 10 тыс. рублей для выплаты вознаграждения финансовому управляющему. Сумму используют, *только если для выплаты не хватит денег в конкурсной массе*. Пленум ВС РФ дал разъяснения, когда кредитор вправе компенсировать такие расходы. Это возможно, если после использования внесенных кредитором средств у должника обнаружится имущество, которого достаточно для выплаты вознаграждения финансовому управляющему. В таком случае кредитор получает возмещение из конкурсной массы [3. – С. 61]. К арбитражному управляющему также предъявляются требования касательно его квалификации. Одним из таких требований является требование о членстве арбитражного управляющего в саморегулируемой организации (статья 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). В настоящее время очень выгодно быть арбитражным управляющим по причине того, что вознаграждение арбитражному управляющему чаще всего назначается в размере от 30 тыс. рублей и выше за каждый месяц банкротства. Такое вознаграждение арбитражному управляющему выплачивается из конкурсной массы должника. Поэтому если процедура банкротства затягивается на годы, то вознаграждение арбитражного управляющего достигает сотни тысяч рублей. Но стоит помнить, что с вознаграждения арбитражный управляющий также уплачивает налоги.

Следует также отметить семейную сторону гражданина-должника-банкрота. Ранее уже упоминалось, что основные сделки, которые могут вызвать подозрения у кредиторов, – сделки, связанные со сферой семейных отношений.

Во всех странах мира правовой статус семейного имущества влечет последствия для всей процедуры банкротства. Особенно это применимо в тех юрисдикциях, где устанавливается *режим общей совместной собственности* для имущества супругов, в том числе в России.

В Англии, например, нет специального режима для семейного имущества. Каждый из супругов имеет свое имущество и свои долги, поэтому закон не предусматривает совместного банкротства супругов. Имущество может при соответствующем оформлении находиться и в общей собственности (нераздельной либо долевой) (*joint tenancy, tenancy in common*). В этом случае при банкротстве доля супруга-банкрота выделяется. Долги тоже могут быть общими, если супруги являются созаемщиками. В этом случае каждый супруг отвечает за всю сумму долга. Если один обанкротился, обязательства второго остаются в неприкосновенности [1].

Юрисдикции, признающие общую совместную собственность на имущество супругов (Россия), как правило, признают и общность большинства долгов супругов. При этом в случае банкротства одного супруга общая собственность целиком входит в конкурсную массу, подлежащую распределению по общим долгам. В результате даже в деле о банкротстве только одного из супругов центральное место часто занимают вопросы распределения их общего имущества.

В Российской Федерации имущество находится в общей совместной собственности супругов, если такое имущество появилось у супругов во время *официального брака*. Если говорить о банкротстве, то, согласно российскому законодательству, общее имущество

супругов не включается в конкурсную массу целиком. В конкурсную массу включается только та часть общего имущества, которая является выделенной долей супруга-банкрота. Поскольку имущество супругов признается их совместной собственностью, рассмотрение дел о банкротстве граждан осложняется нахождением должника в зарегистрированном браке.

Если продажа имущества в ходе конкурсного производства уже состоялась, а иск о разделе общего имущества супруг подал после, то вырученные от продажи имущества средства учтутся при определении долей супругов (пропорционально) [1].

Однако возникают сложности в ситуации, когда неплатежеспособными являются сразу оба супруга.

Одним из первых судебных актов, давших разъяснения по данному вопросу, явилось решение Арбитражного суда Новосибирской области от 9 ноября 2015 г. В данном деле супруги К. совместно обратились с заявлением о признании их несостоятельными (банкротами). У них имелись обязательства на общую сумму 775 000 рублей, а какое-либо имущество отсутствовало. Из доказательств, представленных супругами, следовало, что ежемесячный доход супругов составлял 10 600 рублей.

Суд сослался на то, что действующим законодательством о банкротстве не предусмотрена возможность возбуждения дела о банкротстве в отношении сразу двух и более должников (соответчиков). Но заявители имели общие обязательства, т. е. общих кредиторов, которые могут претендовать на совместное имущество супругов. В связи с этим в данном деле допустимо формирование единого реестра требований кредиторов и формирование общей конкурсной массы должников. Такой вывод способствует уменьшению судебных расходов на проведение процедур банкротства.

У Арбитражного суда Забайкальского края выводы сходны. При этом суд сослался на части 2 и 2.1 статьи 130 АПК РФ, согласно которым арбитражный суд первой инстанции вправе объединить несколько однородных дел, в которых участвуют одни и те же лица, в одно производство для совместного рассмотрения.

Существует и противоположная практика.

Так, Девятый арбитражный апелляционный суд Постановлением от 16 мая 2016 г. по делу № А40-36201/16 согласился с решением суда первой инстанции касаясь отказа в принятии к производству совместного заявления граждан Т. и Л., являющихся супругами, о признании их несостоятельными (банкротами). Отказ был аргументирован тем, что законодательством о банкротстве не предусмотрена процессуальная возможность возбуждения дела о банкротстве в отношении двух и более должников (соответчиков).

Ситуация спорная, и мнения судов по этому вопросу расходятся. Между тем в некоторых случаях такое рассмотрение было бы целесообразным (все имущество – совместная собственность, а долговые обязательства общие). Остается надежда, что такое возбуждение дела о банкротстве станет возможным и легальным. Законодателю следует предусмотреть возможность введения процедуры совместного банкротства супругов, дабы сделать процедуру банкротства более эффективной.

Следует также сказать о последствиях признания гражданина банкротом (статья 213.30 Закона № 127-ФЗ; подпункт 2.1 пункта 1 статьи 59 НК РФ) [8. – С. 79]:

- 1) *в течение пяти лет* невозможно взять кредит/заем без указания на факт своего банкротства;
- 2) *в течение пяти лет* нельзя повторно заявить о возбуждении дела о признании вас банкротом;
- 3) *в течение трех лет* нельзя занимать должности в органах управления юридического лица или иным образом участвовать в его управлении.

Заслуживает внимания вопрос о возможном злоупотреблении гражданами возможностью признать физическое лицо банкротом. Так, Определением Арбитражного суда Кемеровской области от 11 апреля 2016 г. (дело № А27-2165/2016) производство по делу о банкротстве было прекращено. 5 февраля 2016 г. в суд поступило заявление К. о признании банкротами граждан – супругов О. В заявлении указывалось, что у О. перед кредитором имеется задолженность по договору займа денежных средств в размере

900 000 рублей, которая должником не оспаривается и признается в полном объеме.

При наличии требования, подтверждаемого только распиской должника или квитанцией к приходному кассовому ордеру, суд учитывает дополнительно следующие обстоятельства: позволило ли финансовое положение кредитора предоставить должнику денежные средства; сведения о целевом использовании денежных средств должником. В приведенном примере в обоснование возможности предоставить заем 26 ноября 2013 г. К. пояснил, что денежные средства накопил, откладывая с заработной платы, представил справки о доходах за 2012 и 2013 г. Однако доход К. за этот период с учетом уплаты НДФЛ составил 614 656 руб. 49 коп., т. е. был меньше суммы, переданной им должником по договору займа.

В связи с изложенным, учитывая доход должников в указанный период 7 000 рублей в месяц и срок предоставления займа один год, суд отнесся критически к представленным кредитором объяснениям о предоставлении займа из заработанных им денежных средств и пришел к выводу о необоснованности заявления К. о признании О. банкротами.

Что касается оспаривания сделок должника-банкрота, то развитие такого института условно можно разделить на три этапа [3. – С. 77]. Так, начало первого этапа связано с принятием Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ, которым была введена возможность для граждан обращаться в арбитражный суд с заявлением о признании себя банкротом.

Согласно ранее действующей норме, закрепленной в статье 206 (редакция Закона о банкротстве от 30 декабря 2008 г.), сделки гражданина могут быть признаны ничтожными, если такие сделки связаны с отчуждением имущества гражданина заинтересованным лицам за год до возбуждения арбитражным судом производства по делу о банкротстве.

Под заинтересованными лицами по отношению к гражданину могут приниматься его супруг, родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, сестры, братья и их родственники по нисходящей линии, родители, сестры и братья супруга (пункт 2 статьи 19 Закона о несостоятельности).

Начало второго этапа развития института оспаривания сделок должника-гражданина связано с вступлением в силу новой редакции статьи 206 в июле 2015 г. (редакция Закона о банкротстве от 13 июля 2015 г.). Обновленная норма предусматривала, что сделки могут быть признаны недействительными. При этом в ней было указано, что обратиться с соответствующим заявлением могло любое участвующее в деле лицо.

Значительным недостатком редакции статьи 206 Закона о банкротстве является слишком объемный перечень оснований для оспаривания сделки: специальные основания Закона о банкротстве, а также все общие основания, предусмотренные ГК РФ. В целях эффективного противодействия злоупотреблениям со стороны недобросовестного должника указанный перечень целесообразно ограничить [6. – С. 156].

Такое ограничение знаменовало третий и на сегодняшний день завершающий этап, связанный с появлением нормы, закрепленной в статье 213.32.

Так, оспаривание теперь возможно по основаниям, предусмотренным статьями 61.2 и 61.3; очерчен круг субъектов, полномочных обращаться с заявлением о признании сделки недействительной (финансовый управляющий, собрание кредиторов, конкурсный кредитор или уполномоченный орган) (пункт 1 статьи 213.32). Однако данный пункт не заканчивается перечислением указанных выше лиц, а продолжается посредством указания на то, что оспаривание сделки возможно, если размер требований указанных субъектов составляет более 10% от суммы кредиторской задолженности, не считая размер обязательств перед кредитором (или его заинтересованными лицами), в отношении которого совершена оспариваемая сделка.

Законодатель закрепил признаки подозрительности при неравноценном предоставлении по сделке, а также в случае причинения вреда имущественным правам кредитора.

Характеристика подозрительных сделок, совершенных с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов, основана на использовании оценочных формулировок «знает» или «должна была знать». В таком случае бремя ответственности в сделке перекладывается на сторону, которая, в свою

очередь, может быть добросовестной и в силу объективных причин может не знать о том, что совершаемый юридический акт нечист.

Достоинством нормы является удлиненный срок для оспаривания – 3 года, но, с другой стороны, маловероятно, что за 3 года до начала процедуры банкротства должник будет отвечать признаку неплатежеспособности. А в случае отсутствия условия неплатежеспособности исключается возможность применения нормы в целом.

Следует отметить, что сделки в случае банкротства гражданина могут быть оспорены, если они совершены супругом в отношении общего имущества (для реализации которого требуется согласие несостоятельного должника, предусмотренное семейным законодательством).

Кто бы ни был банкротом: физическое лицо, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, основная задача его будет заключаться в том, чтобы наиболее ликвидное имущество не было реализовано в рамках конкурсного производства. Достаточно давно к процедуре банкротства относятся как к возможности беспрепятственного освобождения от долговых оков.

В качестве действенного метода борьбы с недобросовестными действиями должников

можно выделить ограничение на выезд должника за пределы Российской Федерации.

Обратим внимание на Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20 декабря 2016 г. № 10АП-16280/2016 по делу № А41-98657/15. По данному делу должник осуществлял расходование денежных средств, находясь за пределами Российской Федерации, с момента введения процедуры реструктуризации долга. За пределами Российской Федерации наличные денежные средства направлялись на личные расходы должника, а не на погашение задолженности перед кредиторами.

Суд считает, что такие обстоятельства свидетельствуют о сокрытии должником денежных средств путем открытия и перевода денежных средств за пределы Российской Федерации. Поэтому право должника на выезд гражданина за рубеж судом ограничено.

Закон о банкротстве предусмотрел для граждан (физических лиц) более существенные последствия недобросовестного поведения в виде неприменения правил об освобождении от долгов. Вопрос исполнения судебных актов и погашения задолженности перед кредиторами при отсутствии имущества у должника остается актуальным как для физических, так и для юридических лиц.

#### Список литературы

1. Будьлгин С. Л. Муж и жена – одна сатана? Банкротство гражданина и семейные активы. – URL: [https://zakon.ru/blog/2015/1/29/muzh\\_i\\_zhena\\_odna\\_satana\\_bankrotstvo\\_grazhdanina\\_i\\_semejnye\\_aktivy](https://zakon.ru/blog/2015/1/29/muzh_i_zhena_odna_satana_bankrotstvo_grazhdanina_i_semejnye_aktivy)
2. Давлетгараева Ю. Ф. Банкротство физических лиц // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 2196–2200.
3. Карелина С. А., Фролов И. В. О введении института банкротства физических лиц: реальность и иллюзия // Законодательство. – 2015. – № 8. – С. 52–63.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень ВС РФ. – 2015. – № 12.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 27 января.
6. Суворов Е. Д. Банкротство в практике Президиума ВАС РФ за 2014 г.: прецеденты и комментарии. – М.: Статут, 2015.
7. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Парламентская газета. – 2002. – 2 ноября. – № 209–210.
8. Шевченко И. М. Оправах кредиторов по делу о банкротстве, чьи требования приняты к производству, но не установлены определением арбитражного суда // Арбитражные споры. 2014. – № 2. – С. 112–123.

### **Доверенность как динамично развивающийся институт гражданского права**

**Л. Л. Баланюк**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
17997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: iarann@mail.ru

**А. А. Наумова**

студентка 3-го курса РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
17997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: anastasya.nau1997@yandex.ru

### **Power of Attorney as a Dynamically Developing Civil Law Institute**

**L. L. Balanyuk**

PhD of Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation  
E-mail: iarann@mail.ru

**A. A. Naumova**

Third-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation  
E-mail: anastasya.nau1997@yandex.ru

#### **Аннотация**

В данной статье исследован институт доверенности. В частности, определены виды доверенности, ее содержание и реквизиты, рассматриваются особенности выдачи и прекращения доверенности с учетом изменений законодательства и позиций ученых, занимающихся изучением гражданского права и института доверенности в Российской Федерации. Проведен анализ статей Гражданского кодекса Российской Федерации, касающихся института доверенности. Подробно рассмотрена возможность выдачи доверенности нескольким лицам, прекращения действия доверенности, проанализированы сроки действия доверенности. При написании статьи были использованы следующие теоретические методы: логический, системно-структурный, а также анализ нормативно-правовой базы и синтез. Изучение института доверенности как разновидности добровольного представительства позволило определить его главные, характерные черты, отметить тенденции развития и преобразования в ходе реформирования, объяснить значимость названного правового инструмента. Актуальность темы данной статьи обусловлена применением доверенности в различных сферах общественной жизни и увеличением частоты ее использования.

**Ключевые слова:** доверенность, ее выдача и прекращение, реквизиты, сроки доверенности, ее виды, нотариальное удостоверение.

#### **Abstract**

In this article the power of attorney is investigated. In particular, the types of power of attorney, its content and requisites are determined, the features of issuing and termination of powers of attorney are considered, taking into account changes in legislation and positions of scientists engaged in the study of civil law and the institution of power of attorney in the Russian Federation. The analysis of articles of the Civil Code of the Russian Federation concerning the institution of the power of attorney is carried out. The possibility of issuing a power of attorney to several persons, the termination of the power of attorney, the duration of the power of attorney are analyzed in detail. When writing the article, the following theoretical methods were used: logical, system-structural, as well as analysis of the regulatory framework and synthesis. The study of the institution of power of attorney as a kind of voluntary representation

made it possible to determine its main features, to note the development and transformation trends in the course of the reform, and to explain the significance of this legal instrument. The relevance of this research topic is due to the use of power of attorney in various spheres of public life, an increase in the frequency of its use.

**Keywords:** power of attorney, its issuance and termination, requisites, terms of power of attorney, its types, notarization.

Выдача доверенности облегчает реализацию прав и интересов представляемого и ускоряет гражданско-правовой оборот. Правом совершать такую одностороннюю сделку обладают как физические, так и юридические лица, следовательно, субъектный состав способствует ее широкому распространению. Кроме того, стоит указать причину ее появления – невозможность совершения юридических действий ввиду нехватки времени, состояния здоровья и т. д. В условиях глобализации, ускорения темпов жизни, обмена информацией потребность в выдаче доверенности безусловно возрастает.

Подробное изучение института доверенности как разновидности добровольного представительства позволит определить его главные, характерные черты, отметить тенденции развития и преобразования в ходе реформирования, объяснить значимость названного правового инструмента.

Прежде чем подойти к законодательной дефиниции, целесообразно разобраться в лексическом значении слова «доверенность». Так, в словаре С. И. Ожегова кроме определения доверенности как документа содержится и устаревшее в настоящее время определение – доверие: «Уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь и основанное на этом отношении к кому-нибудь» [9. – С. 166]. Нельзя не согласиться, что данное определение во многом отражает сущность доверенности и цель ее использования.

В Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) в статье 185 доверенность определена как письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами. В общем понимании это документ, закрепляющий полномочия представителя, их объем. С помощью нее полномочие на совершение сделки становится очевидным и ясным для третьего лица.

Без сомнения, выдача доверенности – это односторонняя сделка, потому что согласия представителя не требуется, но он вправе принять доверенность или отказать в ее принятии. Полномочия, указанные в доверенности, позволяют ему выражать волю представляемого. Исходя из того, что выдача доверенности представляет собой сделку, она должна соответствовать четырем требованиям, предъявляемым к сделкам: совпадение воли и волеизъявления, соблюдение формы сделки, законность содержания, соблюдение требований к субъектному составу сделки (способность участвовать в сделках).

Стоит отметить, что представляемыми могут быть как физические, так и юридические лица. Выдавать доверенности могут дееспособные лица. Граждане с 14 до 18 лет выдают доверенности на осуществление тех сделок, которые могут заключать самостоятельно. На совершение иных сделок по доверенности нужно письменное согласие родителей, усыновителей или попечителей.

Е. В. Богданов, выделяя проблему антропоморфизма юридического лица, приходит к выводу, что юридическое лицо – «лишь инструмент прикрытия интересов людей», который приобретает правоспособность через свои органы, согласно пункту 1 статьи 53 ГК РФ [2. – С. 93]. Автор настаивает на том, что юридическое лицо способно действовать только ввиду участия человека с его правосубъектностью, что подтверждается употреблением слова «лицо» в пункте 3 статьи 53 ГК РФ. Данная позиция подтверждается тем, что лицо представляет интересы юридического лица, например, руководитель, но действует он без доверенности. При этом именно руководитель подписывает доверенность от имени юридического лица, на что указывает пункте 4 статьи 185.1 ГК РФ. На основании доверенности, по которой представляемым является юридическое лицо, действуют руководи-

тели представительств и филиалов – обособленных подразделений этих юридических лиц.

По смыслу статьи 185 ГК РФ доверенность должна быть оформлена письменно. Ее нотариальное удостоверение требуется, если сделки, которые уполномочен совершать представитель от имени представляемого, требуют нотариального удостоверения, за исключением случаев, предусмотренных законом. Согласно пункту 128 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ППВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25), к ним относятся доверенности, уполномочивающие представителя на отчуждение имущества, права на которое зарегистрированы в реестре (например, заключение договоров купли-продажи, мены, дарения в отношении такого имущества), а также на установление ограниченных вещных прав на него (в частности, установление сервитута или ипотеки). Согласно пунктам 2 и 3 статьи 185.1 ГК РФ, к нотариально удостоверенным доверенностям приравниваются доверенности, удостоверяемые:

- 1) начальником госпиталя или другого военно-лечебного учреждения, его заместителем, а при их отсутствии старшим или дежурным врачом;
- 2) командиром (начальником) воинских частей, соединений, учреждений и военно-учебных заведений, где нет нотариальных контор;
- 3) начальником места лишения свободы;
- 4) администрацией стационарных организаций социального обслуживания или руководителем (его заместителем) соответствующего органа социальной защиты населения;
- 5) организацией, в которой доверитель работает или учится, и администрацией стационарного лечебного учреждения, в котором он находится на излечении (бесплатно удостоверяется).

Безусловно в данной статье указаны определенные лица, чьи доверенности могут быть удостоверены не нотариусом из-за особых обстоятельств, в которых находятся эти лица.

Обязательным реквизитом доверенности служит дата ее совершения. Отсутствие даты

совершения делает ее ничтожной ввиду того, что будет невозможно определить срок действия доверенности. Ничтожность означает не только недействительность отношений между представителем и представляемым, но и всех действий представителя, в том числе и сделок, которые признаются ничтожными. Следовательно, стороны будут возвращены в первоначальное положение. Это касается как представителя и представляемого, так и третьих лиц, с которыми представитель заключил сделки. Если не указан срок действия, то доверенность действует в течение года со дня ее совершения, что указано в статье 186 ГК РФ. Следует отметить, что норма, ограничивающая срок действия доверенности тремя годами, была отменена. Таким образом, сейчас в доверенности можно «установить любой срок ее действия» [1. – С. 20]. Согласно пункту 2 названной статьи ГК РФ, доверенность для совершения действий за границей, срок действия которой не ограничен, сохраняет свою силу до того момента, пока доверитель не отменит ее.

Кроме того, обязательными реквизитами является подпись доверителя, а для юридического лица – подпись единоличного органа или иного органа, уполномоченного на это учредительными документами, и печать данного юридического лица.

Содержание доверенности законодательством строго не урегулировано. Оно условно делится на 2 части. В первой указываются полномочия, которые представляемый передает представителю. Они могут быть связаны с реализацией прав или выполнением обязанностей. Без сомнения, представляемый может уполномочить представителя осуществить только те права и обязанности, которыми обладает сам в силу законодательства. Во второй части закрепляется объем полномочий представителя, пределы которых должны быть указаны точно и полно.

Т. В. Григорян справедливо замечает, что в институте доверенности отражается общеправовой принцип гуманизма. Он реализуется не только в правомочиях на собственные действия, например, выдавать доверенность; на защиту; требовать определенных действий от представителя, но и в работе нотариуса по удостоверению доверенности [5].

Таким образом, можно выделить основные положения, которые должны быть соблюдены в доверенности:

- 1) письменная форма и в определенных случаях нотариальное удостоверение;
- 2) возможность выдачи как физическим, так и юридическим лицом;
- 3) представляемый может уполномочить совершать только те юридически значимые действия, которые может совершать сам в силу закона;
- 4) обязательные реквизиты (дата совершения, подпись и печать для юридического лица).

Многие ученые обращают внимание на классификацию доверенности по видам, но отмечают, что данное деление весьма условно. Дело в том, что важным является не название, а содержание доверенности.

В зависимости от объема полномочий, которые предоставляются в доверенности, выделяют:

- 1) генеральную (общую), по которой представитель вправе совершать неопределенный круг юридически значимых действий, совпадающий по объему с правами представляемого;
- 2) специальную, в соответствии с которой представитель вправе совершать действия, однородные по своей сущности, в течение определенного периода времени, или которая действует в определенной сфере (например, в суде);
- 3) разовую, направленную на совершение одного конкретного действия.

Нельзя не указать на возможность выдачи доверенности нескольким лицам, согласно пункту 5 статьи 185 ГК РФ. Представители могут действовать как отдельно, так и совместно. В первом случае каждый из представителей обладает объемом полномочий, несет самостоятельно ответственность за свои действия, вправе лично совершать те действия, которые уполномочен совершать по доверенности [7]. Существует риск, который должен осознавать представляемый: одна и та же сделка может быть совершена дважды каждым из представителей, если полномочие их одинаково. Отказ от полномочий одного из представителей, а равно отмена его полномочий представляемым, влечет прекращение доверенности только в отношении указанного

представителя, на что указывает пункт 126 ППВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25.

Иной порядок существует во втором случае – при совместном представительстве отказ одного из представителей влечет прекращение доверенности в целом, а отмена доверенности в отношении одного представителя – только для него. Совместное осуществление полномочий представителями обязательно должно быть указано в доверенности. Предполагается, что они действуют для достижения общего результата, поэтому необходимо точно указать в обязанности, определить условия, чтобы их деятельность была достаточно эффективной. Введение совместного представительства в доверенность снижает риски в предпринимательстве, так как контролировать заключение определенной сделки смогут несколько лиц, указанных в доверенности. Ученые справедливо прогнозируют востребованность доверенностей с указанием нескольких представителей, действующих совместно и при представительстве граждан.

Добровольное представительство возникает также на основании договора поручения. В связи с этим следует выяснить сходство и различия доверенности и договора поручения.

Начнем с того, что слово «поручить» имеет следующее значение: «Вверить, возложить на кого-то-нибудь исполнение чего-нибудь...» [9. – С. 554]. Напрашивается вывод о том, что определение слов «поручение» (однокоренное к «поручить») и «доверенность» частично совпадает и указывает на их доверительный, личный характер. И доверенность, и договор поручения носят фидуциарный характер, что подтверждается пунктом 2 статьи 977 ГК РФ, согласно которому доверитель вправе отменить поручение, а поверенный отказаться от него в любое время. Отличия договора поручения и доверенности выражаются в следующем:

1. Доверенность – односторонняя сделка, а договор поручения – двусторонняя.
2. Доверенность всегда совершается в письменной форме, в то время как договор поручения может быть заключен и в устной, и в письменной форме.
3. Договор поручения регламентирует отношения между доверителем и поверенным, в то время как доверенность создает

возможность для осуществления действий с третьими лицами через представителя или поверенного по указанному договору.

Прекращению доверенности посвящена статья 188 ГК РФ. Следует отметить, что во время действия предыдущей редакции статьи 186 ГК РФ срок действия доверенности не мог превышать три года. Естественно, что ученые считали доверенность срочной сделкой. Нынешнее законодательство не ограничивает срок действия доверенности определенным временным промежутком, но в литературе существует мнение, что доверенность определена законодателем как срочная сделка: если не определен срок ее действия, то она сохраняет силу в течение года со дня ее совершения (пункт 1 статьи 186 ГК РФ).

Итак, действие доверенности прекращается вследствие:

1) истечения ее срока. Стоит учитывать, что применяются нормы главы 11 ГК РФ «Исчисление сроков». Например, если день окончания действия доверенности выпадает на выходной, то срок будет заканчиваться в ближайший следующий за ним рабочий день;

2) отмены доверенности лицом, выдавшим доверенность, или одним из лиц, выдавших доверенность совместно, причем либо в той форме, в которой была выдана доверенность, либо в нотариальной форме. Новая редакция вступила в силу с 1 января 2017 г. и установила, что доверенность, выданная в нотариальной форме, может быть отменена только в такой же форме, а для доверенности, выданной в простой письменной форме, лицо вправе выбрать либо такую же форму, либо нотариальную;

3) отказа от полномочий лица, которому выдана доверенность. В этом выражается воля представителя на прекращение доверенности. И лицо, выдавшее доверенность или передоверие, вправе отменить ее в любое время, и лицо, которому выдана доверенность, вправе в любое время отказаться от нее. Естественно, что данное правило не распространяется на безотзывную доверенность;

4) прекращения юридического лица, от имени которого или которому выдана доверенность, в том числе в результате реорганизации в форме слияния, разделения или присоединения;

5) смерти гражданина, выдавшего или которому выдана доверенность, признания кого-либо из них недееспособным, ограниченно дееспособным или безвестно отсутствующим;

6) введения процедуры банкротства, при котором лицо утрачивает право самостоятельно выдавать доверенности. Согласно пункту 130 ППВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, это процедуры внешнего управления и конкурсного производства.

Безусловно, с прекращением доверенности прекращается и передоверие, так как оно зависит от первоначальной доверенности. Однако первоначальная доверенность не зависит от передоверия. Например, при отказе от доверенности, выданной в порядке передоверия, первоначальная доверенность сохраняет свою силу.

В соответствии со статьей 189 ГК РФ, лицо, выдавшее, а впоследствии отменившее доверенность, обязано известить об отмене не только представителя (кому выдана доверенность), но и известных ему третьих лиц, для представительства перед которыми была выдана доверенность. Это распространяется на правопреемников юридических и физических лиц. Данное право не может быть реализовано на практике в любое время, например, когда доверитель не имеет связи с представителем ввиду объективных обстоятельств: находятся в разных регионах и т. д. В отношении извещения третьих лиц законодатель сделал оговорку: если отмена совершена в нотариальной форме, то считаются извещенными на следующий день после внесения сведений в реестр нотариальных действий; а если отмена совершена в простой письменной, то по истечении одного месяца со дня опубликования в официальном издании, где публикуются сведения о банкротстве. В последнем случае подпись на заявлении об отмене доверенности должна быть нотариально удостоверена. Очевидно, что указание законодателем в данной норме наряду с третьими лицами и представителя осложнило бы гражданско-правовой оборот. Сложно представить ситуацию, при которой представитель, уполномоченный доверенностью, совершенной в нотариальной форме, каждый день должен будет проверять соответствующий реестр.

По прекращении доверенности представитель или его правопреемники обязаны вернуть доверенность немедленно. Но данная обязанность выполняется достаточно редко, так как ответственность за ее неисполнение не установлена.

Нельзя не сказать о том, что субъективное право лица, выдавшего доверенность, – отменить ее и субъективное право лица, которому выдана доверенность, – отказаться от нее в любое время основаны на фидуциарном характере отношений между ними. Как указывают А. П. Сергеев и В. С. Ем, одностороннее заявление одной из сторон о прекращении данных отношений возможно по причине утраты доверия к другой стороне [6]. Чтобы обеспечить устойчивость этих прав, законодатель установил, что соглашение об отказе от них ничтожно.

Не представляет сомнения позиция В. А. Микрюкова о том, что право на отмену доверенности имеет границы: оно должно соблюдать требования законодательства, не нарушать права и законные интересы других лиц [6]. Интересна позиция профессора

Е. В. Богданова, который охарактеризовал субъективное право как «меру свободы и произвола» [3. – С. 46]. Если лицо действует добросовестно (этот принцип закреплен в пункте 3 статьи 1 ГК РФ), то оно своими произвольными действиями осуществляет свободу. В противном случае произвол трансформируется в неправовую и общество принимает меры для его ограничения, что применимо и к праву отмены доверенности, несмотря на то, что автор рассматривает в своей статье только договорные отношения, а выдача доверенности является односторонней сделкой.

Таким образом, прекращение доверенности определено исчерпывающим перечнем обстоятельств, которые вытекают либо из ранее закрепленных норм, либо из фидуциарной природы отношений между представителем и представляемым.

Доверенность – стремительно развивающийся и достаточно востребованный правовой инструмент, который с развитием общества будет использоваться все чаще.

### Список литературы

1. Блинкова Е. В. Представительство и доверенность в современном российском гражданском праве // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2013. – № 35. – С. 17–23.
2. Богданов Е. В. Проблема сущности юридического лица // Современное право. – 2011. – № 11. – С. 89–94.
3. Богданов Е. В. Свобода и произвол как элементы договорного регулирования общественных отношений // Журнал российского права. – 2017. – № 3 (243). – С. 41–53.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 5 декабря. – № 32. – Ст. 3301.
5. Григорян Т. В. Доверенность как гражданско-правовая сделка, реализующая принцип гуманизма // Апробация – 2015. – № 4 (31). – С. 112–115.
6. Микрюков В. А. Об ограничении права на отмену доверенности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 1 (15). – С. 131–138.
7. Невзгодина Е. Л. Множественность лиц в доверенности: новеллы гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Омского университета. – 2014. – № 1 (71). – С. 190–193.
8. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – 30 июня. – № 140.
9. Словарь русского языка: около 60 000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс : Мир и Образование, 2006.

## Актуальные проблемы разработки и внедрения налога на роскошь в России

**А. И. Федорова**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: bogdanov.ev@rea.ru

**Ю. П. Жихарева**

студентка 3-го курса РЭУ им. Г. В. Плеханова.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: yul.zhixarewa@yandex.ru

## Actual Problems of Development and Implementation of the Luxury Tax in Russia

**A. I. Fedorova**

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: bogdanov.ev@rea.ru

**Yu. P. Zhikhareva**

Third-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation  
E-mail: yul.zhixarewa@yandex.ru

### Аннотация

На сегодняшний день налогообложение является основным источником доходов государства, необходимым для реализации общественно-значимых целей в рамках всего государства. Вопрос внедрения в налоговую систему России налога на роскошь остается дискуссионным на протяжении нескольких последних лет. Мировая практика показывает, что многие государства применяют такой налог как в качестве способа пополнения бюджета, так и в качестве средства социальной справедливости, устанавливая прямую зависимость размера налога от размера дохода лица. Однако единого подхода в данном вопросе нет – государства по-разному подходят к проблеме в зависимости от желательного для экономики и системы налогообложения государства результата. В Российской Федерации такой подход на данный момент не выработан, поскольку пока не удается прийти к консенсусу в отношении сразу нескольких вопросов: 1) вопроса структурного – не найдена подходящая модель налога, юридическая конструкция налога, не ясны налоговая база, предмет налогообложения, субъект; 2) вопроса экономического – не сформирована экономическая целесообразность введения налога – приведет ли данная мера к улучшению экономической ситуации страны? 3) вопроса социального (морально-этического) – не найден баланс между интересами людей с разным уровнем дохода: насколько правильным решением будет поставить налог в зависимость от размера дохода? Будет ли это справедливым по отношению к людям, которые собственным трудом заработали свой капитал?

**Ключевые слова:** налог на роскошь, юридическая конструкция налога, прогрессивная шкала налогообложения, предметы роскоши, предмет налогообложения, субъект налогообложения.

### Abstract

Taxation is the main source of state revenues necessary for the realization of socially significant goals within the whole state. The question of the introduction into the tax system of Russia of a luxury tax remains controversial for the last several years. The world practice shows that many states apply such tax as a way of replenishing the budget, and as a means of social justice, establishing direct dependence of the amount of tax on the amount of a person's income. However, there is no single approach in this

issue: the states approach the problem differently, depending on the result desirable for the economy and the system of taxation of the state. In the Russian Federation, such an approach has not been worked out at the moment, since it is not possible to reach consensus on several issues: 1) The structural issue – a suitable tax model has not been found, its legal tax structure, the tax base, subject and object of taxation are unclear; 2) The economic issue – there is no economic feasibility of introducing a tax – will this measure lead to improvement of the country's economic situation? 3) The question of social (moral and ethical) – the balance between the interests of people with different levels of income is not found: how appropriate is the decision to put the tax in dependence on the amount of income? Will this be fair in relation to people who have earned their capital with their labor?

**Keywords:** the luxury tax, the legal design of the tax, the progressive scale of taxation, luxury goods, the object of taxation, the subject of taxation.

На сегодняшний день актуальным для всего мира является процесс разработки и внедрения комплекса мер, которые помогут обеспечить оптимальное распределение налоговой нагрузки граждан с учетом их доходов и уровня жизни. Одной из таких мер во многих странах становится введение налога на роскошь.

Впервые такой налог ввела Великобритания в 1915 г., только на тот момент речь шла не о налогообложении физических лиц, а о налогообложении субъектов предпринимательства, прибыль которых превышает определенный размер – налог на сверхприбыль. На основе этого налога позднее начал формироваться налог в отношении физических лиц – в английской налоговой системе является Гербовый сбор на недвижимость с прогрессивной шкалой налогообложения [9. – С. 258].

Во Франции налог на роскошь существует с 1982 г. Более того, с 2012 г. во французской системе налогообложения появился налог на сверхдоход, и с 2013 г. все предприятия, которые выплачивают сотрудникам оклады свыше 1 млн евро, платят такой налог по налоговой ставке 75% [4. – С. 41]. Расчет налога производится, исходя из общей стоимости всей совокупности принадлежащего лицу имущества – чем выше стоимость, тем выше будет налоговая ставка.

В Америке данный налог является временной мерой и вводится на определенный период времени по необходимости. Его целью является социальное выравнивание. Кроме того, в Штатах применяется повышенная ставка НДС на товары класса люкс – налог при этом взывается с изготовителя – и применяется повышенная ставка налога на недвижимость. Вводить более суровые меры

органы государственной власти считают пока нецелесообразным.

Достаточно давно существует налог на роскошь в Китае. Его существование обусловлено наличием большого числа предметов роскоши на территории государства (1/5 мирового рынка предметов роскоши приходится на китайский рынок). Под налог попадает достаточно большое количество предметов роскоши (от антиквариата и драгоценностей до элитной косметики), что вкупе с высоким налогом приводит к тому, что большинство жителей государства приобретают аналогичные товары за рубежом.

Как можно увидеть, на сегодняшний день не существует единого подхода к тому, каким должен быть налог на роскошь, что должно являться предметом налогообложения, какие категории граждан должны его выплачивать и, наконец, достижению каких целей он должен способствовать. Каждая страна решает эти вопросы по-своему, исходя из анализа внутреннего рынка, уровня социального расслоения в государстве, уровня жизни населения, состояния экономики и т. д.

В России вопрос о введении налога на роскошь последние несколько лет является особенно актуальным: начали обсуждать возможность введения такого налога с целью уменьшить дефицит бюджета, а также перенаправить средства на помощь нуждающимся. «Именно размер дохода характеризует способность гражданина выполнять свои налоговые обязательства, а также степень его благосостояния. Налог на доходы должен, как никто другой, должен, наряду с фискальной, реализовывать также и свою распределительную функцию» [1. – С. 501]. Однако в действительности на сегодняшний день налог на роскошь в России не введен, несмотря на

множество дискуссий. В России введена повышенная ставка налогообложения на дорогие автомобили и на недвижимость [6], налог на которые рассчитывается исходя из их стоимости (в случае с автомобилем учитывают также его «возраст»).

Многие называют повышенную ставку на недвижимость и дорогие автомобили налогом на роскошь, однако на самом деле попадающие под данную ставку объекты далеко не всегда можно назвать предметом роскоши. В частности, стоимость квартиры может быть высокой не потому, что она представляет собой роскошно обставленное жилье, а потому, что данная квартира находится в центре Москвы, но при этом состояние ее весьма плачевное, поскольку у хозяина нет средств на улучшение условий [8. – С. 365]. В то же время налогообложению по повышенной ставке подлежат только объекты недвижимости и автомобили, в то время как количество предметов, которые могут являться предметами роскоши, существенно шире. Таким образом, мы приходим к выводу, что в России на сегодняшний день существует необходимость разработки и постепенного внедрения налога на роскошь, конструкция которого будет более правильной по сравнению с существующими мерами, и позволит достигнуть таких целей, как более эффективное перераспределение денежных средств и достижение социальной справедливости.

Поскольку единого подхода и мнения еще не найдено, то одним из основных дискуссионных вопросов сегодня является отсутствие законодательного (легального) закрепления понятия «роскошь» и конкретных критериев, которые позволили бы отнести определенное имущество к категории предметов роскоши. Толковый словарь определяет понятие «роскошь» как предметы, без которых человек может обойтись, которые являются показателем богатства или некоторой степени зажиточности. «Роскошь – это товары, которые продаются дороже, по сравнению с товарами, обладающими теми же потребительскими свойствами; излишества в комфорте; товары, спрос на которые растет с увеличением доходов [2. – С. 140]. На наш взгляд, для формирования определения, тем более для оформления критериев введения данного понятия на законодательный уровень, такого опреде-

ления недостаточно. Целесообразно в качестве дополнительных критериев для определения категории предметов роскоши добавить следующие:

1. Критерий качества вещи, определяющий ее назначение и использование. На сегодняшний день на рынке можно найти большое количество товаров, которые призваны выполнять одну и ту же функцию или служат одной и той же цели, но при этом диапазон цен внутри такой группы товаров существенно отличается. Это объясняется множеством факторов, влияющих на механизм ценообразования. С того момента, когда качество товара достигает значения выше среднего (т. е. все товары с ценой выше, чем данный товар, будут в отношении качества данного товара приблизительно на одном уровне, возможность использования или же цель, назначение данного товара будут такими же или же разница в качественных показателях будет незначительной и не будет влиять существенно на использование данного товара), такой товар может считаться предметом роскоши. И все товары данной группы, достигшие такого уровня качества и цена которых выше за счет бренда (например, автомобили комплектации Mercedes класса премиум по цене могут быть выше, чем модели аналогичной комплектации Hyundai, разница в технических показателях не существенна, однако разница в цене ощутима) или за счет особенно дорогого материала, который никак не влияет на качество (в некоторых дорогих машинах выполняют отделку салона из драгоценных металлов), можно отнести, на наш взгляд, к предметам роскоши.

Кроме того, можно сравнить автомобили Mercedes и, например, Bugatti. Технические возможности второго будут, безусловно, выше, однако для удовлетворения целей, которым призван служить автомобиль (передвижение, перевозка людей и грузов), а также качество изготовления и технические характеристики у Mercedes находятся на достаточно высоком уровне, в то время как Bugatti, обладающий высокими техническими параметрами, способный развивать огромную скорость, в плане использования в жизни не будет обладать особыми преимуществами – с учетом ограничений скорости на дорогах, с

учетом фактического использования, высокого расхода топлива и т. д.

2. Количество имущества. Это значит, что в собственности лица находится какое-то количество имущества (речь идет об дорогостоящем имуществе – недвижимость, автомобили, изделия из дорогостоящих материалов, предметы искусства – о данных группах речь будет идти ниже), и можно вводить дополнительный количественный критерий, поскольку если у человека в собственности находится имущество в количестве большем, нежели он может потреблять (он и его семья – супруг, дети и иждивенцы), то такое имущество при условии стандартных качественных параметров должно облагаться налогом. Например, человек имеет в собственности пять автомобилей. Допустим, что одним пользуется его жена – в качестве подтверждения есть доверенность на управление транспортным средством. Оставшиеся четыре автомобиля могут подлежать налогообложению по количественному критерию.

3. Неимущественная ценность предметов. Данную категорию можно выделить в особое регулирование, поскольку сложно было бы определить объективно качество и количество в связи с тем, что ценность этих предметов определяется в большей степени неценовыми, субъективными факторами. Речь идет о результатах интеллектуальной деятельности, которые в денежном выражении могут иметь высокую стоимость. Сложно подобрать какую-то конкретную модель, поскольку цена того или иного произведения определяется во многом совокупностью произведений искусства на конкретном рынке и спросом на него.

Однако существует возможность определить порог стоимости, так как подобные объекты должны подлежать регистрации, и все предметы с ценой выше порога будут подлежать налогообложению. Но тогда же появляется необходимость а) государственной экспертизы по оценке стоимости каждого конкретного произведения и б) учета (регистрации) перехода права на подобные изделия. На сегодняшний день уже существуют некоторые базы, в которых регистрируются права на арт-объекты, например, Единый реестр авторов и сертифицированных произведений искусства «АРТРЕЕСТР» [3]. Введение налога на роскошь в отношении данной категории

товаров обусловлено еще и целью сделать искусство доступным для всех категорий граждан. Для достижения данной цели можно ввести дополнительную льготу на данную категорию товаров: от налога будут освобождены музеи и иные некоммерческие организации, организующие процесс демонстрации культурного наследия государства и мирового культурного наследия для населения. Кроме того, целесообразно освободить от уплаты налога на роскошь создателей данных предметов.

Определив критерии определения объекта налогообложения по налогу на роскошь, можно вывести перечень объектов налога [7]. К таковым может отнести:

1. Недвижимость (всю).
2. Транспортные средства.
3. Банковские счета.
4. Ценные бумаги.
5. Изделия из драгоценных металлов (весом выше определенной нормы).
6. Материальные результаты интеллектуальной деятельности (стоимостью выше пороговой по оценкам экспертов).
7. Антикварные изделия (вещи, обладающие исторической ценностью. Возможно, их можно было бы включить в категорию выше. Но здесь особенность в том, что определенное время назад данные изделия могли оцениваться соразмерно их качественным характеристикам, но по прошествии определенного временного периода их стоимость существенно увеличилась за счет их возможной редкости или исключительности. Здесь также необходимы экспертиза и учет).
8. Экзотические домашние животные или их производные (речь идет о дорогих животных, которые могут обладать очень высокой стоимостью, или же о мехах, коже, кости и иных производных животных с высокой стоимостью).

Актуальным остается вопрос: надо ли создавать отдельную юридическую конструкцию налога или стоит просто добавить ставки на предметы роскоши в уже существующие? В данной статье предлагается комплексный метод. Исходя из перечисленных категорий предметов, относимых к роскошным, целесообразно применить оба варианта решения вопроса: в отношении недвижимого имущества, а также транспортных средств, банков-

ских счетов, ценных бумаг можно ввести дополнительную ставку по количественным и качественным признакам, а в отношении изделий из драгоценных металлов, антиквариата и материальных результатов интеллектуальной деятельности, а также животных и их производных можно было бы создать отдельный налог с прогрессивной шкалой налогообложения в зависимости от общей стоимости.

Если говорить о субъектах налогообложения, то их определять необходимо в соответствии с приведенной выше логикой: для категорий предметов, в отношении которых вводится лишь дополнительная повышенная ставка, налоговыми резидентами будут те лица, которые указаны в Налоговом кодексе РФ в качестве налогоплательщиков конкретных налогов. Что же касается категорий, для которых предлагается ввести отдельный налог на роскошь, то целесообразно ввести данный налог для физических и юридических лиц: налогоплательщиком будет лицо, которому принадлежит предмет налога.

Важным является также решение социально-этического вопроса. Речь идет о корреляции «налога на роскошь» с общеправовыми принципами в целом и принципами налогообложения в частности. На практике выражение этих принципов порождает конфликт интересов – государство должно поддерживать социальную справедливость в государстве, но в то же время должно ли оно это делать посредством неравного распределения налоговой обязанности между гражданами?

Вопрос заключается в том, насколько введение такого налога коррелирует с общеправовыми принципам законности, справедливости, недопустимости произвольного ограничения прав и свобод личности. Конституцией всем гражданам дарованы равные права и свободы, в частности, дарована свобода заниматься любыми формами экономической деятельности, свобода предпринимательства. Фактически введением налога на роскошь мы нарушаем данное положение закона, поскольку ограничиваем свободу экономической деятельности тем, что человек, который будет больше вкладываться в развитие своего дела, будет получать более высокий доход; используя свои способности, он должен будет отдавать значительно больше денег государству, нежели человек, зарабатывающий сред-

нюю фиксированную заработную плату, хотя у последнего также есть право использовать свои способности в предпринимательстве и получать аналогичный доход. Прослеживается весьма конкретная опосредованная связь: свободу человека реализовывать себя как предпринимателя, чтобы получать большой доход, ограничивают, поскольку ему придется отдавать большую сумму государству, хотя, например, он как индивидуальный предприниматель несет определенные риски в процессе осуществления деятельности, и его не только не защищают, но еще и предлагают облагать дополнительным налогом.

Другая сторона принципа равенства и справедливости, в которой просматривается интерес государства, состоит в том, что человек платит налог, соразмерный получаемым доходам. Этот принцип определяет систему функционирования налогообложения. Государство заинтересовано в том, чтобы то лицо, которое получает большой доход, большую сумму отдавало государству – в процентном выражении налог на роскошь будет вполне эквивалентным получаемым доходам. Таким образом, принцип соразмерности налогообложения будет реализован в полной мере.

Кроме того, в пользу введения налога на роскошь приводится аргумент, в соответствии с которым введение налога на роскошь должно побуждать состоятельных людей вкладывать средства в развитие экономики и предпринимательства, а не использовать средства для того, чтобы продемонстрировать свое превосходство над другими людьми.

Возможно, приведенная точка зрения выглядит излишне резкой, а приведенное решение – жестким. Тем не менее позиция ярко демонстрирует текущее положение вещей и образно отражает огромную пропасть социального неравенства между гражданами одного государства. И задачей государства является сократить это расстояние, приняв меры для того, чтобы первые оказали помощь вторым. Одной из таких мер может быть введение налога на роскошь по приведенной в данной статье модели.

Вместе с тем приводить налоговые механизмы в действие нужно крайне осторожно – необдуманные решения в этом направлении будут иметь крайне неблагоприятные последствия для экономики. В целом можно сделать

вывод, что «многие поддерживают введение "налога на роскошь", но не видят в нем средства достижения справедливости» [5. – С. 9]. Необходимо вводить меры постепенно, большое внимание уделяя организации систем регистрации предметов роскоши, подлежащих налогообложению, контролю за реализацией надлежащего функционирования таких систем. Помимо этого, необходимо введение адекватных налоговых ставок по данной конструкции, чтобы излишне суровые меры не повлекли реакции со стороны населения, как это происходит, например, в Китае.

И безусловно, необходимо искоренять существующие на сегодняшний день проблемы, связанные с введенными прогрессивными ставками, расширять возможные категории льгот по данному налогу, дабы избежать чрезмерной налоговой нагрузки на лиц, чьи доходы не в состоянии ее выдержать. Комплексный подход станет надежным фундаментом для постепенной и последовательной реализации данной меры для активации процесса социального перераспределения денежных средств среди населения.

### Список литературы

1. *Абакарова Р. Ш.* Содержание налоговой политики в среднесрочной перспективе // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 501–503.
2. *Дождева Е. Е., Кутилина М. А.* Перспективы налогообложения предметов роскоши в России // Самарский государственный экономический университет. Региональное развитие. – 2014. – № 3, 4. – С. 139–142.
3. Единый реестр авторов и сертифицированных произведений искусства «АРТРЕЕСТР». – URL: <http://artreestr.ru/>
4. *Карнов С. А.* Усиление налогового давления на предпринимательство во Франции // Cloud of Science. – 2013. – № 1. – С. 41–43.
5. *Муха В. Н., Иванчикова А. В., Самсонкина Е. А.* Социальные аспекты реформирования системы налогообложения в России: по материалам социологического исследования населения Краснодарского края // Концепт. – 2013. – № 3 (март). – С. 1–9.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 27.11.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – 7 августа. – № 32. – Ст. 3340.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 27.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – 3 августа. – № 31. – Ст. 3824.
8. *Рамазанова Б. К.* Социальный аспект налога на роскошь // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 1. – С. 363–365.
9. *Шакирова Р. К.* Концепция налога на роскошь: зарубежная практика, отечественный опыт и альтернативы / Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2016. – № 1 (33). – С. 255–266.

### **Особенности земельно-правового режима при формировании территорий опережающего развития на Дальнем Востоке**

**И. В. Тюрин**

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: Tyurin.IV@rea.ru

**А. А. Толканова**

студентка 4-го курса РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: Tolkanova14@mail.ru

### **Features of the Land-Legal Regime in the Formation Territories of Advanced Development in the Far East**

**I. V. Tyurin**

Senior Lecturer of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation.  
E-mail: Tyurin.IV@rea.ru

**A. A. Tolkanova**

Fourth-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.  
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,  
Moscow, 117997, Russian Federation  
E-mail: Tolkanova14@mail.ru

#### **Аннотация**

Статья посвящена анализу земельно-правового режима в границах территорий опережающего развития на Дальнем Востоке России. Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», появившийся в 2014 г., служит правовой базой для создания благоприятного инвестиционного климата и экономического развития всех дальневосточных регионов. Привлекательные условия налогообложения и иные, в том числе земельно-правовые, льготы для создаваемых проектов должны обеспечить привлечение инвесторов на территории Дальнего Востока. В статье особое место уделяется принципам размещения объектов инфраструктуры для создания и развития производства на указанной территории. Рассмотрев ряд законодательных актов, регулирующих данные вопросы, можно сказать о том, что в настоящий момент существуют некоторые пробелы в правовом регулировании отношений, возникающих в процессе осуществления землепользования на территориях опережающего социально-экономического развития.

**Ключевые слова:** территории опережающего развития, резиденты, особый земельно-правовой режим, инвестиции, условия предоставления земельных участков, льготы, обременение, управляющая копания, Дальневосточный федеральный округ (ДФО), Министерство РФ по развитию Дальнего Востока.

#### **Abstract**

The article considers the land-legal regime of the territories of advanced social and economic development in the Far East. The Federal Law "On the Territories of Advanced Social and Economic Development in the Russian Federation" was adopted in 2014 and has served as a legal basis for creating a favorable investment climate and economic development of the region. Comfortable taxation conditions and the other exemptions for newly created projects should attract investors to the Far East. The article puts emphasis on the principles of location of infrastructure facilities for creation and development of production in these territories. In accordance with the analysis of several legislative acts

regulating this issue, today there are some gaps in the legal regulation of relations arising in the process of land using in the areas of advanced social and economic development.

**Keywords:** territories of advanced development, residents, land legal regime, investments, terms of land allocation, benefits, encumbrance, management company, the Far Eastern Federal district, The Ministry for the Development of the Russian Far East.

В течение многих лет в международной практике существует способ привлечения крупных капиталов организаций для ускоренного социально-экономического развития отдельных стран, который заключается в установлении особых льготных условий на отдельных территориях для создания и роста производства внутри этих стран.

Наиболее ярким примером успешного развития территорий с льготными экономическими условиями для развития производства является Сингапур. Либерализованный с экономической точки зрения режим ввоза и вывоза имущества и капиталов в Сингапуре позволяет рассматривать это государство как единую индустриально-торговую зону. В целях осуществления экспортного производства по распоряжению национального правительства был сформирован ряд промышленных районов, предназначенных для создания предприятий, производящих товарную продукцию [7]. Создание промышленных зон с особыми условиями для инвесторов, а также создание зон свободной торговли реализуется в Сингапуре с 1970 г. и осуществляется в рамках специальной программы. Российская Федерация тесно сотрудничает в инвестиционной сфере с Сингапуром, а также перенимает опыт развития особых экономических зон.

Другим примером успешного внедрения территориального зонирования по экономическому признаку является Китайская Народная Республика. В начале 80-х гг. XX в. в Китае было создано 5 специальных экономических зон для привлечения иностранных инвестиций. По настоящее время данные зоны продолжают играть значительную роль в экономике государства. Так, в 2013 г. совокупная цена всех сделок, совершенных в рамках внешнеэкономической деятельности в этих зонах, повысилась на 14,7% по сравнению с предшествовавшим годом и достигла суммы 699,83 млрд долларов, в частности по экспортным сделкам – 394,98 млрд долларов, по импортным сделкам – 304,85 млрд долларов [7].

В нашей стране территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОР) стали формироваться на основании озвученного в конце 2013 г. поручения Президента Российской Федерации В. В. Путина. 29 декабря 2014 г. был подписан, а 30 марта 2015 г. вступил в действие Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [18], поставивший своей основной целью интенсивное экономическое развитие отдельных территорий Российской Федерации. Известным фактом является то, что некоторые субъекты Российской Федерации являются дотационными с бюджетной точки зрения, т. е. не в состоянии покрыть свои расходы собственными доходами, и федеральный бюджет выделяет для этого дотации<sup>1</sup>. Необходимость разработки и реализации программ по поднятию экономики этих субъектов РФ явилась предпосылкой для создания ТОР.

Первоочередной задачей сегодня является развитие Дальнего Востока, что обуславливается его территориальной протяженностью, наличием большого количества неосвоенных природных ресурсов, в том числе земель, а также немаловажное значение имеет тот факт, что дотации из бюджета для регионов, входящих в его состав, составляют порядка 40% [12]. Стоит отметить, что замечена негативная тенденция оттока населения из Дальневосточного федерального округа (ДФО).

Перейдем непосредственно к вопросу создания ТОР. В статье 2 вышеуказанного закона содержится определение территории опережающего развития, а именно ею является часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, на которой, в соответствии с решением Правительства Российской Федерации, установлен особый

<sup>1</sup> Дотации – это нецелевые средства, предоставляемые для достижения региональным бюджетом сбалансированного состояния (в соответствии со статьей 6 БК РФ [1]).

правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

Нельзя здесь проводить аналогию с другой формой выделения определенной территории с льготным экономическим режимом – особой экономической зоной<sup>1</sup>. Данные правовые режимы кардинально отличаются. Это заключается в том, что ТОР строятся на индивидуальном взаимодействии с каждым лицом, планирующим совершать или уже совершающим инвестиции. Помимо предоставления налоговых освобождений государство обязуется возвести объекты требуемой инфраструктуры. Также законодательно вводится значительное число новых приемов правового регулирования, включая сокращение частоты проверок резидентов ТОР и вручение полномочий по всем локальным вопросам управленческого и экономического характера исключительно управляющей компании ТОР.

Впервые обособленные территории с особыми экономическими условиями возникли в России в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Попытки развития территорий путем установления в отношении них особого статуса предпринимались еще в советскую эпоху, что подтверждает Закон СССР «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» [4]. Начало подлинной реализации данной программы началось лишь после распада СССР в связи с изданием таких актов, как Закон РСФСР «Об иностранных инвестициях в РСФСР» [3] и Указ Президента РСФСР «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» [13].

Первые полноценные свободные экономические зоны в России были сформированы в 1994 г. в Ингушетии и Калмыкии. Реализация этого курса экономической политики продолжилась в 1997 г. с установлением эколого-экономического района «Алтай». В дальнейшем был введен принципиально новый статус

особых экономических зон, который был отражен в ряде нормативных актов. К ним можно отнести федеральные законы:

– от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ «Об особой экономической зоне в Магаданской области» [19];

– от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [16];

– от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [15].

Отдельные процедурные вопросы, встающие при возникшей необходимости организации особых экономических зон, решаются в Постановлении Правительства РФ от 26 апреля 2012 г. № 398 «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны» [9].

Однако развитие вышеописанных зон приостановилось, так как это привело к неравномерности развития регионов страны и уменьшению налоговых поступлений в бюджет государства. В 2011 г., в соответствии с положениями Федерального закона «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14], был предусмотрен еще один режим зон экономического развития, которые получили статус территорий ускоренного развития. На сегодняшний день в рамках государственной политики по экономическому развитию отдельных регионов РФ реализуется в том числе программа по освоению территорий Дальнего Востока, о которой и идет речь в данной статье.

В целях формирования ТОР и освоения их возможностей при созданных оптимальных условиях для совершения капиталовложений на российском Дальнем Востоке была разработана Подпрограмма 1 «Создание условий для опережающего социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа» [11] как часть Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» [8], реализация которой возложена на Министерство

<sup>1</sup> Учреждены Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [16].

Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития).

Схема развития ДФО сегодня базируется на поставке в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) товаров, результатов выполнения работ и оказания услуг, полностью изготовленных на территории субъектов РФ, входящих в состав данного федерального округа; поддержании надлежащего уровня инвестиционного климата; привлечении инвестиций отечественного и иностранного происхождения; стимулировании общей деловой активности; увеличении сегмента рынка, занятого субъектами малого и среднего предпринимательства; формировании ТОР (в виде промышленных, технологических, агропромышленных парков и ином), конкурентоспособных с точки зрения сравнения их экономических показателей с показателями развития в других российских регионах<sup>1</sup>.

Резидентами ТОР, в соответствии со статьей 13 Закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», могут выступать индивидуальные предприниматели и юридические лица, равно как и лица, имеющие намерение учредить юридическое лицо в границах ТОР в целях получения статуса ее резидента. Организация, изъявившая желание получить резидентство в ТОР, должна пройти государственную регистрацию и иметь свое местонахождение на территории одного из субъектов РФ в составе ДФО, не имея филиалов вне ТОР. Указанные выше лица обращаются в управляющую компанию ТОР с заявкой на дальнейшее заключение специального соглашения об осуществлении деятельности. Статья 13 вышеназванного закона указывает на форму и содержание, которые должна иметь заявка, а также порядок рассмотрения данного обращения управляющей компанией.

Основной массой инвесторов ТОР выступают российские компании. Однако следует отметить, что инвесторы из стран АТР уже подали заявки на участие в проекте. Так, компания BAOLIBITUMINA Singapore, являющая-

ся признанным лидером в области производства и поставки битума, вошла в число самых первых резидентов ТОР «Хабаровск» с планами по возведению завода и всей сопутствующей инфраструктуры. Представители предпринимательского сообщества из КНР собираются инвестировать порядка 114 млрд рублей в организацию нефтеперерабатывающей индустрии в Комсомольске-на-Амуре и дополнительно к этому 600 млн рублей в металлургическое и кирпичное предприятия, находящиеся в границах ТОР «Кангалассы» (Якутия). Компания JGC, происходящая из Японии, уже заложила постройку системы теплиц в районе расположения ТОР «Хабаровск» с капиталовложениями на сумму примерно 2,5 млрд рублей. Еще одна японская организация Sojitz активно согласовывает возможность по совершенствованию инфраструктуры аэропорта в Хабаровске, где инвестиции могут составить свыше 10 млрд рублей [5].

Для привлечения резидентов предпринят ряд мер, которые предполагают предоставление льгот на осуществление предпринимательской деятельности. Особенности налогообложения резидентов закреплены в статье 284.4 НК РФ [6]. В соответствии с данной статьей, статус резидента дает ряд таких налоговых преимуществ: ставка 0% налога на прибыль, на имущество, на землю в первые 5 лет; ставка 0% налога на добавленную стоимость на импорт для переработки. Также существуют иные льготные условия: ставка 0% для ввозных и вывозных таможенных пошлин; ставка 7,6% по страховым взносам (обычная ставка – 30%) для каждого резидента на первые 10 лет присутствия в ТОР; безвозмездное приобретение земельных участков и возведенных инфраструктурных объектов; облегченная процедура возмещения НДС, уплаченного экспортерами; проведение контрольно-надзорных мероприятий исключительно с согласия на них со стороны Минвостокразвития; реализация механизма «одного окна» для всех резидентов ТОР<sup>2</sup>; применение

<sup>1</sup> По смыслу текста пояснительной записки к проекту Постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» [11].

<sup>2</sup> Принцип «одного окна» – это обеспечение инвесторам единых условий осуществления инвестиционной деятельности с целью снижения административных барьеров, сокращения времени согласования, создания упрощенного механизма централизованного оформления необходимой документации, упрощения реализации инвестиционных проектов.

процедуры свободной таможенной зоны; необременительный контроль со стороны органов государственной власти; ускоренное согласование строительства капитальных объектов, облегченное прохождение через зону таможенного контроля и иное упрощение установленных административных процедур.

Развитие инфраструктуры ДФО способствует привлечению инвестиций и притоку населения. Обеспечению мер по развитию экономики Дальневосточного региона способствует установление особого земельно-правового режима на его территориях. Этому вопросу посвящен ряд статей Закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

При решении задачи по увеличению притока населения в Дальневосточный федеральный округ первоначальным является развитие территорий, предназначенных для проживания. Особенности градостроительной деятельности в субъектах РФ, где учреждены ТОР, посвящена статья 26 вышеуказанного закона. Компетентным федеральным органом, который принимает решение о необходимости подготовки комплекта документов по планировке ТОР, является Минвостокразвития [10]. Подготовка документации проводится управляющей компанией ТОР и утверждается без проведения публичных слушаний.

До принятия решения об утверждении планировки будущей ТОР допускается проводить подготовительные работы по строительству объектов, необходимых в последующем для размещения элементов инфраструктуры. Следует отметить, что пункт 7 указанной статьи допускает размещение линейных объектов, требующихся для хозяйственной деятельности в районе образования ТОР, а также ввод таких объектов в эксплуатацию без получения градостроительных планов освоения земельных участков. Проектная документация должна отвечать установленным экологическим требованиям.

В статье 27 вышеуказанного ФЗ устанавливается пятидневный срок, наступающий после предварительной оплаты проведения экспертизы проектной документации в полном объеме, в течение которого на основании Федерального закона «Об экологической экспертизе» [17] и Градостроительного кодекса Российской Федерации [2] обязательно

проводится государственная экологическая экспертиза. Экологическая экспертиза проводится на предмет проверки соответствия проектной документации, материалов и иных документов требованиям вышеуказанного федерального закона. Все документы, составляющие предмет экспертизы, представляются ее заказчиком в компетентный федеральный орган исполнительной власти или орган исполнительной власти субъекта РФ, также имеющий необходимые полномочия.

На основании статьи 28 по ходатайству управляющей компании возможно публичное изъятие земельных участков с расположенными на них капитальными объектами для последующего возведения обеспечительной инфраструктуры ТОР. Перед принятием решения об изъятии земельного участка Минвостокразвития полномочно зарезервировать данный участок в целях инфраструктурного строительства в границах ТОР. После принятия решения компетентным исполнительным органом власти Российской Федерации управляющая компания ТОР обязана обеспечить проведение ряда мероприятий, требующихся для окончательного публичного изъятия земельных участков и возведенных на них капитальных объектов, иных имущественных объектов. Сюда в том числе относятся: оценка изымаемых объектов недвижимости (по поручению уполномоченного на то федерального органа власти), организация кадастровых работ, осуществление переговорного процесса с собственниками и иными правообладателями изымаемого имущества. Пункт 2 статьи 29 Закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» устанавливает, что зарезервированные земельные участки не являются объектом сделок, совершаемых в соответствии с нормами российского гражданского законодательства, а также не находятся в частной собственности.

В целях размещения объектов инфраструктуры предусмотрена процедура обременения земельных участков посредством установления сервитутов. Публичный сервитут возникает по решению компетентного федерального органа власти после подачи заявления лицом, ведущим деятельность, требующую установление режима сервитута. Такими лицами выступают организации, непосред-

ственно занятые в строительстве / эксплуатации инфраструктурных объектов той или иной ТОР.

Сервитутный режим для земельного участка, собственником которого является государство или муниципальное образование, вводится в результате заключения соглашения в порядке, предусмотренном Земельным кодексом Российской Федерации, как это сказано в пункте 2 статьи 30 Закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Установление сервитута в данной ситуации осуществляется без проведения общественных слушаний. Внесение платы за пользование сервитутом, равно как и финансовое обеспечение работ, требуемых для полноценного введения режима сервитута, происходит со стороны обладателя установленного сервитута.

Допускается размещение объектов инфраструктуры на землях лесного фонда с выборочной вырубкой лесов, которая производится по согласованию с федеральными властями. Проблема состоит в том, что лесной фонд находится в ведении субъектов, и производить какие-либо работы на территории лесного фонда необходимо по согласованию с уполномоченным исполнительным органом субъекта Российской Федерации. Для того чтобы данный вопрос не вызывал противоречий, следует наделить компетенцией по согласованию указанных работ на соответствующей территории уполномоченный исполнительный орган власти каждого субъекта РФ, входящего в Дальневосточный феде-

ральный округ, либо внести поправки в законодательство, которые передадут управление региональным лесным фондом в ведение Российской Федерации.

Для упрощения процедуры получения разрешения на строительство будет разработано Типовое положение о землепользовании и застройке ТОР, а впоследствии выполнена его адаптация к условиям каждой из территорий. Мобильные офисы (единый информационный интернет-портал, на котором граждане смогут получить соответствующую государственную услугу, не выходя из своего офиса или дома) обеспечат выдачу разрешения на строительство в ускоренном режиме при соблюдении инвестором ТОР установленных в Типовом положении градостроительных ограничений [11]. Однако освоение территорий Дальнего Востока уже началось, а без этих все еще принимаемых положений оно может носить неопределенный с точки зрения законодательства характер.

Предпринятые решения, описанные в статье, направлены на формирование условий, способствующих укреплению экономических позиций России на конкурентных рынках стран АТР и стимулированию социально-экономического развития Дальневосточного региона за счет создания дополнительных рабочих мест, новых промышленных объектов, производства экспортно ориентированной и импортозамещающей продукции, привлечения крупных инвестиций. Тем не менее отдельные существенные вопросы, упомянутые выше, все еще требуют своего законодательного решения.

#### Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – 3 августа. – № 31. – Ст. 3823.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – 3 января. – № 1 (часть 1). – Ст. 1.
3. Закон РСФСР от 4 июля 1991 г. – № 1545-1 (ред. от 10.02.1999) «Об иностранных инвестициях в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – 18 июля. – № 29. – Ст. 1008.
4. Закон СССР от 10 апреля 1990 г. – № 1421-1 «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 16. – Ст. 270.
5. Информация для резидентов ТОР. – URL: <http://minvr.ru/activities/toser.php> (дата обращения: 14.04.2017).
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – 7 августа. – № 32. – Ст. 3340.

7. Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ. – URL: [http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/about\\_cn/laws\\_ved\\_cn/special\\_area\\_cn/](http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/about_cn/laws_ved_cn/special_area_cn/) (дата обращения: 22.04.2017).
8. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 (ред. от 09.08.2016) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 5 мая. – № 18 (часть I). – Ст. 2154.
9. Постановление Правительства РФ от 26 апреля 2012 г. № 398 (ред. от 27.03.2013) «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – 7 мая. – № 19. – Ст. 2423.
10. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2012 г. № 664 (ред. от 21.12.2016) «О Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока» (вместе с «Положением о Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока») // Собрание законодательства РФ. – 2012. – 9 июля. – № 28. – Ст. 3898.
11. Пояснительная записка к проекту постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года"». – URL: <http://www.minvostokrazvitia.ru/activities/theprogram/> (дата обращения: 14.04.2017).
12. Результаты распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2017 год. – URL: [http://minfin.ru/ru/performance/regions/mb/mb2017\\_2019/](http://minfin.ru/ru/performance/regions/mb/mb2017_2019/) (дата обращения: 14.04.2017).
13. Указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 (ред. от 27.10.1992) «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – 21 ноября. – № 47. – Ст. 1612.
14. Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 5 декабря. – № 49 (ч. 5). – Ст. 7070.
15. Федеральный закон от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ (ред. от 11.03.2016) «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – 16 января. – № 3. – Ст. 280.
16. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – 25 июля. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.
17. Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – 27 ноября. – № 48. – Ст. 4556.
18. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – 5 января. – № 1 (часть I). – Ст. 26.
19. Федеральный закон от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.01.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – 7 июня. – № 23. – Ст. 2807.

**Рецензия на статью А. М. Джафарова  
«Доктрина разделения властей  
и проблема ее реализации в странах СНГ»**

**Ф. С. Абдуллаев**

председатель Конституционного суда Азербайджанской Республики.  
Адрес: Конституционный суд Азербайджанской Республики, AZ1005,  
Баку, Площадь Молодежи, д. 1, Азербайджанская Республика.  
E-mail: inter.dept@constcourt.gov.az

**Review of the Article by A. M. Jafarov  
"Doctrine of Separation of Powers and the Problem  
of Its Implementation in the CIS Countries"**

**F. S. Abdullaev**

President of Constitutional Court of Azerbaijan Republic.  
Address: Constitutional Court of Azerbaijan Republic, 1 Youth Square,  
Baku AZ1005, Azerbaijan Republic.  
E-mail: inter.dept@constcourt.gov.az

Демократические преобразования, произошедшие на постсоветском пространстве, в конце XX в., создали новую систему организации государственной власти. В качестве основы этих систем выступили такие принципы правового государства, как народный суверенитет, верховенство права, приоритет прав и свобод человека и гражданина, разделение властей и др.

Более чем 20-тилетний опыт реализации конституций стран СНГ позволяет дать определенную оценку указанным принципам как с точки зрения их реализации в современных политико-правовых условиях, так и с позиции перспектив их дальнейшего применения.

Политические, правовые, а также социально-экономические преобразования, проведенные в жизнь за последние годы в наших странах, заложили основу эволюции фундаментальных институтов и категорий конституционного права. Возник целый ряд проблем, нуждающихся в серьезной разработке с учетом новых теоретических позиций, основанных, в том числе и на правоприменительной практике. Ибо только результаты, прошедшие через реально прожитую практику, могут претендовать на объективность, независимую от погрешностей, предрассудков, сознательного искажения фактов.

Одним из институтов, требующих переосмысления и приведения в соответствие с современными реалиями, является доктрина

разделения властей. Это один из важнейших институтов демократии и системообразующее звено правовой системы. Однако, как справедливо отмечает в своей статье А. Джафаров: «Среди принципиальных просчетов на начальном этапе строительства в странах СНГ правового общества следует выделить и возведенную в ранг истины в последней инстанции западную доктрину разделения властей. К примеру, не проанализировав серьезно все за и против этого учения, в середине 90-х многие эксперты в странах СНГ априори посчитали, что она является универсальной матрицей, в силу чего вполне пригодна для создания в их странах рациональной модели государственного устройства...».

Действительно, на рубеже двух веков на территории постсоветских государств фактически впервые закреплялась концепция разделения властей. Закреплялась она без учета нюансов и специфики данной теории, тогда как мировой опыт реализации данного принципа развивался не одно столетие.

Далее А. Джафаров отмечает, что «многовековой опыт реализации этой формы государственного устройства показывает, что она не является совершенной, так как в каждой стране в процессе строительства демократического общества формируется присущая ей суверенная модель государственного устройства и механизма его управления, коррелирующая с особенностями национального мен-

талитета, обычаев, морально-нравственных устоев, правовых традиций и т. д.».

Таким образом, проблема соотношения общих требований концепции и «национальной» практики реализации разделения властей осталась нерешенной, в то время как, факторы, влияющие на процесс реализации принципа разделения властей, детерминируются спецификой развития государства, экономики и общества, природой управленческого механизма.

Однако, к сожалению, в странах СНГ концепция разделения властей была воспринята догматично, даже шаблонно. Ее воплощение не было обусловлено конкретными критериями времени и места и осуществлялось без учета исторических, политических и культурных традиций и т. д.

Также, как справедливо отмечается в рецензируемой статье, «не было принято во внимание, что классическая теория разделения властей как политическая доктрина государственного устройства, во-первых, была сформулирована Монтескье 270 лет назад (в 1748 г.) во Франции, в силу чего в ней объективно невозможно было предвидеть эволюцию системы государственного управления и развитие демократических институтов на несколько столетий вперед. ...При всей своей гениальности и прозорливости Монтескье вместе с тем даже гипотетически не мог предвидеть появление таких особых институтов государственной власти, которые при осуществлении своих полномочий независимы от законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти».

Действительно, думается, в нынешних реалиях несколько тривиально сводить количество властей до трех. Ведь со времен возникновения классической концепции существенно усложнился государственный механизм, появился ряд новых государственных органов, между которыми существуют довольно непростые взаимосвязи. Сформировались новые формы распределения публичной власти, а зарождение и развитие федеративных систем добавило к разделению властей по горизонтали разделение властей по вертикали.

Появились новые центры власти, которые отсутствовали в традиционной схеме с тремя властями. Это и конституционные суды, и

центральные банки, независимые избирательные администрации, уполномоченные по правам человека, муниципалитеты. Зачастую такие органы искусственно относятся к одной из основных ветвей власти, при этом не учитывается специфическая природа данных институтов.

К примеру, прокуратура Республики Казахстана отнесена Конституцией к органам судебной власти, поскольку статья Конституции Республики Казахстан, определяющая ее статус, включена в Раздел VII «Суды и правосудие». В то же время, согласно той же Конституции, прокуратура Республики Казахстан составляет единую централизованную систему и «от имени государства осуществляет в установленных законом пределах и формах высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан...» (статья 83). Согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации», прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Таким образом, несмотря на то, что формально прокуратура отнесена к судебной ветви власти, вопрос о месте прокуратуры в системе разделения властей остается открытым. Более того, согласно А. И. Казаннику, прокуратура имеет признаки самостоятельной ветви власти. Она организационно обособлена от других органов государственной власти, отличается специфическими признаками организации и деятельности, использует особые формы и методы реализации своих полномочий и т. д. Той же позиции придерживается И. М. Байкин [1; 3]. А. Г. Звягинцев же как-то высказался по этому поводу следующим образом: «Если посмотреть вглубь веков, то можно смело сказать: долгое время Россия жила и развивалась не по Монтескье – прокуратура на значительном историческом промежутке фактически была самостоятельной ветвью власти. Не видеть этого сегодня – не только не знать своего прошлого, но и не понимать настоящего» [10].

И в этом контексте уместно было бы вспомнить высказывания В. Е. Чиркина, кото-

рый еще 20 лет назад отмечал, что «концепция разделения властей имеет прежде всего ориентирующий характер» и что «в угоду догматическому его пониманию не следует закрывать глаза на реальную ситуацию» [9. – С. 255].

Большой интерес вызывает место органов конституционного контроля в системе сдержек и противовесов. К примеру, положения Конституции, регламентирующие деятельность Конституционного суда Азербайджана, содержатся в разделе «Судебная власть». Тем не менее причисление Конституционного суда к судебной ветви власти не раскрывает всю полноту его правовой природы ввиду того, что он отличается от других судебных органов спецификой своей компетенции, организацией, характером дел, подлежащих рассмотрению, юридической силой принимаемых решений и механизмом их исполнения. Он отправляет особый вид правосудия – конституционное правосудие.

При осуществлении конституционного судопроизводства Суд оказывает воздействие на формирование новой правовой системы, развитие законодательства, непосредственно влияет на процесс законотворчества. Происходит это путем выработки в итоговых актах Конституционного суда правовых позиций, которые отражают новое понимание права, определяют ориентиры правовой политики, контуры конституционно-правовых преобразований во всех сферах жизни Республики.

Правовые позиции отражают отношение судей Конституционного суда к правовым проблемам, закрепленным в решениях. Эти решения – определяющий довод, аргумент, обязательный для применения другими судами. Правовые позиции образуют интеллектуально-юридическое содержание постановлений и определений Суда.

Позитивное право довольно консервативно, поэтому появление новых институтов, категорий, понятий зачастую сталкивается с весьма сдержанным и противоречивым отношением. Касательно правовых позиций также обозначились определенные проблемы, связанные, например, с их квалификацией как одного из источников права. Ведь Основной Закон закрепил разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную как один из основополагающих

принципов формирования и функционирования правового государства (статья 7 Конституции Азербайджанской Республики).

Сам Конституционный суд в своем постановлении [4] от 1 декабря 2010 г. отметил, что, согласно принципу разделения властей, Конституционный суд не нормотворческий орган, он не принимает нормативно-правовые акты относительно регулирования каких-либо правовых отношений, в том числе не обладает полномочиями внесения дополнений в какой-либо нормативно правовой акт, а является высшим органом конституционного правосудия, осуществляющим конституционный контроль над актами, принятыми органами законодательной, исполнительной и судебной властей и органами местного самоуправления.

Несомненно, итоговым актам Конституционного суда присущи свойства нормативно-правовых актов, так как они направлены не только на толкование, выявление подлинного смысла и отмену норм права, но и на изменение сферы их действия. Решение Конституционного суда, в результате которого акт теряет силу, приводит к его удалению из правовой системы, фактической отмене и к изменениям в нормативно-правовом массиве, осуществлении прав, обязанностей и ответственности субъектов права, т. е. оказывает регулирующее воздействие на общественные отношения. Такие колоссальные юридические последствия означают, что решениям Конституционного суда присущи свойства нормативности и большая юридическая сила по сравнению с признаваемыми неконституционными положениями закона.

Таким образом, Конституционный суд выступает в роли негативного законодателя. Однако эта роль не сводится к фактической отмене акта. Признание закона неконституционным всегда опирается на толкование, которое раскрывает подлинный смысл конституционно-правовых принципов и норм, и в этом контексте должно содержать проверку акта. Следует отметить, что при толковании общие конституционные установки конкретизируются, соприкоснувшись с реальной жизнью права. Таким образом, формируется живое право, воплощающееся в правовых позициях Конституционного суда. Думается, в этом свете справедлива характеристика Конституционного суда и как позитивного законо-

дателя. Естественно, формулировка «позитивный законодатель» не предполагает, что Суд наряду с парламентом принимает законы. На Конституционный суд возложена миссия интерпретирования, а интерпретировать можно только то, что уже существует.

Проблема определения места, занимаемого Конституционным судом в системе органов государственной власти, находится в постоянном фокусе внимания научных деятелей и правоприменителей. Данный вопрос становится предметом многочисленных дискуссий: одни утверждают, что Конституционный суд – это элемент судебной системы, другие пытаются выделить его в самостоятельную – контрольную – ветвь власти, третьи относят Конституционный суд к органам, выполняющим законодательные функции. Председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин определяет Конституционный суд РФ как высший орган России по защите конституционного строя [2]. Таким образом, можно констатировать, что Конституционный суд, являясь гарантом равновесия властей, арбитром между ветвями власти и регулятором приспособления всевозрастающей государственной структуры к конституционным требованиям, занимает особенное место в троичной системе разделения властей. Сегодня органы конституционного правосудия – это в некоторой степени власти-арбитры, которые находятся над другими ветвями власти ввиду того, что обеспечивают их согласованное функционирование и разрешение конфликтов между ними.

Как видно из приведенных выше примеров, существует целый ряд государственных органов, которые формально и функционально не относятся ни к одной из триады властей, – государственные органы с особым статусом. Это, однако, не опровергает теорию разделения властей. Разделение властей – действительно основополагающий принцип, цель которого – не допустить злоупотребление властью, узурпацию ее в одних руках, обеспечить демократическое правление и свободу в обществе [5; 6; 7. – С. 47–48]. Но признавая существование определенного кризиса в классическом понимании теории разделения властей, приходится констатировать, что традиционная концепция разделения властей нуждается в преобразовании.

В этом контексте А. Джафаров отмечает в своей статье: «...назрела необходимость с помощью прогрессивных идей Монтескье, высказанных им в его фундаментальном произведении «О духе законов», и других выдающихся умов о рациональном государственном устройстве разработать новую доктрину управления демократическим государством в современных условиях, адаптированную к сложившимся реалиям в постсоветских странах и их многовековым традициям, укладу общественной жизни, мировоззренческим ценностям и т. д.

В качестве пилотного проекта такой модели механизма управления государством могла бы стать модель, основанная как на фундаментальных ценностях *евразийской (восточноевропейской) цивилизации*, так и на принципе неделимости верховной власти, носителем которой является всенародно избранный глава государства».

Действительно, в настоящее время не мало аргументов, свидетельствующих в пользу того, что президентская власть наряду с законодательной, исполнительной и судебной формирует механизм разделения властей. Во всех странах СНГ введен институт президентства. В различных странах Содружества используется различная модель президентуры. Президент выступает либо как глава государства (Беларусь, Казахстан, Киргизия), либо как глава государства и исполнительной власти (Азербайджан, Грузия, Туркмения, Узбекистан).

Сегодня институт президентства обладает весомым организационным единством, конституционно закрепленными властными полномочиями и действенным механизмом их реализации. Статус этого института таков, что позволяет рассматривать его с точки зрения особого участника системы разделения властей.

Так, по мнению Г. Н. Чеботарева, «наряду с тремя ветвями власти следует выделять и четвертую ветвь – президентскую власть. Необходимость ее выделения определяется характером и объемом конституционных президентских полномочий, а также прямым указанием Конституции РФ (статья 11) на то, что государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное собрание (Совет

Федерации и Государственная дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации» [8. – С. 14].

Безусловно, современное государство развивается, совершенствуется, становясь мультифункциональной системой управления обществом. Это уже не амальгама органов власти, осуществляющих свою деятельность на принципах, о которых говорили Аристотель, Руссо и Монтескье. Потребность в реформировании института разделения властей

в странах СНГ обусловлена тем, что, каждое из государств обладает национально-историческими особенностями и традициями, что не может не сказаться на содержании и форме организации власти. В то же время общее историческое прошлое накладывает определенный отпечаток на происходящие в них политические и правовые процессы, порождающие необходимость переосмысления в том числе и доктрины разделения властей.

### Список литературы

1. *Байкин И. М.* Прокуратура и Судебная власть // Российская Юстиция. – 2009. – № 10. – С. 36–37.
2. *Зорькин В. Д.* Конституционный суд России в историческом контексте. – URL: <http://www.ksrf.ru>
3. *Казанник А. И.* Конституционно правовой статус прокуратуры РФ: мифы и реальность // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 15. – С. 13–16.
4. Постановление Пленума Конституционного суда Азербайджанской Республики «О проверке соответствия статей 8.1 и 8.3 Закона Азербайджанской Республики «О трудовых пенсиях» Конституции Азербайджанской Республики» от 1 декабря 2010 г. – URL: <http://www.constcourt.gov.az/decisions/187>
5. Резолюция ПАСЕ № 1154 (1998) «Демократическое функционирование национальных парламентов». – URL: [www.assembly.coe.int](http://www.assembly.coe.int)
6. Резолюция ПАСЕ №1407 (2004) «О новых концепциях оценки состояния демократического развития». – URL: [www.assembly.coe.int](http://www.assembly.coe.int)
7. *Станских С. Н.* Парламентская ассамблея Совета Европы о принципе разделения властей в XXI веке // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 1. – С. 47–48.
8. *Чеботарев Г. Н.* Принцип разделения властей в конституционной системе Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1998.
9. *Чиркин В. Е.* Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М. : Зерцало, 1998.
10. *Яровиков К. Ю.* Надзорная функция прокуратуры: История и проблемы развития // Государство и право. – 1999. – № 11. – С. 68–72.

**Рецензия на статью А. М. Джафарова  
«Доктрина разделения властей  
и проблема ее реализации в странах СНГ»**

**М. И. Клеандров**  
доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН,  
главный научный сотрудник Института государства и права РАН.  
Адрес: Институт государства и права РАН, 119019,  
Москва, ул. Знаменка, д. 10.  
E-mail: mklean@ksrf.ru

**Review of the Article by A. M. Jafarov  
"Doctrine of Separation of Powers and the Problem  
of Its Implementation in the CIS Countries"**

**M. I. Kleandrov**  
Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the RAS,  
Chief Researcher of the Institute of State and Law of the RAS.  
Address: The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka Str.,  
Moscow, 119019, Russian Federation.  
E-mail: mklean@ksrf.ru

В опубликованной в № 3 (11) за 2017 г. уважаемого журнала «Экономика. Право. Общество» статье доктора юридических наук А. М. Джафарова «Доктрина разделение властей и проблемы ее реализации в странах СНГ» содержится много интересных мыслей и в целом обосновывается целесообразность разработки новой доктрины, условно им поименованной как «Древо власти и его ветви, осуществляющие управление государством».

Не претендуя в целом на анализ все, высказанного А. М. Джафаровым в названной статье, представляем необходимым вкратце указать на одну из проблем доктрины разделения властей, лишь вскользь упомянутой А. М. Джафаровым, а конкретно – о названном им Судебно-правовом совете как органе самоуправления судебной власти, особом, в числе иных, институте государственной власти, осуществляющем в странах СНГ свои полномочия независимо от законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

В Российской Федерации есть Совет судей. Это двухуровневый (федеральный и субъектов РФ) орган судейского сообщества, и уже по этой причине органом судебной ветви государственной власти России его назвать нельзя.

Статья 10 Конституции РФ провозглашает, что государственная власть осуществляется

на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, а органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Статья 11 Конституции РФ указывает, что государственную власть в России осуществляют, кроме иных органов, суды РФ.

При этом законодательную власть представляет, что естественно, двухпалатный Парламент РФ, исполнительную власть – Правительство РФ. А какой государственно-властный орган представляет в России судебную власть? Не осуществляет, а представляет, олицетворяет, выступает от имени всех судов РФ, непосредственно осуществляющих эту власть? Верховный суд РФ? Нет, поскольку в силу статьи 126 Конституции РФ он является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, а также осуществляет в соответствующих процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов, и, кроме того, дает разъяснение по вопросам судебной практики. Не больше, т. е. Верховный суд РФ – не «начальник» над 2,5 тысячами судами (судебными органами) плюс 7,5 тысячами мировыми судьями, в судебные органы не входящими. Разумеется, таким органом не являет-

ся ни Конституционный суд РФ, ни тем более Судебный департамент при Верховном суде РФ и т. д.

Но ведь судебная система в России – это огромный, сложный организационно-материальный организм, к тому же дорогостоящий. Кто должен разрабатывать стратегию его развития, реализовывать эту стратегию, отвечать за успехи или неудачи в этой реализации, наконец, кто, какой государственный орган должен отвечать перед российским обществом за то, чтобы оно, это общество, было довольно судебной властью?

Во многих государствах мира, в том числе в нескольких странах СНГ, такой орган есть. Это конституционно закрепленный государственно-властный орган, по-разному формируемый, с различным объемом полномочий, создаваемый и действующий на основе специального законодательного акта. Но обычно он ведает вопросами финансовыми, кадровыми, организационными, вопросами материально-ресурсного обеспечения и прочими, не являясь при этом судебным органом и не вмешиваясь ни в коей мере в правосудную деятельность судов и судей. Во Франции, например, статья 64 Конституции провозглашает: «Президент Республики является гарантом независимости судебной власти. Ему содействует Высший совет магистратуры». К полномочиям этого Совета отнесены назначение судей и продвижение их по службе; осуществление деятельности в качестве дисциплинарного органа; содействие образовательному процессу в Национальной школе магистратуры и т. д. При этом данный орган возглавляет непосредственно Президент Французской Республики.

Симптоматично, что хотя подобного органа в РФ сегодня нет, но уже в новейшей истории он вполне реально мог дважды образоваться. По Ельцинскому проекту Конституции РФ он (в статье 125) назывался Высшим судебным присутствием (октябрьские события 1993 г. его исключили из проекта). А в предложениях Рабочей группы по вопросам совершенствования законодательства РФ о судебной системе, образованной Распоряжением Президента РФ В. В. Путина от 28 ноября 2000 г., он присутствовал как Высший судебный совет. И это единственное предложе-

ние названной Рабочей группы, которое Президент РФ не поддержал. По всей видимости, потому, что внедрение этого предложения могло потребовать корректировки Конституции: этот Совет замахивался на роль арбитра в спорах между высшими судами страны по вопросам подведомственности дел.

Такого органа сегодня нет, но объективная необходимость в нем есть, причем весьма настоятельная. Эта потребность заполняется властью исполнительной – исключительно важный для механизма судебной власти акт – Федеральная целевая программа «Развитие системы Российской Федерации ...» (на периоды в несколько лет) утверждается Правительством РФ, а ее руководителем является Министр экономического развития РФ, который несет персональную ответственность за ее реализацию и конечные результаты. Сама же Программа не ограничивается материально-ресурсным обеспечением судебной системы – в действующей Программе (на 2013–2020 гг.) ее задачей провозглашено, в частности, обеспечение независимости судебной власти; целью – повышение качества осуществления правосудия; а целевым индикатором – снижение доли граждан, считающих организацию работы судов неудовлетворительной с 19,1% в 2012 г. до 5% в 2020 г. А это уже стратегия развития организации судебной власти, и почему исполнительная власть должна определять ее и отвечать за ее обеспечение?

То есть мы имеем классическое неисполнение положений статьи 10 Конституции РФ. А поскольку данная статья помещена в первую главу Конституции РФ, ее изменить можно только посредством замены всей Конституции РФ на новую. Да и надо ли менять эту статью, отступать от принципа разделения властей? Напротив, надо этот принцип соблюсти в полной мере. Относящееся к судебной власти в статье 10 Конституции РФ наполнить полноценным содержанием, разрабатывая при этом, как предлагает А. М. Джафаров, доктрину управления демократическим государством в современных условиях, адаптированную к сложившимся реалиям в постсоветских странах и их многовековым традициям, укладу общественной жизни, мировоззренческим ценностям и т. д.

## Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5 строки.  
Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.  
Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
  - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
    - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф.И.О. автора, ученую степень, ученое звание;
    - б) заглавие статьи;
    - в) аннотация – не менее 120 слов – должна включать:
      - предмет исследования (не менее 65 слов);
      - метод или методологию исследования (не менее 15 слов);
      - научную новизну и выводы (не менее 40 слов).
    - г) ключевые слова – не менее 10 слов;
    - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
  - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
    - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф.И.О. автора, ученую степень, ученое звание;
    - б) заглавие статьи;
    - в) аннотация – не менее 120 слов – должна включать:
      - предмет исследования (не менее 65 слов);
      - метод или методологию исследования (не менее 15 слов);
      - научную новизну и выводы (не менее 40 слов).
    - г) ключевые слова – не менее 10 слов;
  - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
  - 6.1. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].
  7. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.
  8. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.
  9. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.
  10. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.
  11. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.  
Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.
12. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.

Для заметок